НОВАЯ ПОЛЬША

№2(83) 2007

КАПУСТИНСКИЙ ПОКИНУЛ МИР, КОТОРЫЙ ОН НАМ ОТКРЫЛ

Последние стихи Чеслава Милоша

Вацлав Завадский и Юзеф Чапский о Лукасинском

Киев Булгакова и Ивашкевича

СТИХИ ЯНИНЫ КАЦ

Русский язык — путь к карьере

Юбилей Владислава Бартошевского

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2(83)
2007
февраль

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Мариуш Щигел 5
КАПУСТИНСКИЙ — КРУПНЕЙШИЙ ПОЛЬСКИЙ РЕПОРТЕР

Адам Даниэль Ротфельд 7
РЫШАРД КАПУСТИНСКИЙ — ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ежи Яжембский 9
ВОИНСТВУЮЩИЙ КРУГОСВЕТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Рышард Капустинский 10
ИНОЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ

Виктор Кулерский 13
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

РАЗГОВОР О МАЛЫХ РОДИНАХ 18

Яцек Лукасевич 24
У ЛЕСТНИЦЫ ПЕРЕКЛАДИНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРОЧНЫМИ

Чеслав Милош 26
Из книги «ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

Мариан Сталя 29
О «ПОСЛЕДНИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ» ЧЕСЛАВА МИЛОША

Вацлав Завадский 32
ВАЛЕРИАН ЛУКАСИНСКИЙ И ЕГО ЗАПИСКИ

Юзеф Чапский 40
КАК ЖИТЬ?

Янина Кац 42
СТИХОТВОРЕНИЯ

ДЛЯ ТОГО ЛИ ОНА УМЕРЛА?.. 47
Беседа с Яниной Кац

Богуслав Бакула 53
КИЕВ — ГОРОД МАСТЕРОВ

Ярослав Ивашкевич 60
КИЕВ

КРАКОВ — ГОРОД ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ 63
Беседа с Габриэлой Матушек

Катажина Валь 65
РУССКИЙ ЯЗЫК — ДОРОГА К КАРЬЕРЕ

Лешек Шаруга 67
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 70
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Яцек Май 74
ПРИЧЕРНОМОРСКИЕ СОКРОВИЩА В КРАКОВЕ

Наталья Будзан 76
ВРОЦЛАВСКИЕ ВСТРЕЧИ ТЕАТРОВ ОДНОГО АКТЕРА

Магдалена Байер 78
ИЗ СЕДЛА НА КАФЕДРУ

ЧИТАТЕЛЬ — АВТОРУ 81

Переводчики: А. Бондарев, Е. Гендель, Н. Горбаневская, П. Кузнецов, А. Ройтман, С. Священский, К. Старосельская,С. Тонконогова, Е. Шиманская
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 84), Archiwum (стр. 36, 74, 75, 79), П. Блоневский, Киев, архив Е. А. Земской (стр. 53), Borgens Forlag, Dania (стр. 47), E. Lempp (стр. 3), Muzeum Iwaszkiewiczów (стр. 60)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

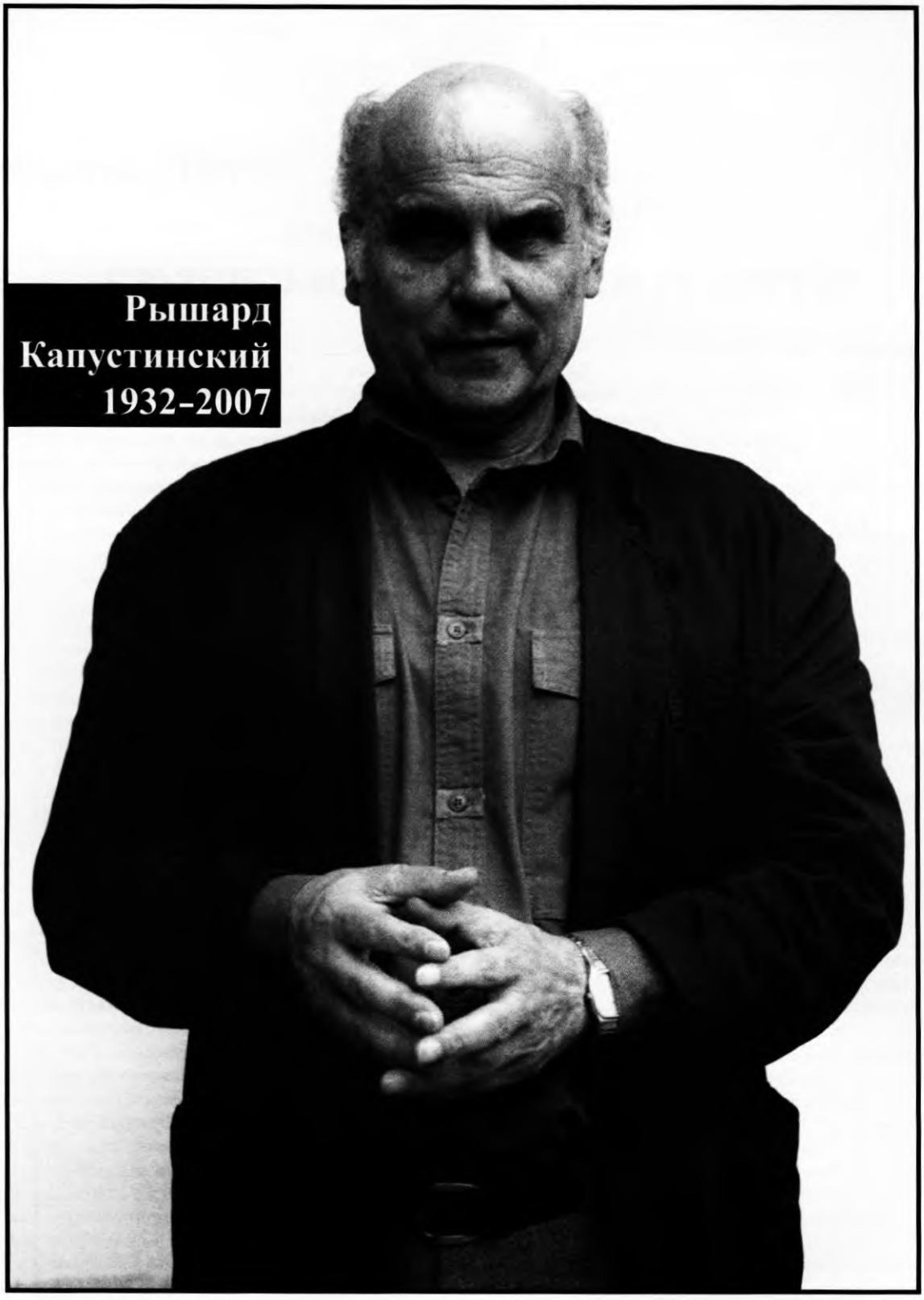
Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**
Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4800 экз.


Рышард
Капустинский
1932–2007

Рышард Капустинский

Мариуш Щигел

КАПУСТИНСКИЙ — КРУПНЕЙШИЙ ПОЛЬСКИЙ РЕПОРТЕР

Он был самым знаменитым польским писателем второй половины XX века. Единственным, который приобрел широчайшую международную известность.

Рышард Капустинский родился в 1932 г. в Пинске на Полесье (ныне Белоруссия). Однажды он признался, что так охотно ездил в бедные страны потому, что в них было что-то от Полесья.

Когда вспыхнула война, ему было семь лет. Семья успела бежать от советской оккупации и поселилась в Серакове, в Кампиносской пуще. Когда в интервью ему задавали вопросы о страхе, который он испытывал, находясь в качестве репортера на различных фронтах планеты, он говорил: «Для тех, кто пережил войну, она никогда по-настоящему не кончается».

Школу он закончил в 1950 году. Уже тогда он был многообещающим спортсменом, вице-чемпионом Варшавы по боксу среди юниоров. Еще он писал стихи. Впервые они были опубликованы в еженедельнике «Дзись и ютро» («Сегодня и завтра»), когда ему было всего 17 лет. Благодаря поэтическим публикациям на молодого автора обратили внимание редакторы ежедневной газеты «Штандар млодых». После школы он начал работать курьером. Со временем одаренный курьер стал печатать собственные репортерские заметки. В 1951 г. он поступил на факультет польской филологии Варшавского университета, но затем все-таки перешел на исторический.

21 августа 1955 г. была опубликована знаменитая «Поэма для взрослых» Адама Важика, повествовавшая о беспросветной жизни строителей металлургического комбината в Новой Гуте под Краковом. Партийные органы сочли поэму антипролетарским сочинением. «Штандар млодых» отправил Капустинского в командировку в Новую Гуту. 30 сентября 1955 г. в газете появился его репортаж «Это тоже правда о Новой Гуте». Правдой были почти первобытные, нечеловеческие условия жизни рабочих, грязь, голод, отсталость. На волне польской «оттепели» 1956 года Капустинский получил за этот репортаж первую свою награду — золотой крест ордена Заслуги.

Чтобы молодой репортер перестал заниматься неудобными темами, редакция отправила его в далекие командировки. В 1956 г. он отправился в Индию, побывал в Афганистане и Пакистане. Поговорить он ни с кем не мог, потому что говорил только по-польски. В римском аэропорту он купил английское издание «По ком звонит колокол» Хемингуэя, а словарь захватил с собой в чемодане. Так он выучил английский.

В 1957 г. Капустинский уволился из «Штандара млодых». Он попал в Польское агентство печати (ПАП), а позднее Дариуш Фикус предложил ему штатную должность в самом популярном польском еженедельнике «Политика».

В начале 60-х рождался «третий мир». Получило независимость Конго, самая недоступная страна Африки, но сразу же после этого она пережила военный путч, бельгийскую интервенцию, анархию и кровавую резню. Въехать туда с польским паспортом было невозможно. Капустинский нелегально, через джунгли, пробрался в Конго. Он описал это спустя 18 лет в сборнике «Футбольная война» (1978).

В 1962 г. он вернулся в ПАП и стал корреспондентом в Африке. О зарождении «третьего мира» он писал в сборниках репортажей «Черные звезды» (1963) и «Если бы вся Африка» (1969). С этого момента о книгах Капустинского рецензенты напишут больше слов, чем содержится в самих этих книгах. Сам автор считал, что книга «Еще день жизни» (1976) возникла только потому, что в Анголу не хотел ехать ни один журналист. В Иран он поехал потому, что туда боялся поехать один его коллега. В Африке Капустинский заболел туберкулезом и малярийным менингитом. В середине 1967 г. он отправился в поездку по семи среднеазиатским и закавказским республикам СССР. Результатом этой поездки стала книга «Киргиз сходит с коня» (1968). Рецензенты подчеркивали, что перед читателями возник импрессионистский образ того, что до этого считалось единым монолитом — «советской Азией».

Осенью 1967 г. он стал корреспондентом ПАП в Латинской Америке, где прожил пять лет: в Чили, Мексике, Боливии, Бразилии. Плодами этого периода стала книга «Почему погиб Карл фон Шпрети» (1970), повествующая о Гватемале на фоне истории похищения и убийства немецкого посла, и «Христос с винтовкой на плече» (1975) о Боливии, Доминиканской республике и Гаити.

Четыре раза его хотели расстрелять: солдаты, с которыми он сталкивался, подозревали, что он действует в пользу врагов. Однажды он избежал смерти только потому, что солдат, который должен был его застрелить, был так пьян, что не мог справиться с револьвером. На двенадцати фронтах (из них несколько раз на передовой линии)

ему пришлось бороться за то, чтобы выжить. Тем не менее он из принципа старался никогда не иметь при себе никакого оружия — даже ножа.

В 1974 г. он начал работать в варшавском еженедельнике «Культура» (это сотрудничество продолжалось до 1981 г.) и сразу поехал в Африку. В получившей независимость Анголе началась гражданская война. Ее события он описал в книге «Еще день жизни» (1976). В ней он свел факты к их чисто внешней стороне, выдвигая на первый план собственные ощущения. Тем самым он еще раз подчеркнул свой сугубо индивидуальный подход к описанию действительности. Это было предвестие нового жанра, мастером которого он станет в будущем: репортаж-эссе (как он сам это называл), не содержащий тысяч излишних цифр и фактов, где наблюдение становится лишь исходным пунктом для более широкого интеллектуального раздумья. «Один-единственный Капустинский стоит тысячи скулящих и фантазирующих бумагомарателей», — написал Салман Рушди в предисловии к английскому изданию.

Две следующие книги принесли Капустинскому международную известность: «Император» (1978), история-притча о величии и падении императора Хайле Селассие в Эфиопии, и «Шахиншах» (1982) — о дворе шаха Резы Пехлеви в Иране. Автора осыпали словами восхищения Джон Ле Карре, Норман Мейлер, Сьюзан Зонтаг. Джон Апдайк назвал «Императора» «волшебными раздумьями, нередко превращающимися в поэзию и афоризмы». «Императора» сравнивали с прозой Камю и Вольтера. В 1983 г. газета «Санди таймс» присудила «Императору» звание «книги года».

В августе 1980 г. Капустинский поехал на Балтийское побережье, где в течение 12 дней наблюдал за событиями в Щецине, Гданьске и Эльблонге. К сожалению, от того периода сохранилось всего-навсего шесть машинописных страниц: свои записи он опубликовал десять лет спустя в «Лапидариуме» (1990).

1989 год стал началом путешествия по распадающейся советской империи. С перерывами оно продлилось до 1991-го. Автор проехал более 60 тысяч километров и беседовал более чем с полутора тысячами людей. «Империя» стала третьей книгой Капустинского, встретившейся с оглушительным успехом на Западе. Ее автор стал самым переводимым польским писателем. В разных странах мира «Император» был издан 28 раз, «Империя» — 23 раза.

В 1986 г. читатели познакомились со зрелым поэтическим творчеством Капустинского, выпустившего стихотворный сборник «Записная книжка». В 1990 г. вышел первый том «Лапидариума» — сборника коротких записей и заметок, связанных с книгами и путешествиями. Следующие тома этого цикла все чаще перестают быть личными наблюдениями, а становятся размышлениями о судьбах мира. Когда Капустинский начал писать «Эбен» (1998) — крупное эссе об Африке, — он собрал у себя в библиотеке 260 книг и монографий об этом континенте. Он хотел, чтобы в этой книге были систематизированы знания человека из Европы о Черном континенте.

А еще он мечтал написать такую книгу, чтобы в ней, как в этой книге об Африке, был представлен обобщенный образ нашей планеты, увиденный глазами репортера. Лучше всего, если бы это была история «Одного дня планеты», а начал бы он ее описанием того, как солнце встает над Тибетом, над Сахарой, над Флоренцией и над Лимой...

Он скончался после тяжелой и продолжительной болезни в больнице варшавской Медицинской академии за два месяца до своего 75-летия.

Адам Даниэль Ротфельд

РЫШАРД КАПУСТИНСКИЙ — ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Говорят, что незаменимых людей нет. Однако Рышард Капустинский принадлежит к тем, кого никем не заменишь.

Капустинский начинал свою карьеру как журналист и репортер. Его творчество часто относят к жанру литературного репортажа, литературы факта, но его не подчинишь законам какого бы то ни было литературного жанра, ибо писатель совершенно естественно соединял разные формы словесности — поэзию, репортаж, эссеистику, фактографию и размышления. Напомню малоизвестный факт: в начале 1960-х Капустинский написал репортаж о перевозке тела шахтера из Силезии на север Польши — откуда тот был родом. Один польский писатель (не стану называть его фамилию) видимо счел, что репортаж написал какой-то неизвестный газетчик, расписал текст Рышарда на голоса и издал как свою пьесу. И ее ставили. Хотя Капустинский был человеком очень скромным, но к тому, что и как пишет, он относился серьезно. Вместе с редакцией «Политики», где он тогда работал, Капустинский подал в суд на писателя. Заодно он приобрел дополнительные симпатии читателей «Политики», где рядом с репортажем Капустинского был перепечатан плагиат. Тогда я еще не знал Рышарда лично, но подумал, что, предоставив судить читателям, он поступил в высшей степени порядочно и разумно.

Еще в конце 50-х Рышард Капустинский стал корреспондентом Польского агентства печати в Индии, потом его послали в Африку — в Танганьику. Тогда-то я с ним и познакомился. Шел 1962 год. Надо сказать, что в то время большинство его корреспонденций, если не все, не годились для печати. Редакция ПАП требовала от него сухих, сжатых, написанных официальным языком отчетов, а Рышард писал литературные произведения. К счастью, люди, работавшие в ПАП, считали их необычайными. Его тексты производили на всех огромное впечатление. В те времена цензура «берегла» общество от нежелательной информации — говорю это иронически и в шутку. Что годится для простых людей, а что — для тех, кто ими правит, решали цензоры. Корреспонденции Капустинского печатались в «Специальных бюллетенях». Сегодня даже трудно объяснить, что это такое. Это была форма печати, читать которую было дозволено лишь правящей верхушке да главным редакторам газет. Туда попадали перепечатки из иностранной прессы и те материалы корреспондентов ПАП, которые невозможно было опубликовать в нормальной печати из-за того, что в них содержались сведения, запретные для рядового читателя: ему полагалось видеть мир черно-белым. И вот в этих специальных бюллетенях печатали Рышарда Капустинского. Это тексты неизвестные или малоизвестные — Капустинский потом никогда их не переиздавал. А жаль...

Рышард Капустинский создал уникальный тип литературы. Я уже сказал, что эту литературу не удастся положить на определенную полочку. Одно ясно: его словесность — на высшем уровне. Он придавал огромное значение форме, стилю, слову. Он был мыслителем и эрудитом, но писал с позиции обычного простого человека, обладающего врожденной мудростью, жизненным опытом, но вовсе необязательно — образованием. Он был понятен всем. Его читают профессора университетов, выдающиеся мыслители, потому что находят у него то, о чем сами неспособны написать: у них нет ни метода, ни способа, как писать о самых главных сегодня явлениях — о духовной жизни Иных.

Сложность мира можно показывать так, как показывают ее выдающиеся социологи или философы. В середине 90-х Сэмюэл Хантингтон написал знаменитую книгу «Столкновение цивилизаций». Там он представил картину великих цивилизаций, отождествляемых главным образом с религией, которые не могут понять друг друга. Хантингтона сочли чуть ли не пророком. Сквозь призму его труда сегодня пытаются объяснять всё, что происходит в мире. Но это недоразумение. Столкновение цивилизаций не неизбежно, да и вообще это неправда. На мой взгляд то, что он написал, попросту вредно, ибо может сыграть роль самоподтверждающегося прогноза. Цивилизация — это комплекс позитивных ценностей (разве что кто-нибудь сочтет цивилизаций систему злодеяний и смерти), норм, традиций и моделей поведения, охватывающий не только религию, но и культуру и склад ума. Огромной заслугой Капустинского, тем, чего прежде никто не делал, было то, что он стремился видеть чужие ценности. Он не принимал позиции, характерной для людей Запада — Европы, Северной Америки. Не говорил о дистанции, которая отделяет страны Африки, Азии, Латинской Америки от высокоразвитого мира. Он полагал, что они равноправны. Он преодолевал страх перед чуждостью, перед тем, что создает в сегодняшнем мире

чувство крайней неуверенности, — страх перед иными цивилизациями, культурами, перед иными людьми. Благодаря ему неизвестное становилось все более известным и понятным.

Опыт, который он вынес из довоенного Пинска — одной из самых бедных провинций на восточных окраинах Польши, — помогал ему описывать мир бедных, дискриминируемых, преследуемых людей. Польская нищета, во много раз увеличившаяся во время войны, стала для него точкой отсчета. Благодаря этому он мог констатировать, что в сравнении с тем, как живут люди на других континентах, страшная польская нищета — это богатство. Он не написал ни одной книги о богатой стране.

Многие писатели с так называемой периферии едут в Лондон, Париж, Нью-Йорк. Они зачарованы богатством Запада и считают, что попали в центр вселенной. Капустинский выбирал совершенно другие пути, которые вели из центра на периферию. Она была ему несравнимо интересней. Оказалось, что люди, населяющие центр, в восторге от того, что он пишет, в несравненно большей степени, чем если бы он писал о польском захолустье или о том захолустье, которое представляют собой многие западно- и восточноевропейские страны.

Капустинского обожали во всем мире, его переводили лучшие переводчики. Нет ни одного польского писателя, которого переводили бы так много. Вслед за Станиславом Лемом он стал одним из самых известных польских писателей и свыше тридцати лет подряд сохранял за собой это место. Некоторые сборники его стихов вышли по-итальянски, потому что интерес к нему в Италии был необычаен. То же самое в Испании и Латинской Америке (где он руководил школой для журналистов вместе с Маркесом).

Он приехал в Швецию, когда я был там директором Международного института по изучению проблем мира (SIPRI). Я поехал с ним на лекцию, которую он должен был читать в огромном зале профсоюзов, рассчитанном на несколько сот человек. Был февральский морозный день. Перед зданием столпились люди. Я подумал, что проходит какое-то молодежное мероприятие. Оказалось, что это читатели, которые пришли на лекцию Капустинского и которым не хватило мест. Он согласился остаться еще на день. Я никогда не видел, чтобы какой-нибудь писатель пользовался таким интересом.

Рышард Капустинский умел затронуть чувствительные струны в каждом человеке. От него лучилось тепло и сочувствие, он входил в положение своего собеседника. Люди, хоть раз его встретившие, оставались уверенными, что он стал их близким другом. Что только он их слушал. Многие видные личности с известными именами часто убеждены, что стоит слушать только их. Они возносятся над окружающими, ощущают себя носителями миссии — поучают маленьких людей. С Капустинским дело обстояло как раз наоборот. Он считал, что каждый может сказать что-то важное, необычайное, глубоко личное, и потому его стоит слушать.

Его произведения можно сравнить с творчеством Микеланджело, который говорил, что профессия скульптора очень проста: достаточно отсечь от камня ненужное. Капустинский отсеивал и отбрасывал ненужное. Частицы этого отсеченного материала: отрывки из его размышлений, заметки о прочитанном, иногда какой-то афоризм, часто случайные цитаты — собраны в «Лапидариумах». Таким образом читатели познакомились с его творческим процессом, с его богатой духовной жизнью и интеллектуальными запасами. Писал он с большим трудом, это был тяжелый, основательный, каторжный труд.

Многие воспринимали Рышарда как сильного человека. В действительности его мучили разного рода недомогания. Каждое из них по отдельности он был в состоянии преодолеть.

Он вел необычайно активную жизнь, участвовал в бесчисленных встречах, хотя соглашался на такое участие неохотно. Он считал, что его отрывают от главного — от письменного стола. Но встречаясь с людьми он радовался. Ему доставляли удовольствие бесчисленные премии, хоть он и не был их собирателем.

Летом 2006 г. Товарищество имени Яна Блоха приняло меня в свои почетные члены. Организаторы хотели, чтобы речь по этому случаю произнесла какая-нибудь важная особа. Я предложил им обратиться к Рышарду Капустинскому. Его теплое и сердечное выступление было для меня намного важнее, чем официальные награды и премии. Слова Рышарда я слушал с некоторым смущением, так как они были полны, как положено в таких случаях, всяческих похвал. В ответ я попросил, чтобы он повторил свою речь на моих похоронах. Мне и в голову не приходило, что несколько месяцев спустя мне самому придется вспоминать жизнь и творчество Рышарда Капустинского.

Сегодня, после его смерти, у меня такое чувство, что никто его не заменит, а его творчество останется в сокровищнице мировой литературы.

***Адам Даниэль Ротфельд** (1938 г.р.), правовед, профессор гуманитарных наук. Начиная с 1960 г. работал в Польском институте международных проблем. В 1991-2001 гг. дважды избирался директором стокгольмского Международного института исследований проблем мира (СИПРИ). С ноября 2001 г. работал в польском МИДе, с января по октябрь 2005 — министр иностранных дел Польши. С 2006 г. — член консультативного совета при генеральном секретаре ООН по вопросам разоружения и нераспространения.*

Ежи Яжембский

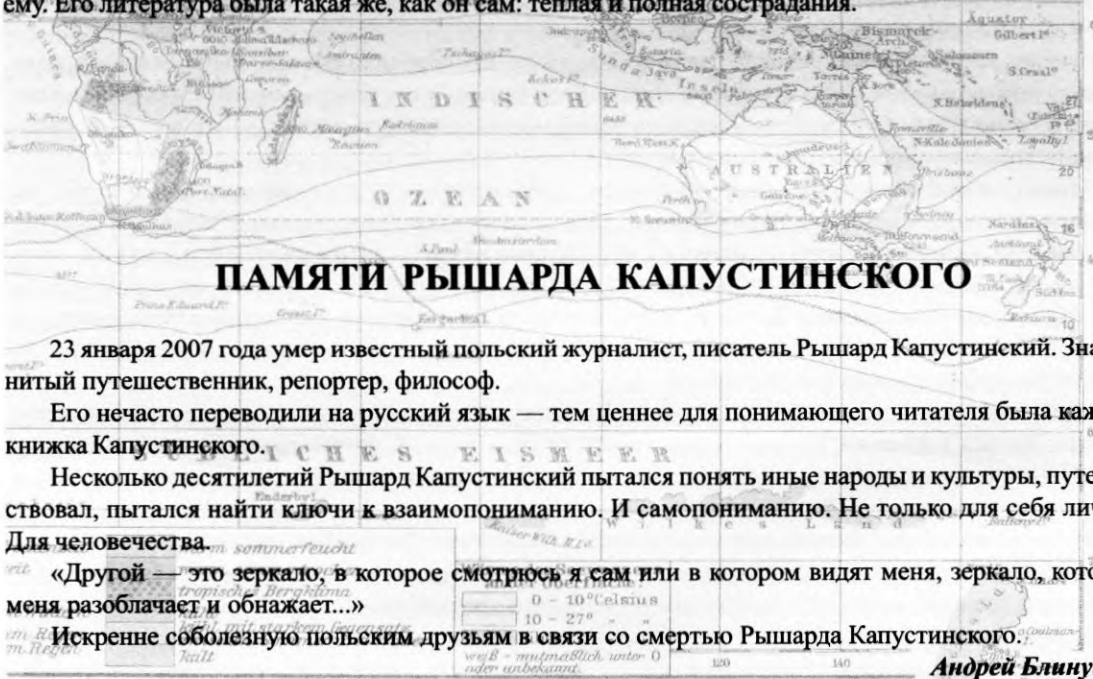
ВОИНСТВУЮЩИЙ КРУГОСВЕТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Я по-настоящему потрясен. Капустинский был человеком, крайне важным для всего мира, ибо стремился понять иные культуры, перевести людям из центра мира проблемы тех, кто живет на его окраинах, тех, кто экономически и культурно отвержен.

Он делал это успешно: то, что он писал, западало и в сердце, и в ум. С одной стороны, все, что он писал, было необычайно компетентно: он знал, о чем пишет, и всегда умел попасть в «яблочко». С другой — он писал увлекательно, потому что все написанное подтверждалось личным опытом. Поэтому его книги были близки людям, умели говорить с каждым читателем.

Это был самый «всемирный» из польских писателей, одна из крупнейших карьер, выпавших на долю пишущих поляков. Я сознательно говорю, что Капустинский был писателем, так как он возвел репортаж в ранг литературы. Он был писателем поверх границ и поверх разделений, его знали во всем мире и переводили на несколько десятков языков. Семинары по репортажу, которые он проводил в Южной Америке вместе с Маркесом, пользовались огромным успехом, туда съезжались люди со всего мира. Он был все время в движении. Когда я разговаривал с Капустинским несколько месяцев назад, он планировал новые книги и новые поездки. В последнее время он интересовался двумя вопросами. Он хотел написать книгу о Южной Америке. Не так давно побывал он и в Индии, и я знаю, что он хотел написать книгу о духовности тамошней культуры. Интересно, что осталось в его бумагах, — он ведь работал крайне организованно.

Самое страшное, однако, то, что ушел прекрасный, теплый, полный сострадания человек. Не будь Капустинский таким, он не достиг бы таких репортерских успехов. Люди попросту хотели довериться ему. Его литература была такая же, как он сам: теплая и полная сострадания.



ПАМЯТИ РЫШАРДА КАПУСТИНСКОГО

23 января 2007 года умер известный польский журналист, писатель Рышард Капустинский. Знаменитый путешественник, репортер, философ.

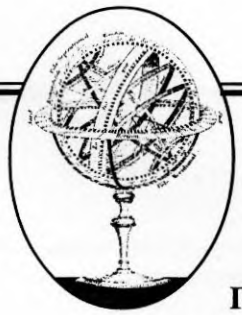
Его нечасто переводили на русский язык — тем ценнее для понимающего читателя была каждая книжка Капустинского.

Несколько десятилетий Рышард Капустинский пытался понять иные народы и культуры, путешествовал, пытался найти ключи к взаимопониманию. И самопониманию. Не только для себя лично. Для человечества.

«Другой — это зеркало, в которое смотрюсь я сам или в котором видят меня, зеркало, которое меня разоблачает и обнажает...»

Искренне соболезную польским друзьям в связи со смертью Рышарда Капустинского.

Андрей Блинушов
редактор портала HRO.org, Рязанский «Мемориал»



Рышард Капустинский

Перевод Натальи Горбаневской

ИНОЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ

Среди многих проблем, поднятых профессором и священником Юзефом Тишнером в его философских исследованиях, есть и размышления об Ином — человеке, с которым мы встречаемся, вступаем в контакт, устанавливаем общение. Тишнер — единственный из известных мне польских мыслителей, кто так широко и до самой глубины рассматривал и развивал проблематику Иного. На чем основана важность этой проблематики, ее весомость и злободневность?

В области философских наук первая половина XX века прошла под знаком онтологии и эпистемологии Гуссерля и Хайдеггера. Но ни один из них не ставит этику на первое место. Между тем опыт ушедшего века, с его трагическими для рода человеческого и его культуры последствиями, естественным образом вызывает необходимость поднять именно эту проблематику. Ибо на европейской почве в первые десятилетия минувшего века обнаруживаются два новых феномена, неизвестных в истории: первый — рождение массового общества, второй — возникновение тоталитарных систем, угрожающих самому существу человечества, — фашизма и коммунизма.

Рождение и взаимосвязи этих двух явлений и процессов приковывают внимание мыслителей и писателей этой эпохи — Хосе Ортеги-и-Гассета, Эриха Фромма, Ханны Арендт, Теодора Адорно и многих других. Они стремятся воспринять этот поразительный мир, который атакует их отовсюду, хотят изучить его, понять и определить. Ключевым словом описания становится эпитет «массовый». Существует массовая культура и массовая истерия, массовые вкусы (или скорее безвкусица) и массовое безумие, массовое порабощение и, наконец, массовое уничтожение. Единственным героем на сцене мира остается толпа, а главная черта этой толпы, этой массы — безымянность, безликость, отсутствие самосознания, отсутствие личности. Личность потеряна в этой толпе, масса залила ее, над ней сомкнулись темные воды. Она стала, по определению Габриэля Марселя, «безличным анонимом в частичном состоянии».

Течение, занимавшееся критикой такого состояния вещей, породило ряд выдающихся трудов, стремящихся показать человеческую судьбу в обобщенной форме — как опыт множества и как совместно переживаемую драму. Среди очень многих названий можно упомянуть хотя бы «Бунт масс», «Одиночество толпы» или «Корни тоталитаризма».

Однако в какой-то момент, следя за анализом, наблюдениями и теориями этих мыслителей, мы начинаем чувствовать, что чего-то не хватает. В ходе их рассуждений и синтеза нам недостает важного звена, и это недостающее звено — личность, выделенный из массы конкретный человек, конкретный «я» и конкретный Иной, ибо, согласно утверждению философов диалога, «я» может начать существовать как определенное бытие только в отношении к — в отношении к Иному, когда он появится на горизонте моего мышления, придавая ему смысл и устанавливая мою роль.

В «Философии драмы» Тишнер писал:

«У истоков происхождения сознания «я» лежит присутствие «ты», а быть может, даже более общего «мы». Только в диалоге, в споре, в противостоянии, а также в устремлении к новой общности создается сознание моего «я» как существа самосущего, отличного от иного. Я знаю, что я есмь, потому что знаю, что Иной есть».

Из потребности этого опыта, этого переживания и возникает философия диалога.

Философия диалога — то направление, ориентация или течение, которое стремится заняться проблематикой человека-«я» и, что крайне важно, его отношениями с другим человеком, с Иным. Эта обогащающая переориентация с проблематики чисто онтологической на более широкую этическую, это радикальное сближение философской мысли с человеком как существом единичным,

отдельным, несравнимым и неповторимым отчетливо видны и в сочинениях Юзефа Тишнера: мысль о встрече «я» с Иным, обозначившаяся еще в «Мышлении согласно ценностям» (1982), выходит на первый план в «Философии драмы» (1990).

В наше время это течение создавали и особенно последовательно развивали Мартин Бубер и Франц Розенцвейг, Габриэль Марсель и Эммануэль Левинас, к которому Тишнер обращается особенно часто.

Специфические праистоки философии диалога, или, как ее еще называют, философии встречи либо философии Иного, особенно в тех суждениях, где она говорит, что путь к Богу лежит через Иного, что в лице Иного мы способны узреть Его лик, мы можем усматривать в той античной эпохе антропоморфизма, когда человеческое воображение еще не провело границы между миром богов и людей и в этом мире божество представляли наподобие человека и наоборот.

Философией Иного Юзеф Тишнер занимался страстно и проницательно вплоть до конца своего земного странствования. Он неутомимо гласил ее убеждения и принципы — и как раз сегодня, в те времена, в которые мы живем, в этом содержится глубокий гуманизм и истинный героизм. И, помимо чисто научной ценности, она особенно важна еще и потому, что открыто и отважно выступает в защиту другого человека, в защиту Иного в мире, так часто поддающемся соблазнам эгоизма и безудержного потребительства.

Великая заслуга этой философии состоит в том, что она вообще говорит об отдельном человеке, о каждой личности как ценности в себе, постоянно напоминает о ее существовании, ее праве на бытие и самовыражение. В нашем постмодернистском шуме, в нашем смешении языков бесценен этот сильный, отчетливый голос, выдвигающий на первый план такие ценности, как самосознание, уважение, способность замечать и ценить другого человека — Иного. Но и это еще не все. Потому что, развивая и обогащая мотивы, выступающие в философии Эммануэля Левинаса, особенно в его книге «Целое и бесконечность», Тишнер говорит, что «я» не только должно соотноситься с Иным, но еще и брать на себя ответственность за него и быть готовым нести последствия такого решения, такой позиции. Есть ли в этом христианский жест самопожертвования? Да, самопожертвования, самоотречения и смирения.

До сих пор философия встречи обычно рассматривала проблему Иного и отношений с ним, отношения к нему в ситуации очевидной непосредственности и в рамках той же культуры. Этому философскому направлению еще предстоят широкие исследования отношений «я—Иной», когда одна из сторон принадлежит к другой расе, религии или культуре. В какой степени это будет усложнять ход нашего размышления, делать его более трудным и многозначным?

Это безмерно важно сегодня, когда мы живем во многокультурном мире, а успехи средств коммуникации делают эту многокультурную природу нашей современности всё более очевидной, зримой и вездесущей. Наша планета, правда, всегда была многокультурной, с незапамятных времен люди говорили на разных языках и верили в разных богов, но судьба мира пошла так, что в последние пять веков над нами господствовала европейская культура или цивилизация и поэтому, говоря «мы», мы имели в виду: мы, все люди, — хотя речь шла только о нас, европейцах. Однако сегодня мы начинаем необратимо входить в эпоху, когда простое равенство «мы = европейцы» поставлено под сомнение продолжающимися историческими переменами.

В результате этих перемен пробудились, ожили и начали требовать равноправного места за «круглым столом» мира другие, весьма многочисленные культуры, до сих пор или находившиеся под чужим господством, или отодвинутые на обочину истории. При этом они амбициозны и динамичны и в то же время обладают сильно развитым ощущением ценностей. В своих стараниях добиться нового места под солнцем и признать достойные права за Иным философы и мыслители этих встающих на ноги культур могут черпать вдохновение в достижениях мысли краковского священника, мыслителя из деревни Лопушна.

Тишнер и другие диалогики стремятся посеять в нас спасительную тревогу, дать нам осознать существование и даже близость Иного, необходимость почувствовать себя ответственными за него и, более того, признать, что эта ответственность — важная этическая заповедь. Какова же отвага в самом поднятии этой темы и указании на ее трансцендентный аспект в тот момент, когда в современной культуре господствует готовность ограничиваться и замыкаться в своем частном, эгоистичном «я», в

тесно изолированном кругу, где можно удовлетворять свои влечения и прихоти потребителя. Противостояние соблазнам и диктату потребительства, дух ответственности за другого — вот в чем Юзеф Тишнер видит долг и даже прямую обязанность человека.

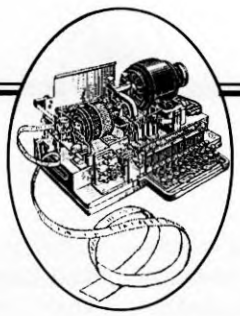
Размышления об Ином побуждают Юзефа Тишнера рассматривать природу и содержание встречи «я» с Иным, встречи, которая, как он многократно подчеркивает, должна стать важным событием. К встрече следует внутренне готовиться, ибо ей предстоит стать противоположностью тому, как мы повседневно и равнодушно проходим в толпе друг мимо друга. Встреча — это переживание, заслуживающее не быть забытым, она может стать глубоким опытом. И опять-таки Тишнер напоминает нам, чтобы, встречая Иного, мы все время сознавали вес этого факта, сознавали его место и роль в частной, индивидуальной духовной истории нашего собственного «я». Напоминая об этом, он хочет поднять существенной ступенью выше характер, содержание и серьезность межчеловеческих отношений, их значение для нас и влияние на нас.

Однако что составляет главное содержание встречи? Это содержание — диалог. В последних текстах автора «Польской формы диалога» постоянно встречаются обороты типа «открытость к диалогу», «плоскость диалога», «диалогическая перспектива», «диалогическое сознание» и т.п. Левинас определяет это так: «человек есть существо, которое говорит». А следовательно — диалог. Целью этого диалога должно быть взаимное понимание, а его целью — взаимное сближение, причем понимание и сближение достигаются путем познания. Каково предварительное условие всего этого процесса, этого уравнения? Это условие — х о т е т ь познавать, желать обратиться к Иному, выходить ему навстречу, вступать с ним в разговор. Однако в жизненной практике это оказывается безмерно трудным. Человеческий опыт показывает, что в первый момент человек рефлекторно реагирует на Иного сдержанно, недоверчиво или просто неприязненно, а то и враждебно. Все мы, люди, на протяжении истории нанесли друг другу слишком много ударов, причинили слишком много боли, чтобы могло быть иначе. Поэтому целые цивилизации характеризовались чувством отчуждения от Иного. Греки называли негреков варварами — теми, кто не говорит, а бормочет, кого невозможно понять, а значит, лучше их держать на расстоянии — на расстоянии и в унижении. Римляне воздвигали против Иного сеть пограничных укреплений — limes. Китайцы называли пришельцев из-за океана морскими чудовищами и старались не подпускать их близко к себе.

А в наше время? Наглое отношение одних к культуре и религии других? А архипелаги всяческих гетто и лагерей, расползшиеся по нашей планете? Всяческие стены и запоры, рвы и засеки? Сколько же этого повсюду, на всех континентах! Какой же трудный вызов бросают нам успехи средств коммуникации последних десятилетий. С одной стороны, они заведомо сближают нас друг с другом, но истинно ли с б л и ж а ю т ? Между человеком и человеком, между «я» и Иным ввели технического посредника — электрическую искру, электронный импульс, сеть, кабель, спутник. Индийское слово «упанишада» означало: сидеть близко, быть близко. «Я» передавало себя Иному не только словом, но и своей близостью, непосредственностью, бытием вместе. Этого опыта, этого переживания ничто не в состоянии заменить.

Парадоксальность этой медийной ситуации идет дальше. С одной стороны, растет глобализация СМИ, но с другой — повышается их уплощенность, несогласованность, хаос. Чем больше у человека контакта со СМИ, тем больше он жалуется на потерянность и одиночество. В начале 60-х, когда телевидение все еще было в пеленках, Маршалл Маклюэн употребил термин «глобальная деревня». Маклюэн был католиком, страстным миссионером и воображал себе, что новое СМИ сделает всех нас братьями, живущими в одной общине веры. Это определение Маклюэна, которое сегодня повторяют не задумываясь, оказалось одной из самых крупных ошибок современной культуры. Ибо суть деревни в том, что ее жители хорошо знают друг друга, общаются, делят общую судьбу. Между тем ничего такого нельзя сказать об обществе нашей планеты, которое скорей напоминает бегущую в спешке анонимную толпу в большом аэропорту, толпу взаимно безразличных людей, не знающих друг друга.

Только на таком фоне мы еще выразительней чувствуем глубокий гуманизм, жар и надежду учения Юзефа Тишнера о «я» и Ином как основу человеческой гармонии на земле.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• **«Целых 73% поляков считают минувший год удачным. Только 25% относят его к неудачным. Крайних пессимистов всего 8% (...) «Уходящий год был рекордным по уровню личного оптимизма поляков», — говорит Уршуля Крассовская из ЦИОМа».** ***(«Дзенник», 30 дек.)***

• «Поляки покупают все больше бриллиантов. Польские ювелирные фирмы продают на несколько десятков процентов больше бижутерии с бриллиантами, чем в предыдущие годы». *(«Жечпосполита», 2 янв.)*

• **«Уход Лешека Бальцеровича с поста председателя Польского национального банка (ПНБ) закрывает целую эпоху в польской истории — именно в истории Польши, а не экономики или преобразований (...) Бальцерович будет в программе польских школ через 50 и через 100 лет, а кроме Леха Валенсы и, возможно, Тадеуша Мазовецкого ни один из живущих ныне поляков не может быть уверен, что его имя тогда все еще будут помнить. Бальцерович полон сил и не уходит на пенсию. Наверняка многие институты, особенно заграничные, будут приглашать его и предлагать ему должности столь же высокие, сколь и престижные. Однако при нынешней коалиции это уже не будут государственные должности в Польше. Популисты, которых объединяет антибальцеровичевская истерия, не допустят, чтобы во времена их правления компетентность и способности Бальцеровича могли продолжать служить польскому государству».** ***(«Тыгодник повшехный», 14 янв.)***

• «Тот, кого весь мир признаёт человеком, выведшим Польшу из кризиса, в самой Польше провозглашен виновником этого кризиса (...) На Бальцеровича возлагают вину за все недочеты экономических преобразований — даже за те, на которые он не имел ни малейшего влияния или которые вообще были допущены вопреки его воле. Однако история, вероятно, оценит его как одного из самых полезных для Польши патриотов своего времени». *(Рафал А. Земкевич, «Жечпосполита», 10 янв.)*

• **«Итоги своего руководства ПНБ Бальцерович подвел характерным для себя образом — приводя сухие цифры. Когда в 2001 г. он пришел в ПНБ, инфляция составляла 10%. Сегодня цены растут со скоростью около 1,5% в год. Стоимость кредита упала с 19 до 4%».** ***(«Жечпосполита», 10 янв.)***

• «Падение курса злотого и распродажа акций на бирже — так выглядел польский финансовый рынок на следующий день после объявления кандидатуры Славомира Скшипека на пост председателя ПНБ (...) Доллар подорожал на 5 грошей, евро — на 4 гроша (...) Вниз пошли биржевые индексы: WIG опустился на 1,6%, а WIG20 — на 2%». *(«Дзенник», 5 янв.)*

• **Министр регионального развития Гражина Гепсицкая: «В 2006 г. Польша использовала все средства, выделенные ей Евросоюзом».** ***(«Тыгодник повшехный», 7 янв.)***

• «Европейская комиссия поддержит семь из десяти представленных Польшей проектов. Больше всех получат дорожники: пять проектов касаются автострад и скоростных дорог (...) В общей сложности на польские проекты будет выделено 24,2 млн. евро, т.е. 19,2% той части бюджета ЕС, которая предназначена на транспортные инвестиции в рамках сети TEN-T. Польша добивалась дотаций в размере 27,6 млн. евро». *(«Жечпосполита», 11 янв.)*

• **«Европейский парламент утвердил бюджет ЕС на 2007 год. Больше всего дотаций в рамках европейской региональной политики достанется Польше: мы получим из общей кассы в четыре раза больше, чем внесем в нее».** ***(«Тыгодник повшехный», 24 дек.)***

• «По данным министерства сельского хозяйства и развития деревни, еще три года назад в Польше было зарегистрировано 3 тыс. экологических хозяйств, в 2005 г. — свыше 7 тыс., а сегодня — более 9 тысяч (...) Если такой темп сохранится, то в 2009 г. в Польше будет более 30 тыс. экологических ферм, а площадь обрабатываемых экологическими методами сельскохозяйственных угодий превысит 3% от общей посевной площади (в настоящее время — 1%). Переход на экологические методы выгоден фермерам, несмотря на снижение урожайности на 20-40% и увеличение времени откорма скота в два раза. Кроме обычной дота-

ции, хозяйство с сертификатом ежегодно получает экологическую дотацию — от 300 до 1800 злотых на гектар. Кроме того, оно может больше заработать, так как цены овощей, фруктов и зерна с сертификатом иногда бывают даже в два раза выше». *(«Ньюсуик-Польша», 17 дек.)*

• **«Животные под защитой закона. [Пока что] практика расходится с требованиями законодательства, хотя штрафы за жестокое обращение с животными могут быть высокими (...) Если бы в сочельник звери заговорили человеческим голосом, им было бы в чем нас упрекнуть (...) Это должно измениться (...) Однако эти изменения — следствие не столько нашей доброй воли, сколько норм ЕС, которые мы и так должны принять». *(Михал Косярский, «Жечпосполита», 23-26 дек.)***

• «Согласно осторожным расчетам, в течение 2006 г. западные концерны инвестировали в Польше свыше 10 млрд. долларов». *(«Дзенник», 29 дек.)*

• **«С некоторых пор Государственная трудовая инспекция (ГТИ) отмечает небольшое уменьшение числа предпринимателей, недоплачивающих своим сотрудникам. Однако несмотря на это в 2005 г. в 56% проинспектированных фирм подобные случаи имели место (...) В 2005 г. ГТИ признала обоснованными 80% жалоб работников на нечестных предпринимателей». *(«Политика», 16 дек.)***

• «Поляки ставят на ноги профсоюзы на Британских островах. Профсоюзы развиваются благодаря новым членам из Польши, которые (...) борются за свои права. Англичане не перестают удивляться, что поляки так здорово организуются (...) Между тем у 60 тыс. польских работников нет другого выхода. Их права постоянно нарушаются, а зарплаты занижаются». *(«Дзенник», 18 дек.)*

• **«В последние годы поляки заново открыли русскую литературу. В 2006 г. варшавский книжный магазин «Русская книга» продал в 2,3 раза больше книг, чем в предыдущие годы. Поляки покупают главным образом классику, но спросом пользуются и новинки издаваемой в России беллетристики». *(«Жечпосполита», 3 янв.)***

• «Директор ФСБ заявил, что в 2006 г. российские спецслужбы разоблачили 30 шпионов (...) Патрушев подчеркнул, что «спецслужбы Польши ведут активную вербовочную деятельность среди российских граждан, в частности, проживающих на территории Калининградской области»». *(«Дзенник», 16-17 дек.)*

• **«Вчера на одной из дорог таможенники, контролирующие автомобили белорусских граждан, остановили Фиат Крому. Когда они открыли капот (...) оттуда на них уставилась удивленная кошка (...) Белорусский водитель клялся, что ничего не знает о своем необычном пассажире. Так или иначе кошка пересекла границу (...) Однако таможенники проявили снисходительность: они отпустили кошку на свободу и разрешили ей остаться в Польше». *(«Дзенник», 21 дек.)***

• Григорий Явлинский: «Трудно поддерживать польско-российские отношения, если они опираются на торговые вопросы: мясо, газ. В отношениях между нашими странами проблемы оттого, что каждая из сторон ценит свои принципы ведения политики и не знает, чего ожидать от партнера. Польша для России — важная часть Европейского союза и страна, которая никогда не перестанет нами интересоваться. Поэтому жаль, что нет политики Польши в отношении России. После расширения ЕС в 2004 г. нет ни общей политики Брюсселя, ни политики отдельных государств. Польша может сыграть важную роль в ее формировании. Просто вам нужно знать, к чему вы стремитесь». *(«Тыгодник повшехный», 24 дек.)*

• **«Мясной скандал, в результате которого Россия наложила эмбарго на импорт польского мяса, получил продолжение (...) 27 июля 2006 г. в Себеже на границе с Латвией были задержаны пять фургонов с мясом (...) Хотя у водителей фургонов были сертификаты, выданные в Великобритании, на мясе были польские товарные знаки (...) Российская сторона сообщила о попытке нелегального ввоза мяса главному ветеринарному инспектору Польши». *(«Жечпосполита», 5 янв.)***

• «Польша сделала важный шаг к независимости от российских поставок газа. В Свиноустье будет построен газопорт, куда сжиженный природный газ будет доставляться от производителей — например, из Норвегии (...) Строительство газопорта не сделает нас полностью независимыми от российских поставок, но позволит получать сырье практически со всего мира. Решение о строительстве газопорта было принято после того, как год назад Россия пошла на газовый шантаж, приостановив поставки в Европу через Украину». *(«Дзенник», 16-17 дек.)*

• **«Несмотря на политическую поддержку Брюсселя, Европейский инвестиционный банк не будет кредитовать спорную инвестицию «Газпрома» — Северный газопровод. «Я не пойду на это без согласия Польши», — заверил президент ЕИБ Филипп Майстадт». *(«Жечпосполита», 9 янв.)***

• «В пятницу нефтяной концерн «Орлен» стал владельцем единственного в Литве нефтеперерабатывающего завода. Это крупнейшая иностран-

ная инвестиция польской фирмы — стоимость завода оценивается в 2,3 млрд. долларов (...) После покупки Мажейкяйского НПЗ (а ранее чешского концерна «Унипетроль». — *Ред.*) ПКН «Орлен» стал крупнейшим топливным концерном в Центральной Европе — по количеству перерабатываемой нефти (в общей сложности 31,7 млн. тонн ежегодно) и числу бензозаправочных станций (в общей сложности 2724 бензозаправки в Польше, Германии, Чехии и Литве)». *(«Жечпосполита», 16-17 дек.)*

• **Вчера вечером после трехдневного перерыва Россия возобновила прокачку нефти в Польшу по нефтепроводу «Дружба» (...) За несколько часов до разрешения конфликта и возобновления поставок нефти на Запад действия России подвергла резкой критике Европейская комиссия. Ее председатель Жозе Мануэль Баррозу заявил, что перерыв в поставках нефти представляет собой «серьезную проблему в оценке доверия к этой стране»». *(«Жечпосполита», 11 янв.)***

• «Завершился польский этап беатификационного процесса 16 монахинь, убитых в конце II Мировой войны советскими солдатами. Все монахини принадлежали к конгрегации сестер св. Екатерины, девы и мученицы (...) Доказательства преступления и свидетельские показания были собраны сразу же после войны, в 1946 и 1947 годах. В ходе процесса показания дали 50 свидетелей (...) Если ватиканская Конгрегация по канонизации святых даст положительное заключение, а Папа утвердит его, сестры будут объявлены блаженными. Они станут первыми жертвами советских солдат, причисленными к лику блаженных». *(«Жечпосполита», 19 дек.)*

• Проф. Мария Янион, недавно отметившая свое 80-летие, «еще девочкой-подростком видела в Вильнюсе, как немцы гонят евреев в Паперяй. Оттуда не вернулся никто. Спустя многие годы в одном из интервью она призналась, что тогда поклялась самой себе отомстить за них. В книге «В Европу — да, но с нашими мертвыми» она ведет спор с культурной парадигмой польского антисемитизма». *(Катажина Яновская, «Политика», 16 дек.)*

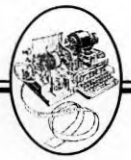
• «Впервые в Польше так публично и громко праздновалась Ханука. По этому случаю варшавский раввин выступил по телевидению, а также был приглашен в президентский дворец. Супруга президента Мария Качинская и президент (мэр) Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц участвовали в публичном зажжении ханукальных свечей [в синагоге] на Гжибовской площади (...) Мне очень нравится то, что́ делают президент Качинский с супругой в связи с Ханукой. Это знак того, что высшие власти Польши хотят как можно более хороших отношений между поляками и евреями (...) Эти жесты президентской четы в сторону еврейского меньшинства искренни (...) Лех Качинский, как и его предшественник на посту президента Александр Квасневский, старается искоренить в Польше антисемитизм. И, как показывают опросы общественного мнения, эти действия дают результаты». *(Анджей Морозовский, «Газета выборча», 27 дек.)*

• «Польские войска останутся в Ираке по меньшей мере до конца 2007 года. «Эта миссия имеет смысл, поэтому она будет продолжаться», — сказал вчера премьер-министр Ярослав Качинский солдатам седьмой смены польского контингента на базе в Дивании (...) Ранее Качинский беседовал в Багдаде с президентом и премьером Ирака. «Иракские власти очень довольны присутствием наших войск и явно ожидают продления нашей миссии», — сказал министр обороны Радослав Сикорский». *(«Газета выборча», 21 дек.)*

• «Каждый год на Рождество в Польше убивают 17 млн. карпов. «Карп чувствует боль, как собака или кошка. Но он не кричит, поэтому нам легче игнорировать его страдания», — говорит зоолог проф. Анджей Эльжановский. Общество «Эмпатия» отмечает сегодня День рыбы. «Мы будем разъяснять, что рыбы — это чувствующие, умные существа. Как люди распорядятся этими знаниями — дело их совести», — говорит Дарек Гзыра из «Эмпатии». Защитники животных напоминают, что условия, в которых содержат, перевозят, продают и убивают рождественских карпов, противоречат закону о защите животных». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 20 дек.)*

• В капун сочельника президент Лех Качинский даровал жизнь двум королевским карпам. Он лично выпустил рыб в пруд в варшавском Лазенковском парке. *(«Жечпосполита», 23-26 дек.)*

• «Число воробьев — задорных и веселых спутников человека — уменьшилось в большинстве европейских городов (...) То же самое происходит и в Польше. Воробьи перестали собираться в парках Люблина, а в жилых микрорайонах их стало на треть меньше, чем 30 лет назад. Не лучше обстоит дело в Лодзи или Познани (...) В Варшаве (...) в самом плачевном положении оказались птицы, живущие в садоводствах (...) — их осталось менее 5% от прежнего числа (...) В жилых районах и парках число воробьев тоже явно уменьшилось —



остаток составляет соответственно 24 и 8% (...) В общей сложности вместо 50-150 тыс. пар воробьев в начале 80-х сегодня в Варшаве обитает менее 30-100 тыс. пар». *(Славомир Загурский, «Газета выборча», 20 дек.)*

• **Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, в партийном рейтинге не произошло серьезных изменений. Лидирует «Гражданская платформа» (33%), опережающая «Право и справедливость (25%). На третьем месте «Левые и демократы» (11%). Шансы преодолеть 5-процентный избирательный барьер сохраняют еще три партии: аграрная ПСЛ и «Самооборона» (по 5%), а также «Лига польских семей» (4%).** ***(«Газета выборча», 9 янв.)***

• «Вчера Изабелла Смешек-Дорн официально опровергла информацию о том, будто бы ее муж, вице-премьер и министр внутренних дел и администрации Людвик Дорн, носил слишком короткие брюки». *(«Дзенник», 29 дек.)*

• **«Архиепископ Станислав Вельгус вступил в управление Варшавской архиепархией, чтобы спустя несколько десятков часов по просьбе Апостольского Престола отказаться от должности (...) Выяснилось, что в 1973-1978 гг. свящ. Вельгус был секретным сотрудником разведки, а на протяжении следующих полутора десятков лет — секретным сотрудником госбезопасности».** ***(«Тыгодник повшехный», 14 янв.)***

• «Есть сведения, что об отмене инаугурационной мессы ходатайствовал президент Лех Качинский (...) В переговоры включилась также часть епископов и группа лиц из окружения президента Леха Качинского (...) Они попытались узнать, что известно об этом деле в Ватикане. Все говорило о том, что Папа был дезинформирован, поэтому переговоры велись в обход Апостольской нунциатуры (...) На решение Папы очень эмоционально отреагировал примас Юзеф Глемп. [Его] проповедь прерывалась овациями пришедших на мессу сторонников радио «Мария», которые, несмотря на позицию Папы, яростно защищали архиепископа Вельгуса (...) Всю субботу свящ. Рыдзык призывал их на волнах своей радиостанции поддержать митрополита». *(«Дзенник», 8 янв.)*

• **«Определяя роль примаса Польши, Бенедикт XVI не внял ни премьеру, ни части польских епископов. Титул должен вернуться в Гнезно, с епископской кафедрой которого он был связан на протяжении многих веков. Папа выбрал верность церковной традиции вопреки столичным централистским амбициям (...) В польской Церкви начинается децентрализация — в противоположность польскому государству».** ***(Адам Шосткевич, «Политика», 16 дек.)***

• «В специальном коммюнике пресс-служба епископата напомнила, что архиепископ Вельгус уже не член постоянного совета епископата, так как после отказа от должности митрополита Варшавского он получил статус архиепископа на покое». *(«Газета выборча», 12 янв.)*

• **В Варшаве прошло чрезвычайное собрание постоянного совета епископата Польши, в котором приняли участие епархиальные епископы — в общей сложности 45 иерархов. Епископы почти единогласно решили подвергнуться проверке исторической комиссии при епископате. Проверены будут документы спецслужб ПНР, касающиеся всех епископов и хранящиеся в Институте национальной памяти (ИНП). Эксперты, «знающие характер документов госбезопасности», помогут «оценить доказательную ценность материала». Результаты работы комиссии будут представлены Папе.** ***(«Дзенник» и «Газета выборча», 13-14 янв.)***

• «Суд снял с Малгожаты Незабитовской обвинение в сотрудничестве с госбезопасностью (...) Незабитовскую зарегистрировали в качестве сексота без ее ведома. Несмотря на то что она отказалась встречаться с сотрудниками госбезопасности, ответственный за нее офицер писал отчеты о встречах, где, в частности, была использована информация, полученная в результате прослушивания ее квартиры (...) Продолжавшийся с мая 2005 г. люстрационный процесс начался по ходатайству самой Незабитовской. Бывшая пресс-секретарь [первого некоммунистического] правительства Тадеуша Мазовецкого хотела снять с себя подозрения в люстрационной лжи». *(«Газета выборча», 12 янв.)*

• **«Некогда подвергавшийся гонениям «Театр Восьмого дня» теперь ставит на сцене написанные на него доносы. И страшно, и смешно (...) Актеры «Восьмерок» сидят на высоких стульях и читают фрагменты подлинных рапортов, донесений и доносов (...) Корявый язык доносов, шифрограмм и отчетов о спектаклях они сделали осью своей новой пьесы. Ни одна изысканная театральная форма не передаст весь ужас того времени лучше, чем этот бюрократический лепет (...) Когда в 1985 г. коллектив получил премию на всемирно известном театральном фестивале в Эдинбурге, посольство ПНР заявило, что такого театра в Польше нет... Сегодня своим спектаклем «Досье» актеры «Восьмерок» не присоединяются к «охоте на ведьм», как называет публикацию все**

новых материалов из архивов госбезопасности Мартин Кеншицкий (...) Они просто показывают, как абсурден был тот мир, в котором им довелось жить и творить. А еще они показывают, что выжить в таком мире можно благодаря дружбе и верности себе». *(Иоанна Рущик, «Ньюсуик-Польша», 14 янв.)*

• «Руководство «Самообороны» устроило съезд своих парламентариев перед иконой Матери Божией Ченстоховской. Вчера с самого утра, с 8.45, депутаты во главе с вице-премьером Анджеем Леппером приносили там «присягу обновления политической и медийной жизни»». *(«Дзенник», 18 дек.)*

• «Прокуратура располагает показаниями, подтверждающими версию Анеты Кравчик, которая сообщила, что Леппер предлагал женщинам из своей партии «работу в обмен на секс»». *(«Дзенник», 21 дек.)*

• «Несколько десятков человек были допрошены в связи с обвинением лидеров «Самообороны» в сексуальных домогательствах». *(«Тыгодник повшехный», 7 янв.)*

• «По распоряжению министерства образования школы должны представить список всех беременных школьниц». *(«Тыгодник повшехный», 7 янв.)*

• «История проститутки Йоланты, рассказавшей о жестокости своего клиента Анджея Леппера, взволновала не только читателей. Женщину планирует допросить Лодзинская окружная прокуратура, расследующая секс-скандал». *(«Ньюсуик-Польша», 14 янв.)*

• «Советником по вопросам культуры и национального наследия министра сельского хозяйства Анджея Леппера стал Веслав Подгурский, колдун и чревовещатель, подозреваемый в неуплатеналогов и нелегальной продаже алкогольных напитков». *(«Тыгодник повшехный», 7 янв.)*

• «В конце января Анджей Леппер станет почетным доктором Московской государственной академии тонкой химической технологии им. М.В Ломоносова (МИТХТ)». *(«Тыгодник повшехный», 7 янв.)*

• «Пусть депутаты не берутся за то, в чем не смыслят. Депутаты должны молиться и каяться — это пошло бы им на пользу» — так архиепископ Славой Лешек Глудзь прокомментировал проект постановления Сейма о присвоении Христу титула Короля Польши. С инициативой выступил Артур Гурский («Право и справедливость»), которого поддержали еще 45 депутатов от ПиС, «Лиги польских семей» и ПСЛ». *(«Газета выборча», 21 дек.)*

• Вице-президент Варшавы Влодзимеж Пашинский: «Каждого, кто попытается мне сказать, будто причина распущенности и агрессивности заключается в избытке прав школьников, я буду кусать». *(«Газета выборча», 15 дек.)*

• К инициативе Британского Королевского общества защиты птиц по охране польских мест гнездования камышовки вертлявой подключился Евросоюз. ЕС выделит 5,5 млн. евро на покупку у фермеров 812 га земли на территории Бебжинского национального парка и нескольких сот гектаров в его окрестностях. *(«Жечпосполита», 27 дек.)*

• «Лучше всего не приручать диких зверей и не стрелять в них ради развлечения, а оставаться каждому в своем жизненном пространстве и испытывать друг к другу взаимное уважение». *(Адам Вайрак, «Политика», 23-30 дек.)*

РАЗГОВОР О МАЛЫХ РОДИНАХ

Витольд Хмелевский: На встрече в Короновс мы пытались определить, что же все-таки такое — малая родина? Высказывались разного рода суждения, определения, однако к окончательному выводу мы так и не пришли. И это, пожалуй, очень хорошо — ведь малые родины у всех разные, у каждой своя специфика, зависящая от многих факторов, а законченный ее образ в основном формируют люди, жаждущие понять и преобразовать ее.

Теперь мы знаем, что малые родины различаются и по величине: порой это родной дом и то, что вокруг, порой деревня, городок или район в большом городе. А порою гмина, или несколько гмин, повет, целое воеводство или обширный регион.

Невозможно также — и это, пожалуй, тоже хорошо — создать единую и определенную схему развития малой родины и образец конкурсного проекта. Но мы попытаемся создать некую конструкцию, содержащую как можно больше возможных элементов программы. А участники конкурса выберут и разработают только то, что им подходит, необходимо, и отвечает специфике их малой родины. Какие-то области наверняка будут упущены, а что-то совсем новое и характерное для программы очевидно надо будет придумать.

Попытаемся мы разобраться и в содержании конкурсного проекта. Из каких элементов должен он состоять? Необходимо дать проекту название. Это очень важно — вкратце определить все самое существенное. Название должно быть емкое, оригинальное, вызывающее интерес. К нему надо приложить краткую информацию, в нескольких фразах объясняющую суть проекта. Предполагаются также сведения об авторах.

Александр Яцковский: Надо четко определить, кто тут лидер, несомненный автор, руководитель коллектива.

Витольд Хмелевский: Кто главный генератор идей и лидер коллектива, каково участие отдельных его членов? Есть ли у коллектива другие партнеры или консультанты? Насколько связаны эти люди с малой родиной? Кто будет осуществлять проект — какие люди, группы или учреждения? Недостаточно, я думаю, лишь указать этих партнеров и реализаторов, не худо бы заручиться их согласием!

Важно также определить, откуда взялась идея проекта: что послужило образцом, какие традиции, к каким людям или тенденциям обращались авторы? Исходили они из собственного понимания малой родины или позаимствовали идею у соседей либо в дальних краях? В какой степени они опирались на местную традицию, а в какой — на универсальную, и как все это должно транслироваться в будущее.

Александр Яцковский: Мало сказать, что проект должно осуществить то или иное учреждение, то или иное объединение, надо еще знать, договорились ли с ними, получили ли их согласие, да и вообще в курсе ли они! Ведь можно создать чудесный проект, где будет указано, что и кто должен делать, можно даже предусмотреть участие в нем президента, но такой проект будет нереальным.

Есть городки, в которых успехи спортивных клубов создают особую атмосферу, — это тоже надо знать. Очаги культуры порой существуют в самых неожиданных местах. Очень интересна в этом смысле деятельность нынешнего начальства тюрьмы в Седльце. Или, к примеру, Бранице — городок близ психиатрической больницы, которая — и это не парадокс — стала главным культурным центром.

Важно, конечно, понять, что я называю малой родиной, из чего складывается это понятие (деревня, городок и т.д.), чтобы сориентироваться, поскольку одни цифры мало о чем говорят...

Стефан Старчевский: С чего следует начать подготовку программы?

Во-первых, скрупулезно и глубоко проанализировать общественно-культурную ситуацию малой родины. Уяснить себе ее сильные стороны, возможности, скрытые достоинства. Но и ее нищету, ее слабые, уродливые стороны тоже. Надо также осмыслить, какие общественные силы могут способствовать ее развитию.

Во-вторых, нужен замысел. Направленный на активизацию общественных сил, на использование шансов, чтобы он задел людей за живое. Словом, замысел призван способствовать развитию. Развитию чего? К примеру, такого учреждения как региональный музей. И дело не в том, чтобы насытить этот музей какими-то новыми элементами, а в том, чтобы изменить его функцию в обществе, показать, что музей может сыграть куда более значительную роль в развитии местного общества и его культуры, укрепить связь с традициями, дать понять, что эти традиции — наследие будущего.

Итак, ситуация проанализирована, замысел определен, теперь нас интересует соотношение общественных сил и индивидуальных лидеров. С кем данный замысел в данной ситуации нам предстоит осуществлять? Кто станет лидером, партнером, какие учреждения, организации, какие люди будут участвовать в реализации программы?

Следующая фаза — формулировка цели. Надо ясно представлять себе, как в реальности должно выглядеть то, что мы желаем совершить, т.е. представлять себе цель. Цели указывают, куда нам идти, что и в какой сфере предстоит изменить, когда и чего именно мы стремимся достичь в будущем.

Уточнив цели, обратимся к их осуществлению, предусмотрев, кто, когда и как будет при этом действовать.

И, наконец, необходимо просчитать стоимость каждого начинания, каждого действия. То есть произвести финансовую калькуляцию.

Витольд Хмелевский: Далее важно обратить внимание на сроки осуществления проекта. Четкое разделение на этапы конкретизирует его, делает более реальным. Первый этап, как мне кажется, должен быть рассчитан на год. Годовая программа должна быть определенной, разработанной детально, с разумным учетом возможности ее реализации. Необходимо определить и финансовую ее сторону — сколько нужно денег и где их взять! Лучше, чтобы достоверность источников финансирования не подлежала сомнению. На год надо предусмотреть полную экономическую независимость, не рассчитывая на возможное вознаграждение! Вознаграждение может быть разве что вожделенным излишком, премией, стимулирующей дальнейшие, еще более смелые начинания. Полагаю также, что премию имеет смысл выплачивать частями, по мере продвижения работ. Решать это должно жюри.

Второй этап — так мы все вместе решили — программа еще на три года. Чтобы продолжить то, что начато в 1994 году. Эта программа тоже должна быть конкретной, соотнесенной с реальными возможностями. Следует также определить ее смету.

И, наконец, третий этап. Это уже очень дальняя перспектива и потому разработать ее, конечно же, нелегко. Здесь имеется в виду по меньшей мере лет 15, а то и больше — 20-25. Это весьма важный этап, ведь только оценка наших замыслов и предполагаемых действий в такой перспективе может помочь нам выделить цели действительно наиважнейшие, определяющие специфику нашего проекта, и указать пути их достижения. К тому же это будет здравая оценка нашей сегодняшней действительности с перспективы будущего.

Малая родина, несмотря на слово «малая» в названии, при ближайшем рассмотрении оказывается чрезвычайно большой и разнообразной. И в силу значительности самого явления, и по количеству возникающих проблем. Тем более что речь идет о новом, более широком понимании культуры, связанном с множеством аспектов жизни малой родины. Именно так понимаемую культуру мы ставим — быть может, впервые — на самое важное место, видя в ней основу, указатель направления других начинаний. Это означает отказ от общепринятой схемы, по которой развитие культуры и сила ее воздействия зависят, прежде всего, от развития экономики.

Стефан Старчевский: Возвратимся чуть назад. Итак, мы сознаём, чего хотим достигнуть, у нас есть союзники, есть люди. Теперь требуется, чтобы этот потенциал обернулся организованным действием. Ведь наша цель не ограничивается составлением образцовой документации — мы и вправду хотим изменить существующее положение вещей в каждой данной среде. Так как же превратить наши надежды, наши намерения, наши чаяния в хорошо организованные действия? Притом, что мы ведь не какое-нибудь воинское соединение с капралами, сержантами и солдатами — у нас нет сильной динамичной организации, оснащенной соответствующими средствами, которая могла бы действовать по установленному регламенту. По сути мы, инициаторы программ малых родин, — добровольное объединение людей, захотевших сделать нечто действительно важное для мира, в котором мы живем, для своей среды. И проблемы тут неизбежны.

Я думаю, никаких готовых рецептов у нас быть не может, но кое-что стоит все же учесть. Во-первых, надо добиться поддержки местного самоуправления.

Витольд Хмелевский: Разумеется, полная поддержка — это оптимальная ситуация, но мы внимательнейшим образом будем рассматривать и альтернативные ситуации, в том числе и когда поддержки нет.

Стефан Старчевский: Во-вторых, необходимо снискать доверие — об этом, конечно, уже говорилось, но стоит повторить — различных организованных общественных сил в данной среде, будь то местное или региональное объединение, (или группа меньшинств), местная газета, местная радиостанция, а в будущем, возможно, и телевидение — этот чрезвычайно важный фактор формирования собственного мнения.

Важно также, чтобы на высоте было руководство. И тут, увы, никуда не деться от множества проблем конфликтного свойства. Неминуемо возникнут соперничество, разного рода претензии: с какой стати именно вы должны руководить, или он... В замкнутой, живущей узкими интересами среде нередки застарелые, десятки лет длящиеся конфликты, междоусобицы. В мирке, разделенном распрями, часто затруднено движение вперед, поскольку там, как на Сицилии, постоянно происходят потасовки и стычки, по счастью невооруженные. Такое

скорее наблюдается в местностях, отдаленных от центра, нежели там, где жизнь кипит, где люди живее перемещаются в пространстве. Ожесточенные семейные дрязги, рукопашные схватки в удаленной от центра провинции — это фактор общественно-культурной жизни, и игнорировать его нельзя.

Успех руководителя во многом зависит от его умения получить поддержку именно этих, враждебно настроенных друг к другу людей.

Согласимся, что программу малых родин осуществляет не строго организованная формальная группа, подобная воинскому соединению, а инициативное сообщество, формализованное лишь настолько, чтобы достичь успехов в достижении поставленных программных целей.

Руководитель такого сообщества должен уметь разбираться в конфликтах, различать, где истинное столкновение интересов, а где застарелая, укоренившаяся взаимная неприязнь и вражда. Впрочем, порой конфликты в местной среде могут быть использованы для динамики развития, пробудив инициативу и изобретательность. И в этих случаях готовых рецептов, разумеется, быть не может.

Александр Яцковский: Малые родины были, есть и будут. Только прежде их так не называли, а меж тем название придает этому понятию некую эмоциональную окраску. Мы отстраиваем малую родину в меру своих потребностей и возможностей. Мы сами создаем ее, тогда как на родину большую прямого влияния не оказываем (да и не прямого, пожалуй, тоже). Родина — это нечто данное, как отец или мать. А малая родина — пространство, в котором мы живем, — способна непосредственно воздействовать, менять к лучшему, чтобы было разумнее, интереснее.

У каждого из нас есть или, по крайней мере, может быть своя малая родина, ради которой стоит трудиться, зная, что это на пользу не только тебе, но и другим.

Большим достоинством конкурса, объявленного Фондом культуры, было то, что он напомнил эту истину, помог осознать, сколько всего можно совершить в нынешнее трудное время, если захочешь, если тебе хорошо известны потребности и возможности, если ты найдешь союзников и если ты способен мечтать и преодолевать границы казалось бы невозможного.

Я получил неоценимый опыт, участвуя в открытии конкурса в Коронове в июне 1993 года. В жюри меня пригласили поработать, видимо, потому, что я уже много лет занимаюсь народным искусством, а конкурс назывался «Малые родины — традиции ради будущего». Традиции... это как раз по моей части...

Первый шок — вон нас сколько! Проекты были присланы из более чем 250 местностей, приехали сотни две лидеров (их можно бы назвать реаниматорами культуры). Каждый коротко представлялся и, разумеется, говорил о самом для себя существенном. Важное с неважным смешалось.

Кто-то боролся за то, чтобы отреставрировать древний триптих в местном костеле, очаровательные пожилые дамы убеждали построить дома для престарелых в их городишке, молодые, весьма деловитые романтики из Люблина предложили конкретный проект культурных мероприятий в городе. И, что удивительно, никто не упоминал о премиях и деньгах. Известно, что фонд установил три премии, а предложено было по меньшей мере несколько десятков интересных проектов. Сразу стало очевидно, что кульминацией этого конкурса, в отличие от всех прочих, станут не премии, а осознание людьми того факта, что они не одиноки, что таких как они — много, поразительно много. Люди делились наблюдениями, приглашали друг друга, внимательно выслушивали выступления членов жюри. Деньги — так говорили о премиях — чего греха таить, очень бы пригодились, но и без них мы свое делать будем. Теперь нам ясно, что это возможно. Выдвигались проекты уже осуществленные и только еще вдохновленные конкурсом. Подобно камешку, стронувшему с места лавину, конкурс пробудил воображение, разъяснил, что можно и следовало бы сделать.

Казимеж Шуттерли, учитель, директор школы в бещадской деревне Чарна, написал в письме, адресованном жюри: «Двадцать один человек, в том числе шестеро не из Чарной, решились работать над коллективным проектом... поверили, что могут что-то изменить в своем окружении. То, что при этом они и сами изменятся, до них не доходило». Добавлю, что в Чарной проживают люди, поселившиеся там лишь после войны, после операции «Висла», лишенные эмоциональной связи друг с другом, с местом, куда их забросила судьба. Поначалу они не слишком доверчиво отнеслись к конкурсному проекту. Пан Шуттерли признает: «Я сомневался, ведь перед встречей только шесть человек было «за». Теперь сомнения отпали. Даже не выиграв, мы выиграем».

Перед самым завершением конкурса я побывал в Чарной. На встречу пришло более сорока человек так или иначе вовлеченных в программу. Локомотивом, тянущим за собой все предприятие, признан «Здруй». Представитель министерства здравоохранения схватился за голову: «Да вы что! Санатории выходят из строя один за другим, а «Здруй» — это ведь санаторий, штаты... » — Спокойно! траты предстоят минимальные, объяснили ему, один человек у источника минеральной воды, уже исследованной и одобренной министерством, в маленьком домике установят ванны — для купания и бальнеологических процедур, а больных разместят в частных домах, разумеется, сделав их комфортабельнее. Это уже в рамках проекта «Пригласивший — приглашенный». Владелец

конного завода изъявил готовность предоставить лошадей, уже приученных к контакту с людьми, ограниченными в движениях (иппотерапия). Программа предусматривает также производство свежих продуктов, определение туристических маршрутов, концерты в отстроенной церквушке, программу школьных знаний о земле и экологии. Все это реально и взаимосвязано. А что школа? Такой не постыдилась бы и столица. Компьютеры, собственные газетки, которые посылаются и за границу, поскольку уровень изучения языков здесь весьма высок, а также курсы восточного единоборства. Видел я переписку с мэром Гренобля, так как Чарна хочет иметь близнеца-партнера именно в тех краях. В конце письма, написанного по-французски, имеется приписка: перевела на французский Марыся такая-то, 13 лет, класс, где изучается французский...

В процессе работы стали присоединяться люди, поначалу пассивные, хотя и доброжелательные. Из 650 опрошенных более половины выразили желание сотрудничать, количество частичных проектов возросло до 17-ти. Приступили к изданию ежеквартального журнала, будет создана местная радиостанция («Чад-Радио-Чарна»). При участии гминного управления, депутатов сделано столько, что, пожалуй, назад пути уже нет.

Впрочем, успокою читателей. Чарна оказалась в числе трех соискателей, отмеченных первой премией.

Может ли этот проект служить образцом? Лишь в том смысле, что, пример Чарной подтверждает: прежде всего должен быть кто-то (лидер), кто выявляет, насколько необходимы и возможны те или иные действия, умеет привлечь людей к сотрудничеству, получить поддержку окружения и местных властей. И всё. Остальное зависит от условий, от людей, их уменья, увлеченности.

Подобный же замысел создания санатория без санатория возник и в Высокой, близ Йорданова. Но не сразу. Сначала были супруги Пильхи. Чудесные люди, музыканты. Антоний Пильх — один из лучших наших отечественных лютнистов, однако музицировать ему оказалось недостаточно — благодаря своей жизненной активности, темпераменту педагога он стал «душой» Фестиваля старинной музыки в Старом-Сонче, создал Академию лютни, в которой молодые люди сообща разучивают старопольские, ренессансные музыкальные произведения, собираясь в Кракове, а также в усадьбе Пильхов. Надо еще прибавить, что Пильх — как в том анекдоте о раввине, еврее и козе — хотя и без того уже был занят по горло (я еще не упомянул о его педагогической деятельности в Краковской музыкальной академии), приобрел ветхую усадьбу в Высокой и отремонтировал ее в соответствии с предписаниями реставратора, чтобы там заниматься своим делом: приглашать ансамбли исполнителей, давать концерты для гостей из Польши и зарубежья.

— Откуда такие чудесные балки? — спросил я, восхищенный стильным перекрытием.

Все это спасено от уничтожения во время ремонта какого-то краковского дома. Лиственничные балки, прекрасно сохранившиеся, должны были пойти на дрова! (такого рода «ремонты» — тема для репортажа, Контрольной палаты и прокуратуры). Но уж если сохранять, так сохранять. Пильх решил уберечь старые гуральские дома от уничтожения. Это навело его на мысль их использовать. Дома поставят около усадьбы, в них поселят детей, страдающих заболеваниями дыхательных путей; живя здесь и дыша чистейшим воздухом, ребята смогут лечиться в филиале рабкинского санатория (Рабка в 15 км отсюда).

Таким образом, их каникулы совместятся с лечением в санатории нетрадиционного типа, и вместе с тем появится шанс спасти старинную архитектуру. Водя меня по своей территории, Пильх размечтался: вот тут посадим деревья, а вон там откроем производство экологически чистых продуктов и трав.

Так сам собой и возник проект, представленный на конкурс. Проект отмечен. Всего лишь отмечен, поскольку другие проекты показались более содержательными и лучше разработанными.

Поверьте, заседания 13 членов жюри были не только изнурительными (с утра до поздней ночи), но и порой вызывали стресс. Как определить критерии оценки совершенно разных ситуаций? Как никого не обидеть? Ведь ясно же: награждая шесть проектов, придется отодвинуть в сторону другие, может, ничуть не худшие? Вопреки рекомендациям председателя жюри пани Цивинской, которая совершенно справедливо полагала: чтобы конкурс пользовался авторитетом, надо присуждать мало премий, но зато высоких, — мы, со всем уважением относясь к ее мнению, все же признали три первых премии и три специальных; девять проектов были отмечены. Признаюсь, мне не дает покоя тот факт, что среди премированных нет Липницы-Велькой. Но что поделаешь: хотя членов жюри уйма, каждый смог посетить только несколько местностей. Как докажешь, что моя Липница лучше чего-то, чего я не видел? Но это другой вопрос, хотя здесь тоже есть о чем поразмыслить. А что сделать, чтобы вердикт жюри выглядел убедительным даже для самих его членов? Конкурсы Шопена, Венявского, конкурсы на сооружение памятников — все они сталкивались с подобной проблемой. Как часто жюри в полном составе мирилось с явной посредственностью, отклоняя соискателей, отмеченных оригинальностью исполнения, а в результате, к примеру, Погорелица не оказалось в финале Шопеновского конкурса...

Почему мне обидно за Липницу? Потому что там отлично ладят войт, директор школы, ксендз. Никакого спора о приоритетах там не возникло, когда войт по праву первого лица принял школу на содержание гмины. Строения в ужасном состоянии, в одном нет отопления, в другом теснотища, а ребята дисциплинированные,

улыбчивые, к местным традициям относятся с уважением. Пан директор вскочил на парту, заиграл на скрипочке оравскую мелодию, и вся школа пустилась в пляс, с припевками, как под гуральскую музыку, а потом было художественное чтение (между прочим, и на говоре).

В Липнице очень разумно реализуется программа знаний о культуре региона. Позже мы осматривали новое здание школы на 300 человек, уже завершенное, и другое — поменьше, только еще подведенное под крышу. Это уже построила гмина, полагая, что инвестиции в школы должны опережать газификацию, сооружение водноспортивного центра и пограничного перехода.

Недостатком конкурсной программы Липницы признана разнородность замыслов. Но меня она покорила своей предметностью и добросовестностью. Программа эта не из легких. Как, скажем, большую, вытянутую в длину (16 км) деревню под Бабьей Гурой превратить в центр, заманчивый для туристов? Как изменить ментальность хозяев, богатых благодаря связям с «Америкой», но не умеющих (и не желающих) привлекать иностранных туристов?

Что для этого надо делать? Из кабинета бургомистра стразу попадаешь в компьютерный зал, где по новейшей программе обучают английскому, занятия длятся допоздна... Через несколько лет обнаружится их эффективность.

Народные традиции существенно добавили все программе не только Липницы, но и Венгожева. Благодаря местному этнографическому музею традиции эти продолжают жить. Музей там и стал центром культуры (еще и потому, что другие учреждения — в полном упадке), прекрасным примером реализации идеи «традиции для будущего». Премия (первая) подтвердила правомерность действий в конкретных венгожевских условиях. Не слишком уступал, а во многих пунктах программы и совпал с венгожевским отмеченный проект коллектива из Гижицка.

Совсем иного рода трудности вынуждены были преодолеть авторы программы из Жулав (Новый Двор Гданьский), где традиции почти совсем иссякли. Война, переселение, жизнь с чистого листа. «Какое-то время, — пишет Ежи Вчисла, — я и мои приятели жили с ощущением, будто мы — ниоткуда... А сегодня — нас более десятка — мы заворожены наследством, доставшимся нам, жулавчанам... Мы организовали несколько выставок фотографий и жулавской живописи, создали два фильма о Жулавах, в ближайшее время откроется Жулавский музей, в следующем году организуем Дни Жулав. Мы теперь словно капли, дробящие скалу... Приехали сюда с разных концов страны, с окраин, из эмиграции. Обратно возвращаться не намерены, а новой малой родины толком еще не узнали. Так что в нашей программе речь идет не о продолжении традиций, а об их возрождении».

Ситуация «девственной земли», почти что Робинзонов, строящих жизнь заново, характерна для молодых людей из Волимежа. В 1988 г. Кшиштоф Викторчик, тогда еще студент, основал коллектив «Клиника кукол». Спектакли давали в Кракове, потом с детской сказкой «Момо» выступали в Германии. На заработанные деньги купили бывший в употреблении пикап. Хотели быть странствующим театром. Так вот и попали в Волимеж, обезлюдевшую, разрушенную деревеньку в Судетах. Жителей там было — кот наплакал, кругом руины, но пейзаж очаровал их. Остались. Решили создать в Волимеже Международную экологическую деревню искусств. Выглядели они странно, так что местные их сторонились, сплетничали — наркоманы, мол, ВИЧ-инфицированные. Помог ребятам бургомистр, выделил школьное строение и старую порушенную корчму. Начали новую жизнь. Основали «Фонд поддержки альтернативной и экологической культуры». В буклете фонда провозгласили: «Всем, кто ощущает потребность работать в контакте с природой, кто нуждается в тишине и покое, мы предоставим помещения в нашей Международной деревне искусств. Откроем там галерею, музыкальный клуб, зал театральных репетиций, будем проводить международные фестивали, празднества, пленэры для художников, фотографов, мастер-классы, экологические симпозиумы».

Это их образ жизни. Способ возрождения грустной деревушки, некогда красивой, зажиточной, цивилизованной. Некогда... при немцах. Петр Хмура, описывая деятельность «Клиники кукол», делится своими горькими раздумьями: «Посещая Нижнюю Силезию, бывая в Грифове, Клодзке, Волуве и в сотне других позабытых городишек, я испытываю стыд. Ведь когда Польша принимала во владение эти земли, они были приобщены к европейской цивилизации. Густая железнодорожная сеть, отличные дороги, богатые деревни, пульсирующие интенсивной жизнью города... Восемь молодых людей из театра «Клиника кукол» пытаются задержать и предотвратить процесс распада».

Молодые люди, в чем-то совсем еще дети! Отстраивают разрушенный красивый вокзал. Хотят, чтобы он стал местом встречи людей. Расположили к себе местных жителей, время от времени ставят для них спектакли, устраивают костры, встречи. «Мы говорили с нашими новыми соседями. Они сказали, что за 14 лет это первый праздник в деревне, что им нравится, и, как знать, может, жизнь вернется в Волимеж».

Этот проект получил на конкурсе одну из трех специальных премий, наравне с Сейнами и Люблином. Само сопоставление свидетельствует, насколько трудно найти общие критерии оценки. Ведь в Люблине совсем иная ситуация. Этот город богат образованными людьми, учреждениями (пять вузов, театр им. Остервы, Художественная сцена Мондзика, театр НН и еще около 25 других, альтернативных театров, галереи искусств, музеи,

библиотеки, журналы общепольского масштаба, такие как «Кресы», «Акцент»). Проект «Место — Память — Присутствие» особо подчеркивает роль города как одного из важных связующих звеньев между культурой востока и запада Европы. Люблин может стать, а частично уже стал, местом встречи деятелей искусств с востока (Белоруссия, Украина, Россия), с коллегами, приехавшими с запада, севера (Прибалтика), а также с юга (Чехия, Словакия, Венгрия). Упор делается и на представлении еврейской культуры, занимающей значительное место в историческом наследии города. В проекте отражен страшный опыт лагерей массового уничтожения, опыт Катастрофы, но видится это в глобальной перспективе. События в бывшей Югославии, Карабахе, Армении дополняют проект современными реалиями. Прибегая к самым различным видам деятельности, участники проекта организуют выставки, встречи, концерты. Действуют они прежде всего в среде лицейской молодежи — студенческое движение в последние годы, судя по всему, ослабевает.

Проблематика стыка пограничных культур (традиций, вероисповеданий) актуальна и для Сейн, и решается она путем преодоления действительных трудностей сосуществования поляков и литовцев. За ошибки прошлого надо платить, стремясь к толерантности и к тому, чтобы нивелировать напряжение, память обид и конфликтов. Деятельность эта рассчитана на годы, а реализовать ее можно, претворяя в жизнь награжденный на конкурсе проект «Дом соседства», который создан Обществом содействия развитию Сейн и окрестностей, а также Городским центром культуры. Уже сами названия отдельных проектов указывают направление работы: «Комиссия общественного диалога» (решать на месте сложные вопросы), «Встреча с иным» (популяризация добродетели терпимости), «Память старины» (возрождение традиции), «Классы культурного наследия» (в школах), «Телехата» (современный центр телеинформации), фестивали и мастер-классы для молодежи разных стран. «Наша задача, — пишут авторы проектов — возвратить культурное наследие, этот живой источник творческих процессов, столь необходимый при поисках своей идентичности».

Добавлю, что в прошедшие недели за общий стол впервые сели литовцы и поляки. «Дом соседства» становится реальностью.

Последний проект, который я хотел бы представить, —из Здунской-Воли. Он тоже ставит проблему интеграции — национальной, культурной, религиозной, — но в неоднородной среде, в центре Польши. Высоко оцененный жюри (одна из первых премий) проект этот реализован большим коллективом людей, сплоченных вокруг Товарищества друзей Здунской-Воли. В этом коллективе есть учителя, священники, музыканты, артисты, журналисты, представители властей и др. Какова цель их деятельности? Изучение истории, городских традиций, увековечение места рождения св. Максимилиана Кольбе* в сотую годовщину со дня его рождения, популяризация города и его выдающихся жителей, издательства, томики поэзии и прозы, создание этнографического музея ткацкого искусства, стремление сохранить коллективы старых фабрик, добиться, чтобы в промышленном фабричном городе можно было жить по-человечески, наслаждаться зеленью, разумной застройкой и в меру чистым воздухом. Не исключено, что в недалеком будущем Здунска-Воля прославится новациями молодых художников (программа «Муравейник»).

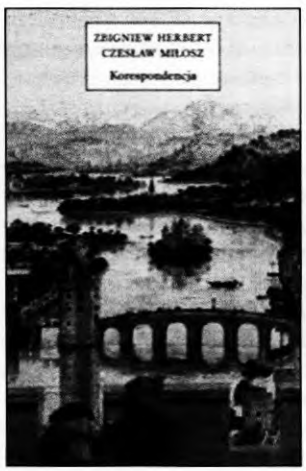
Возможно ли осуществить столь обширный проект? Это покажет будущее, но шансы есть: в создании проекта участвует много жителей, а поддерживает его «весь город».

Из-за нехватки места я не упоминаю других проектов, а жаль. Они весьма разнообразны, немало среди них конкретных, интересных (Супрасль, Хмельно, Тешин, Пшеросль, Сандомеж, Велький-Бучек, Бродница, Цеханув, проект Яна Сабминяжа из Хойниц, да и другие тоже). Впрочем, Михал Богуславский в цикле телевизионных портретов малых родин уже показал интересные проекты, которые ускользнули из поля нашего зрения. Возникнет ли в результате, как предположили некоторые участники конкурса, «Движение малых родин»? В ходе дискуссии этому скорее противились. Появилось опасение, что формальное объединение принесет скорее вред, чем пользу. Пожалуй, это верно. Так или иначе инициатива Фонда культуры уже ломает сложившийся стереотип, что дело это нереальное, безнадежное, что в нем царит застой. Ну а для меня самым главным было то, что я встретил замечательных людей. Если им не будут вставлять палки в колеса, они на многое способны.

* Отец Максимилиан Кольбе (1894-1941) — польский монах-францисканец. В 1941 г. вывезен в Освенцим, где умер от голода, добровольно заменив обреченного на смерть соседа-узника.

Яцек Лукасевич

У ЛЕСТНИЦЫ ПЕРЕКЛАДИНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРОЧНЫМИ



Збигнев Херберт, Чеслав Милош («Переписка», Изд. «Зешиты литерацке», 2006) — оба они принадлежат XX веку. Век тот умер, их самих уже тоже нет. Но их произведения продолжают жить, с ними происходят изменения, они трансформируются. Их умершим авторам незачем переживать по поводу тех мелочей, которыми теперь наполнены телевидение, радио и газеты. Херберт и Милош. Публикации переписки между ними ожидали как сенсации. Их противопоставляли друг другу: космополита Милоша — патриоту Херберту. Сегодня эти письма читаешь с исторической перспективы. В этой переписке есть важные сюжеты. Они тоже искали лестницу, искали бегства прежде всего от ПНР, но не только. И сами они, как писатели, стали своего рода перекладинами этой лестницы, ибо вне всякого сомнения, они олицетворяют собой эту мощную традицию. А перекладины должны быть прочными. Создать такую надежную, прочную перекладину становится идеей весьма соблазнительной, особенно если сама материя не кажется ни прочной, ни надежной. «Польша — это 1000-летний младенец (миллениумный пупс), безликий, бесформенный, без формы с некой лишь потенциальной метафизикой (ни еретиков, ни метафизиков, ни инквизиторов), с потенциальной миссией и не усвоенным опытом», — это Херберт. А чуть раньше: «Что я думаю о Польше? Я думаю так же, как ты, ибо меня с этой страной не связывает (еще менее, чем тебя) общность крови. Но эта Erde (ohne Blut) [земля (но без крови)] — она моя, как зараза или венерическая болезнь, и, как бы я ни хорохорился, мне от этого не освободиться», — это писал Херберт из Парижа 28 сентября 1967 г., а за десять дней до этого Милош писал Херберту из Беркли в Париж: «Норвидас в Жемайтии — распространенная фамилия. Поляки — раса, не способная ни к какому творчеству, политике, торговле, промышленности, религии, философии, они могут лишь заниматься сельским хозяйством и математической логикой, а также давать выход ощущению своей посредственности, устраивая погромы евреев и негров». Это было написано после «последних погромов, которые устроили поляки в Милуоки».

Но и у Херберта есть своя четкая позиция, когда он отвечает: «Негров, вероятно, не следует бить и преследовать, но погрузить на суда и отправить в их родную Африку, где их соплеменники разберутся с ними быстро и без шума». Так они писали друг другу, и не надо понимать всё буквально, ибо оба они любили и умели «погримасничать», а поскольку прекрасно знали друг друга, постольку могли рассчитывать на чувство юмора и интеллигентность друг друга. А если кто-нибудь, прочитав эту книгу, напишет, что для Херберта Польша была венерической болезнью и что он жаждал резни афроамериканцев на Черном континенте, то в этом будет столько же смысла, что и в утверждении, будто Чеслав Милош в 1969 г. высказывал желание, чтобы Польша вошла в состав СССР (что тогда имело поддержку) и считал поляков (in gremio?) неспособными ни к какому творчеству, но это не значит, что их взгляды не были различны. К сожалению, сочувственная интеллигентность и чувство юмора подводили обоих, и это видно из многих текстов, содержащихся в примечаниях и в приложении (Мацей Табор и Барбара Торунчик составили превосходные и очень подробные примечания).

Из этой переписки можно извлекать самые разные уроки. Вот некоторые из них.

Насколько же серьезные усилия надо было приложить, чтобы найти свое место в новой ситуации, в том числе относительно польскости, родины и т.д., этим молодым польским писателям (наверное, и не писателям тоже), которые в 60-е годы оказались на Западе как граждане ПНР. Херберт тут не исключение (хотя каждый в определенном смысле был исключением), достаточно вспомнить изданную два года назад переписку Блонского с Мрожеком. Милош был намного старше, но проблемы у него были по сути те же — отличавшиеся от проблем старой «лондонской» эмиграции и от проблем молодого поколения, которое на Запад не уезжало. Для них польскость в ПНР, по крайней мере после 1956 г., проблемы не составляла.

Безусловно, речь идет о произведениях обоих писателей, включая их поэзию и эссеистику. Произведения ясные, понятные, «каллиграфические», как говорил Милош, который, впрочем, считал, что Херберт в своей поэзии более «каллиграфичен», чем он сам. Прочные, крепкие перекладины. Письма же, в той части, где явно прослеживается дружеская игра, носят характер развлечения и издевки, хотя издевка эта продиктована эмоциями. И весьма ощутима эфемерность границ этой игры, их так легко преодолеть, так легко нанести трудно заживающие раны. Почему почтовая открытка с изображением ноги слона, занесенной над цыпленком, с надписью: «Не растопчи», так сильно и так надолго ранила Милоша-адресата, даже гораздо больнее, чем оскорблявшие Милоша интервью Херберта, которые тот раздавал и которые по сей день производят неприятное впечатление? — этого мы, наверное, так и не узнаем.

Можно также читать эти письма в контексте литературы бунтующей, пародирующей. Те, кто видит в этой литературе антипатриотизм, инспирированный враждебными силами, — совершенно неправы. Произведения, написанные главным образом в конце 50-х — начале 60-х годов (а возможно, и более ранние и более поздние) — создавались по сути из опасения за качество традиции, создавались ради того, чтобы лестница оставалась лестницей — не из пластилина, не из подкрашенного воздуха и не с переломанными перекладинами.

odra

Чеслав Милош

Перевод Натальи Горбаневской

Из книги «ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

В честь ксендза Баки

Ну и мухи,
Ну и мухи,
Пляшут точно молодухи,
В наши пляски влезли,
Как любезная с любезным
На краешке бездны.

Бездна — что безногий,
Бездна — без хвоста,
Лежит у дороги,
Перевернута.

Эй, мушки-дамы,
Мушки-господа,
Вашей думы, вашей драмы
Не узнает умный самый,
Веселитесь завсегда.

На дерьме коровьем
Или на повидле
Исполняйте фигли-мигли,
Исполняйте фигли.

А бездна не ест, не пьет,
Молока не дает.
Что же делает? Ждет.

[2002]

Старый человек смотрит телевизор

Может всё ж вы хоть бы каплю
слёз пролили
а не щерили бы зубы
и для зала сальто не крутили

Чтобы чуточку подумать
есть причины и заботы
не один я это знаю
старый и белобородый

Каждый для отводу глаз
строит рожи ртом и носом
чтоб не догадались что
горький плач в себе мы носим

Ваши штучки и не ваши
а притворны
а хотелось бы вам стенку
головой пробить прискорбной

И далёко отлететь навеки
на свободу
Не считать ни тяжких дней,
ни за годом годы

Значит нам не до конца
здешняя земля мила
Вот на это вы могли бы
подобрать музыку и слова

[2003]

Rys. Dymitr Kismielow

Флейта крысолова

Может, все-таки плохо, что распаду подверглось
само понятие долга перед отечеством?

Что усердные лакеи и платные палачи
не только не наказаны, а посиживают
на своих виллах и пишут мемуары,
ссылаясь на будущий приговор истории?

Вдруг объявилась небольшая страна, заселенная
малыми людишками, годная в провинции,
которыми издали управляет империя.

Может, не ошибался Жан-Жак Руссо,
советуя, прежде чем освобождать
рабов, образовать их и просветить?

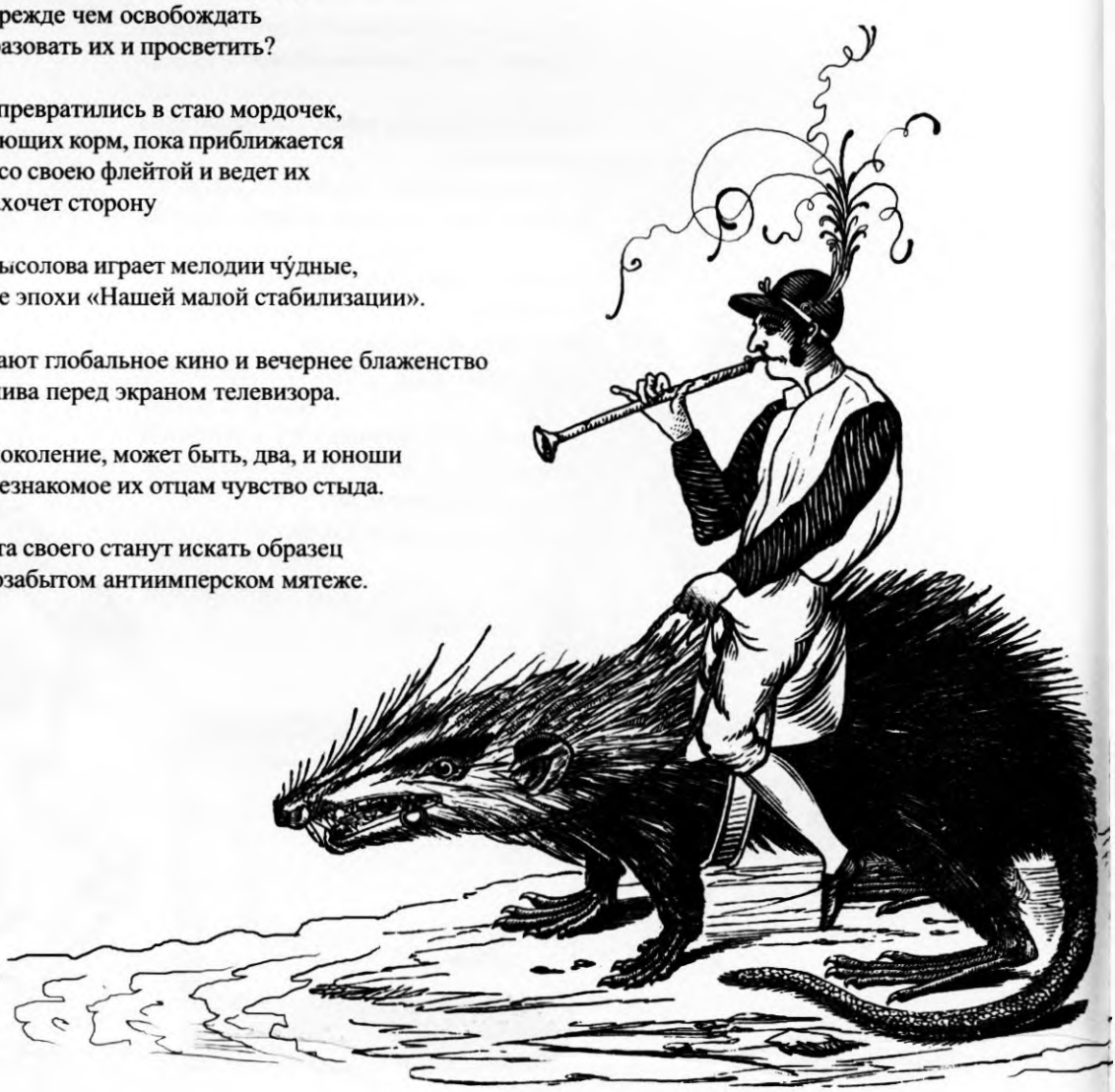
Чтобы не превратились в стаю мордочек,
вынюхивающих корм, пока приближается
крысолов со своею флейтой и ведет их
в какую захочет сторону

Флейта крысолова играет мелодии чу́дные,
всё больше эпохи «Нашей малой стабилизации».

Они обещают глобальное кино и вечернее блаженство
с банкой пива перед экраном телевизора.

Пройдет поколение, может быть, два, и юноши
откроют незнакомое их отцам чувство стыда.

И для бунта своего станут искать образец
в давно позабытом антиимперском мятеже.



Мариан Сталя

О «ПОСЛЕДНИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ» ЧЕСЛАВА МИЛОША

1.

Уже в момент смерти Чеслава Милоша было ясно, что его читателей ждет чтение сборника, содержащего поэтические произведения, написанные после выхода «Второго пространства». Это предположение подтверждали как стихи, которые поэт успел опубликовать в журналах (прежде всего поэма «Орфей и Эвридика»), так и сведения о неизданном — о том, что́ терявший зрение Милош успел записать или надиктовать.

2.

Если в Польше, погруженной в политические скандалы, есть еще место великим художественно-духовным событиям, то «Последние стихотворения» — как раз такое событие. Это, однако, не значит, что форма посмертного сборника Милоша, его общий смысл и место в современной (а также будущей) литературе сами собой очевидны.

Проще говоря: только что вышедший сборник — это первое ознакомление с самым поздним Милошем, с опытом поэта последних лет и месяцев его жизни. Теперь время подумать о результатах этого ознакомления.

3.

Последние стихотворения Милоша, когда узнаёшь их впервые, кажутся прежде всего продолжением всего его творчества, созидавшегося на протяжении нескольких десятилетий. Их чтение — это радость встречи не только с великим, но и с хорошо знакомым.

Задержимся на заключительных строках «Учителя математики»: «бумажный кораблик уплыл / мы шли сквозь какие-то запущенные сады / Ядвига в малиннике разорвала платье / далеко загорались города мироградов / и всё охватил сон»; вслушаемся в финал стихотворения «Химера: множество»: «Над землей, от бледнеющих на рассвете звезд, / Звук бежит, нарастает. Так говорит тишина. / In Excelsis. Навеки. Благословенна»; подумаем о фразах из стихотворения «Черепаха»: «Янек и Неля не ловили черепаху. / Их унижало родство ее с ними. / Они хотели быть чистым интеллектом. / Вскоре они умерли, и на их стульях никого»... Это же тот самый тип фразировки и интонирования, тот же тип монтажа мыслей и образов, который мы знаем по десяткам прежних стихов. Это же тот самый, крепко поставленный Милошевский голос!

Впрочем, не об одном голосе заходит речь. Достаточно перечитать написанное весной 2003 г. стихотворение «Небо» (которое начинается так: «Сколько я себя помню, всегда хотел быть на небе // И жил тут, зная, что это лишь на время») или относящегося к тому же периоду «Сына первосвященника» — чтобы обнаружить, что мы по-прежнему остаемся в кругу поэтического замысла, который осуществлялся и преобразовывался на протяжении десятилетий, в кругу великой метафизической поэзии, которая ищет человеку место перед лицом истории, природы и Бога и стремится обновить скудеющее религиозное воображение. Этот-то замысел позволяет взглянуть на Иисуса с точки зрения, заставляющей думать, и делает этот взгляд драматическим. Вот что говорит герой стихотворения Милоша, сын иудейского первосвященника:

Да, отец мой был первосвященник,
но напрасно меня теперь убеждают,
что мой долг — отца осудить.
Он был муж праведный и благочестивый,
защитник имени Господня.
Он обязан был беречь имя Господне
от скверны из уст человека.
(...)
Если б даже мой отец хотел спасти
Назарянина, тот нанес ему страшную рану.
Ранил его благочестие, самой сутью которой
была уверенность в громадном расстоянье,
отделяющем нас, смертных, от Творца.
Неужто вы, ученики Иисусовы, не понимаете,

что значит для слуха благочестивых ваше утверждение,
будто этот человек был Богом?

Такая речь об Иисусе, где сохраняется христианская точка зрения, но происходит вчувствование в доводы первосвященника, заслуживает долго быть сохраненной в памяти — точно так же, как слова старого Милоша о человеческой телесности и духовности.

4.

Радость, с которой обнаруживаешь в «Последних стихотворениях» следы более ранних произведений поэта и одушевлявший их стиль мышления, не должна заслонить того, что́ есть нового в посмертно изданном сборнике, то есть того, чего до конца не объяснишь ни существующими описаниями творчества Милоша, ни осуществляемым в этом творчестве поэтически-антропологически-религиозным замыслом. Дело, разумеется, не в том, что в «Последних стихотворениях» произведения, напечатанные при жизни поэта, соседствуют с непечатавшимися, а законченные — с набросками, иногда совсем черновыми; дело и не в том, что Милош не успел (а может, даже и не собирался) сложить эти произведения в единое целое. Дело скорее в том, что место, с которого говорит поэт, необычайно отдалено от опыта, подлежащего проверке и допускающего сочувствование. Или по-другому: дело в том, что степень непроверяемости опыта исключительно высока, что опыт и требует сочувствования, и одновременно его исключает.

5.

Польская поэзия двух последних веков приучила нас к феномену стихов, написанных перед лицом смерти (или смертельной опасности либо радикальной внутренней перемены). В этой поэзии, особенно за последние полвека, значительную роль сыграли выдающиеся произведения поэтов старых и очень старых. Оба эти явления составляют существенный контекст понимания Милошевских «Последних стихотворений». И в то же время позволяют уловить своеобразие Милоша.

Многие польские поэты испытали старость и поэтически претворили этот опыт. Творчески используемый опыт Милоша шел дальше, переходя ту границу, за которой, как я догадываюсь, переживание времени меняет свой смысл — или теряет его. Оттуда и звучит голос поэта, вписанный в его последние стихи. При этом среди «старых мастеров», о которых говорили на рубеже XX и XXI века, Милош был мастером самым несомненным, одаренным высочайшей степенью самосознания, таланта, владения языком и воображением. А также высочайшей степенью ответственности за поэтическое хозяйство. Короче говоря, в опыте Милоша как автора «Последних стихотворений» встречаются, взаимно усиливая свое действие, чувство поэтического верховенства, опыт очень глубокой старости и переживание затягивающегося пребывания перед лицом смерти, на трудноуловимой границе бытия и небытия.

6.

Об указанных мною вопросах последние стихи Милоша говорят значительно меньше, чем можно было бы ожидать, но в то же время достаточно много, чтобы их не удалось обойти. Говорят особым языком, где дословность встречается с намеками, тривиальность с утонченностью, серьезность с раблезианскими (или сарматскими) шутками. Такая речь обращает нас к нескольким ощущениям и переживаниям, которые следует упомянуть отдельно.

7.

Суть первого из этих ощущений — взгляд поэта на собственное творчество с перспективы прошедшего времени. (В стихотворении «Девяностолетний поэт подписывает книги», по поэтике напоминающем трактаты Милоша, мы находим три загадочных стиха, которые как раз так и можно понять: «Да, действительно, написал сочинения. / Это значит всего лишь, что я сознаю, / Как опасно это дело для души»). Этому взгляду сопутствует признание в том, что поэта оставил его демон (daimonion), в невозможности выразить новое, непоэтическое состояние:

Демон мой, ты уже две недели меня не навещаешь,
И я становлюсь кем был бы всегда без твоей подмоги.
Гляжусь в зеркало и немило мне мое лицо,
Память раскрывается, а там страшно.
Помутнённый я и несчастный человек.
Совсем другим я останусь в своих стихах.
Хотелось бы остеречь читателей, просить прощения.
Что поделать, даже этой жалобы не умею сложить.

8.

Второе ощущение, куда более драматическое, — чувство отрезанности от живых, чувство, что находишься за рамками их общности. Сжато об этом говорится в выше цитированном стихотворении о девяностолетнем поэте («Теперь, в старости, стою перед свидетелями, / Которые живым незримы»), а еще четче — в другом, озаглавленном «Что́ мне», где живых заменяет другая, прямо не определенная общность:

Что́ мне, да и еще там кому до того,
Что будут и дальше рассветы и закаты,
снег на горах и подснежники
и человечество с кошками и собаками?
(...)
Что нам до того — если в наших краях
умолкает гомон мира
и мы вступаем в Другое, за пространство и время
(...)
Не откликаемся, ибо нет языка,
чтобы понимать друг друга с живыми.

9.

Третье ощущение выражено фигурально — как столкновение с облепившей мглой неясности (так я понимаю заглавную метафору стихотворения «В тумане») или с бездной — отсылающей к внутренней бесформенности («Является Я, и это / совершенно черная пропасть») и внешней незавершенности, упоминаемой в шуточно мастерском стихотворении «В честь ксендза Баки»: «Бездна — что безногий, / Бездна — без хвоста, / Лежит у дороги, Перевернута. (...) А бездна не ест, не пьет, / Молока не дает. / Что же делает? Ждет».

10.

Наконец — четвертое ощущение, ключевое в понимании са́мого позднего Милоша. Это особым образом понятое спасение, избавление, появляющееся сначала в стилизованной (и явно не завершенной) повести «Пан Сыруть», а потом в благородно простой эпиграмме, завершающей «Последние стихотворения».

«Спасению-избавлению»* Милош возвращает старое значение, о котором говорится в «Этимологическом словаре» Александра Брюкнера. Оно основано на тождественности глаголов «бавить»** и «быть». Таким образом «избавиться» становится соответствием «сбыть», «избыть». (Поэтому мы читаем в «Пане Сыруте»: «А не так-то легко избыть бытие»). В стихотворении «О спасении» через это старое значение просвечивает новое, религиозное; только замечая оба значения, их столкновение или гармонизацию, можно открыть позицию поэта и увидеть, как жалоба может соединяться с исповеданием веры:

Спасённый от почестей и благ,
Спасённый от счастья и забот,
Спасённый от жизни и продления жизни,
Спасённый.

11.

Размышления над последними стихами Чеслава Милоша только начинаются. Для меня это прежде всего размышления над словом, завершающим «Последние стихотворения». Над тем, в котором жизнь избыта, которое избавлено, спасено.

«Над землей, от бледнеющих на рассвете звезд, / Звук бежит, нарастает. Так говорит тишина. / In Excelsis. Навеки. Благословенна».

«Tygodnik Powszechny»

Чеслав Милош. Последние стихотворения. Под ред. Ежи Ильга, тексты подгот. к печати Агнешка Косинская. Краков, «Знак», 2006.

Настоящий текст был прочитан 21 октября в зале им Выспянского Краковского государственного высшего театрального училища на встрече, посвященной «Последним стихотворениям».

---

* По-польски «спасение» — «збавене»; если переводить дословно («до корня»), «избавление». В следующей цитате из стихотворения Милоша «спасённый» в первых трех стихах = «избавленный». Впрочем, «спасение» — еще и «оцалене» (скажем, «уцеление»); так назывался первый послевоенный сборник стихов Милоша. — *Пер.*

** Ныне не встречающийся в русском литературном языке глагол «бавить» — по словарю Даля, «продолжать, длить, должить, увеличивать, прибавлять», однокоренное с «добавить, избавить, позабавить, прибавить». — *Пер.*

Вацлав Завадский

ВАЛЕРИАН ЛУКАСИНСКИЙ И ЕГО ЗАПИСКИ

Валериан Лукасинский

«Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали и только что собирались косить рожь. Я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется «татарином» и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть об него рук... Я шел наизволок по пыльной черноземной дороге... Впереди меня, вправо от дороги, виднелся какой-то кустик. Когда я подошел ближе, я узнал в кустике такого же «татарина»...

Куст «татарина» состоял из трех отростков. Один был оторван, и, как отрубленная рука, торчал остаток ветки. На других двух было на каждом по цветку. Цветки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Один стебель был сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчал кверху. Видно было, что весь кустик был переехан колесом и уже после поднялся и потому стоял боком, но все-таки стоял. Точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз. Но он все стоит и не сдается человеку, уничтожившему всех его братий кругом его.

«Экая энергия! — подумал я... — этот все не сдается»».

Я позволил себе привести столь длинное описание, которым Лев Толстой начинает повесть «Хаджи-Мурат», потому что этот образ может послужить символом жизни и мученичества Валериана Лукасинского.

Пожалуй, в жизни каждого народа, отстаивающего свою независимость, случается так, что один человек взваливает на свои плечи все страдания своего народа и становится символом его тяжелейшей борьбы за свободу. Валериан Лукасинский, пробывший в заключении почти пятьдесят лет, из которых 37 — в самом страшном каземате Шлиссельбурга, и написавший в своих записках: «Сто раз можно оружием заставить поляков подчиниться, но, сто раз воспрянув, они будут с еще большим жаром бороться за свою независимость, пока не обретут свободу», — разве не напоминает он тот куст чертополоха, истерзанный и изувеченный, но не сдающийся и гордо смотрящий в лицо своему врагу?

Обсуждая события в Польше и восстание 1830 года, и Константин, и брат его Николай I пришли к выводу, что этот «бунт» подготовили два человека: Валериан Лукасинский и Северин Кржижановский. А поскольку Кржижановский был продолжателем дела основанного Лукасинским «Патриотического общества», нужно признать, что именно личность Лукасинского и его идеи вдохновляли молодых подхорунжих в ту ноябрьскую ночь, когда при свете луны они брали штурмом Бельведер.

Лукасинский — дитя Варшавы. Рожденный в столице, он был записан в 4-й линейный полк, известный как полк «детей Варшавы». Он был неравнодушен ко всякой несправедливости, кого бы она ни постигала, что выделяло Лукасинского из среды офицеров Царства Польского.

Начало его карьеры было типичным почти для каждого офицера, сражавшегося на стороне Наполеона. Он участвовал в кампаниях 1807 и 1808 гг. против Пруссии и России, затем в австрийской кампании 1809 года. В походе на Москву Лукасинский участия не принимал, но сражался под Лейпцигом под командованием князя Юзефа Понятовского.

После создания Царства Польского Лукасинский в чине капитана вступил в ряды Войска Польского под командованием великого князя Константина. Он мог бы сделать карьеру и дослужиться до больших чинов, как многие его соратники из легионов Домбровского и наполеоновской армии — соратники не обязательно недостойные, у многих совесть пробудилась при звуках ноябрьских выстрелов, и они участвовали в восстании [1830 г.], отважно сражались и геройски погибали, кровью смывая позорное прошлое.

Но не таков был Лукасинский. Его характер изначально исключал возможность выбора подобного жизненного пути. Он был слишком честным и порядочным человеком, чтобы соблазниться карьерой придворного льстеца, шута и острослова или тупого служаки. Ведь только такие и добивались успеха при великом князе. На этом фоне фигура Лукасинского выделялась особенно ярко. Он восстанавливает против себя князя и его окружение... «Ты не скроешь от меня свои поступки, я знаю даже, что ты ешь на обед...» — говорит ему Константин.

В другом случае, вспоминает в своих записках Лукасинский, один из обвинителей (видимо, под влиянием Константина) сказал о нем: «Майор Лукасинский — иллюминат, карбонарий, алхимик и не только. Он участвовал во всех революциях: греческой, молдавской, валашской и в волнениях в швейцарских кантонах, где держит в банке значительные средства, полученные, вероятно, при помощи алхимии». Автор этого высказывания опередил тем самым княгиню Тугоуховскую из комедии Грибоедова с ее известными словами:

Он франк-масон! (...)
Чинов не хочет знать!
Он химик, он ботаник!

В 1818 году Лукасинский настроил против себя начальство, издав брошюру под названием «Заметки одного офицера о необходимости еврейской реформы». В этой брошюре он ратует за равные права евреев в Польше и полемизирует с противоположными взглядами, в особенности с антисемитским журнальчиком Винцента Красинского, доверенного лица и любимца князя Константина.

Во второй раз Лукасинский пошел наперекор Константину в декабре 1821 г. во время военного суда над майором Голашевским. Великий князь, недовольный вынесенным приговором, предложил председателю суда генералу Жимирскому свой собственный. «Выбирайте, — сказал он Жимирскому, — что важнее: закон или воля великого князя». Лукасинский выбрал закон и единственным из членов судейской коллегии воспротивился изменению приговора. Это решило его участь. «Ты хорошо отзывался о майоре Лукасинском, — сказал Константин Жимирскому, — но теперь-то ты видишь, что это за человек. Мало того, что он готовит бунты, так еще и открыто отказывает мне в повиновении».

Судьба Лукасинского была предрешена. Сразу же после этого случая приказом от 8 декабря 1821 г. он был переведен из варшавского полка в Красный Став. Отныне ему выплачивалась лишь половина жалованья. Для Лукасинского это был настоящий удар, не только потому, что его забрали из любимого 4-го полка «детей Варшавы», но и потому, что для небогатого майора это была ощутимая материальная потеря, сильно осложнившая ему жизнь. В Красном Ставе Лукасинский находился под постоянным надзором принца Виртембергского, который оказался, как пишет Лукасинский в своих записках, «ревностным, хотя и неумелым шпионом».

Надлежало немедленно организовать показательный процесс. Этого требовал великий князь и все его окружение. Необходимо было устрашить остальных и уничтожить последние остатки независимости, гражданского мужества и чести в армии.

Теорию показательного процесса детально разработал советник великого князя по политическим вопросам сенатор Новосильцев, человек умный и талантливый, но в еще большей степени коварный и аморальный.

[Писатель] Кароль Ижиковский сказал когда-то, что пытки, показательные процессы требуют особого церемониала, особой mise en scène.

В поданной 24 января 1818 г. царю Александру I «Записке о наказаниях», цитируемой Шимоном Ашкенази, Новосильцев «требовал исполнения публичного наказания способом, особенно сильно поражающим воображение. На высокий помост, устроенный таким образом, чтобы народ не мог наблюдать самого истязания, а слышал лишь крики и стоны (...) преступников, одетых в белые рубахи или саван, доставлять следовало на заранее приготовленных носилках, выкрашенных в черный цвет наподобие гробов. Он требовал непременного присутствия при экзекуции священника с похоронной свечой, чтобы он объявил во всеуслышание, что и духовная власть изгоняет осужденного из христианской общины. В целом он советовал при исполнении наказаний ориентироваться на самые чувствительные и самые впечатляющие сцены театральных представлений, которые растравляют душу и сердце и оставляют в них глубокие следы уныния. В заключение он делал вывод, что главная цель любого наказания — вызвать спасительный страх, единственно способный удержать человека на пути истины»*.

Эти принципы были во всей своей полноте применены к Лукасинскому.

Новосильцев подсунул Константину дело о созданном Лукасинским тайном обществе «Национальное масонство», которое помимо масонской деятельности считало своей задачей укрепление национального духа и добивалось освобождения бывших земель Польши, включенных в состав Российской империи. В августе 1820 г. после пятнадцати месяцев существования этого общества Лукасинский распустил его в связи с тем, что туда проникли ненадежные люди. В следующем году он основал взамен тщательнее законспирированное «Патриотическое общество», о существовании которого великий князь ничего не знал.

По приказу великого князя Лукасинского арестовали. Во время следствия он дал показания лишь о «Национальном масонстве», о котором Константину и следователям и без того было известно. 14 июня 1824 г. Валериан Лукасинский как «главный и единственный организатор и предводитель преступных замыслов» был приговорен к девяти годам заключения в крепости.

24 октября на площади Красинских [в Варшаве] была произведена гражданская казнь. Рано утром были построены в каре отряды русского и польского войска. Лукасинского и еще двух приговоренных вместе с ним офицеров привели и поставили в центре, затем огласили приговор, палач сломал над их головами шпаги, сорвал знаки воинского отличия и надел на них кандалы весом в двадцать два фунта (десять с половиной килограммов). Затем узников приковали к тачкам, одели в тюремную одежду и под барабанную дробь провели перед строем. Впереди шел с тачкой Лукасинский, с гордо поднятой головой, глядя прямо в глаза стоявшим на площади высоким чинам. При виде этого даже у многих присутствующих там русских, по свидетельству очевидцев, наворачивались на глаза слезы. «В этот день никто в Варшаве не видел улыбающегося лица», — вспоминал Станислав Бажиковский. Приговоренных втолкнули в повозки и отвезли в крепость в Замость.

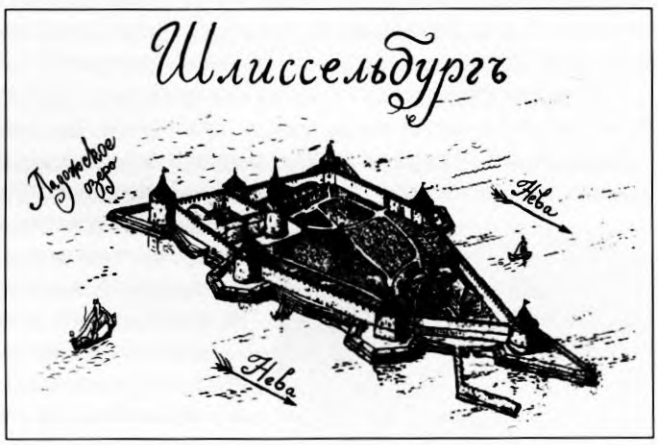
О своей жизни в крепости Лукасинский пишет: «Ослабевший и еле державшийся на ногах, собрав последние силы, я хотел устроить переполох и бежать. План не удался!» Заключенного Теодора Суминского, обвиненного вместе с ним в подготовке мятежа, приговорили к четыремстам ударам палками, что и проделали, не снимая с него оков, после чего тот впал в помешательство. Лукасинский присутствовал при истязании Суминского, давшего показания, что к бунту его подговорил Лукасинский.

Под впечатлением от этого страшного наказания Лукасинский согласился дать показания о «Патриотическом обществе». Как пишет Ашкенази, он в письменном виде дал краткие, четкие, никого не компрометирующие ответы. Сначала его перевели в городок Гура-Кальвария, а потом в Варшаву, где поместили в маленькую, темную каморку в казармах лейб-гвардии Волынского полка. Тут до него дошли вести о восстании 1830 года. Вместе с Волынским полком он был отправлен в Белосток, а затем переведен в крепость в Бобруйске. Весь путь от Варшавы до Белостока он проделал пешком, привязанный между двумя конными казаками. Из Бобруйска Лукасинского по указанию царя перевезли в Шлиссельбургскую крепость и заточили в помнящем еще шведские времена «Секретном доме», где обычно держали самых опасных полити-

* Записка Новосильцева была основана на записке «Нечто о наказаниях», составленной В.И.Штейнгелем, будущим декабристом. — *Пер.*

ческих заключенных. Коменданту было приказано как «государственного преступника Царства Польского содержать [его] самым тайным образом, так, чтобы никто не знал даже его имени и откуда привезен». Охране запрещалось с ним разговаривать, а входить в камеру дозволялось только втроем.

С момента перевода из Варшавы Лукасинский стал легендарной фигурой, загадкой истории, польской Masque de Fer («Железной Маской»). Для современников он исчез, никто ни в Польше, ни в эмиграции не знал, жив он или умер, а если жив, то где находится.



Генерал Игнаций Прондзинский оставил запись в своих мемуарах: «Лукасинский исчез. Согласно дошедшим сведениям, он не ушел этапом в Сибирь, не сидел ни в одной из тех тюрем, в которых обычно держат политических заключенных. То, что с ним произошло, останется, без сомнения, одной из тех ужасных тайн, которые использует в своих интересах царское правительство».

Обычно хорошо осведомленный Бечинский, секретарь суда Сейма, пишет об участи Лукасинского: «Еще при императоре Николае он был выпущен из тюрьмы и отправлен на поселение в город Петербург (...) где через несколько лет скончался».

О дальнейшей судьбе Лукасинского ничего не знал и Ян Чинский, деятель «Демократического общества» в эмиграции, интересовавшийся личностью Лукасинского и писавший о нем.

Лишь по прошествии тридцати лет после заключения Лукасинского в Шлиссельбургскую крепость до польской общественности дошла первая весть о том, что он жив и находится в крепости на берегу Ладоги. Весть эту привез Михаил Бакунин, который в 1861 г. бежал из Сибири через Японию в Америку, а позже вернулся в Европу. В эмиграции он рассказал приятелю Лукасинского по 4-му полку Виту Чайковскому о своей встрече с Лукасинским в Шлиссельбурге. В 1854 г. на прогулке он столкнулся с узником, которого по причине болезни разрешили выводить на воздух. Это был старик с длинной бородой, еще сохранивший военную выправку. Бакунин, узнав, что это поляк Лукасинский, во время следующей встречи окликнул его по фамилии. «Старик вздрогнул всем телом, обратил на меня помутневший взор.

— Кто? — спросил он.

— Заключенный с этого года, — ответил я.

— Какой сейчас год? — спросил он. Я назвал.

— Кто в Польше?

— Николай.

— Константин?

— Нет в живых.

— Что с Польшей?

— Скоро все будет хорошо, — сказал я.

Внезапно он отвернулся, остановился (я видел, как часто он дышит), осмотрелся и уже через минуту снова шел своим привычным, слабым, размеренным шагом, медленно, с опущенной головой. Когда наступило следующее дежурство того же офицера, первым делом я спросил о Лукасинском. Офицер ответил, что тот несколько дней был неспокоен, бредил; это приписали нездоровому воздуху. Затем он вернулся в свое обычное полусонное состояние. Я спросил офицера, не может ли он поговорить с несчастным, помочь ему чем-либо. Последовал ответ, что в камеру входить разрешается только втроем, так что ничего поделать нельзя. Больше Лукасинского я не видел».

В 1864 г. на прогулке в Шлиссельбурге Лукасинского встретил русский студент Бонифаций Степут, или Степуш, который рассказал об этой встрече Лонгину Пантелееву, русскому, замешанному в деле Иосафата Огрызко, агента [польского] революционного правительства в Петербурге. Степута посадили за распространение революционного воззвания «К полякам!». Лукасинский рассказал Степуту, что ведет в тюрьме записки. Пантелеев передал сведения о Лукасинском хранителю библиотеки «Оссолинеум» во Львове Владиславу Бэлзе, а тот напечатал эту новость в одном из галицийских журналов. По-видимому, это первое известие о записках Лукасинского.

Лукасинский начал вести записки во время восстания 1863 г., в сентябре, а закончил в канун 1864-го. В тот период в жизни Лукасинского произошли перемены к лучшему. Новый комендант крепости, генерал Иосиф Лепарский, поляк по происхождению, проникся судьбой узника и постарался смягчить условия его содержания. Он перевел Лукасинского из прежнего темного подвального помещения, где тот до тех пор находился, в тюремную камеру, часто посещал его там и даже приглашал к себе в гости, приносил ему книги из своей библиотеки. Семья коменданта также заботилась о несчастном старце, страдавшем к тому же мочекаменной болезнью и грыжей.

Ворота Шлиссельбургской крепости

Записки человека, более сорока лет пробывшего в заключении и на протяжении тридцати одного года не обменявшегося ни с кем ни словом, сидевшего в темном сыром подвале и не видевшего никого, кроме трех безмолвных стражников, не могут не поражать воображение.

О себе он пишет иногда в третьем лице. Вспоминая начало своей деятельности, Лукасинский говорит: «Итак, человек этот, не обладая никакими благами из тех, что даются рождением, состоянием, заслугами или признанным талантом, взял на себя трудную и опасную миссию нести помощь и облегчение несчастным соотечественникам...» Он ведет записки «только лишь для себя (...) будучи почти уверен, что никто не прочитает их ни при моей жизни, ни, возможно, даже после смерти. Меня они отвлекают и даже доставляют радость».

«Я уже не из этого мира. Свободный от страхов и надежд, и даже от предрассудков, предубеждений и страстей, почти не соприкасаясь с действительностью, я живу в одном лишь прошлом. (...) Мой голос звучит в нем, как глас в пустыне, его не услышит ни одно живое существо. (...) Прожив около сорока лет в одиночестве, я привык разговаривать сам с собой...»

«Устремив свой взгляд вверх, вижу там сгущающиеся черные тучи, грозящие ураганами и молниями. Наклонившись и приложив ухо к земле, слышу ее голос, взывающий к *крови*».

«Войны не миновать. Если это будет война регулярная, какие ведут обычно правительства двух стран, нетрудно предвидеть ее последствия и конец. Если же ей будет сопутствовать революция, то никто не сумеет предсказать те потрясения, поражения и беды, которые обрушатся не только на Россию и Европу, но, возможно, и на более далекие страны. И никто не предскажет их конца».

Далее Лукасинский рисует апокалиптический образ Европы, ставшей «ареной разбушевавшихся страстей» и войн: «Все несчастья падут на них, и, уничтожая друг друга, они превратят в пустыню свои цветущие ныне страны, и тогда мир с удивлением узрит Европу без прикрас, сидящую, как библейская вдова во власянице, с головой, посыпанной пеплом, на развалинах своих некогда прекрасных городов, оплакивающую смерть своих детей и вспоминающую прежнее величие и богатство, которые обеспечивали ей главенство в мире».

Другая отличительная черта записок Лукасинского — гуманизм, глубокая вера в победу добра над злом, что является большой дидактической ценностью и неоспоримым свидетельством редкостной высоты духа автора.

Человек, которому довелось испытать столько насилия и жестокости, не сломился и не признал за ними созидающего начала. «La force ne crée rien» («Сила ничего не создает») — неоднократно повторя-

ет он. «На штыки можно опереться, но присесть и отдохнуть на них невозможно». «Суровые наказания сдерживают зло быстро, но не надолго».

«Не переставая любить более всего на свете свою родину, я не могу ненавидеть ни один другой народ. Каждый народ мне интересен (пусть и в разной степени), и я испытываю неподдельное удовлетворение от его успехов на пути к моральному и материальному благополучию, и неважно, как зовется страна — Тунисом, Марокко, Португалией, Алжиром или Испанией».

И, наконец, еще одна особенность записок Лукасинского в том, что их автор, хотя и вел свои записи в преклонном возрасте, сохранил ясность мысли и свежесть восприятия. Об этом свидетельствует, среди прочего, тонкая ирония и игра ума, украшающая мысли Лукасинского.

Приведем для примера отрывок из приложенного к дневнику письма, адресованного генералу Лепарскому: «Ежели одна только молитва могла бы даровать рай, то, без сомнения, туда бы попал умерший недавно старый кот капитанши Гусевой, ибо он только и делал, что ел, пил, спал да мурлыкал свои молитвы. Так бы проще всего было получить доступ на небеса. И я, подобный ему бездельник, имел бы право надеяться, что, как и он, подыщу себе там теплое местечко на печи. Если только на небесах есть печи на манер русских».

Следует при этом отметить, что Лукасинский был человеком глубоко религиозным.

После смерти Лукасинского все его бумаги передали в III Отделение Канцелярии Его Императорского Величества, где они были переведены на русский язык и вместе с оригиналом поданы Александру II. Ознакомившись с содержанием записок, царь приказал их опечатать и вскрывать лишь по *особому царскому соизволению*.

Таким образом, записки Лукасинского были причислены к *самым секретным* из хранившихся в архиве царского министерства внутренних дел документов, недоступным даже тем, кто имел право работать с секретными архивами.

Говоря о записках Лукасинского, нельзя обойти вниманием деятельность Шимона Ашкенази и его работу над монографией о Лукасинском. Монография эта — главное, что сделал Шимон Ашкенази для возврата Валериана Лукасинского из забвения. Благодаря своим усилиям и связям Ашкенази получил доступ к самым секретным и особо охраняемым петербургским архивам, что не удалось ни одному другому историку — не только поляку, но и русскому.

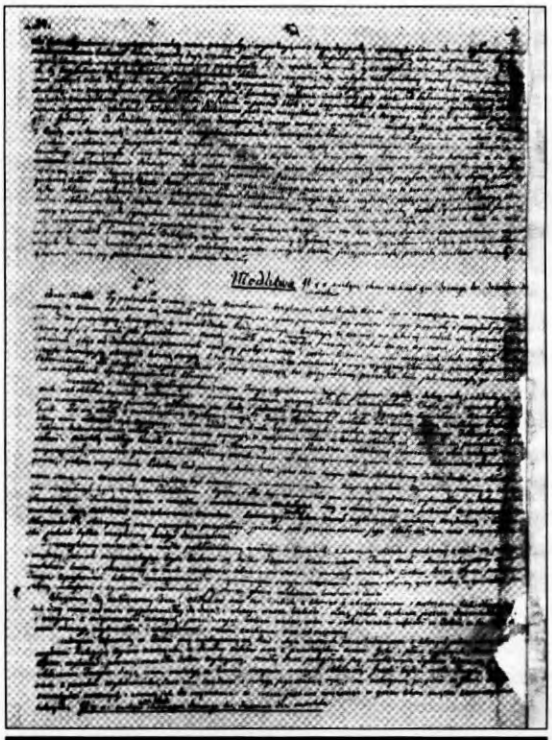
Когда в 1896 г. 29-летний свежеиспеченный доктор исторических наук Геттингенского университета появился в приемной министра иностранных дел Российской империи князя Лобанова-Ростовского, в научном мире его имя никому не было известно. Доцентом Львовского университета Ашкенази стал лишь спустя несколько лет.

Князь Лобанов-Ростовский, дипломат старой закалки, человек d'ancien-régime [старорежимный], как сказал о нем Ашкенази, увлекался российской генеалогией, геральдикой и историей. Он издал родословную русских дворянских родов («Русская родословная книга», СПб, 1873-1876, 2 тт.), а также публиковал архивные материалы, касающиеся XVIII и XIX веков, как, например, «Письма князя Безбородко к графу Н.И.Панину». Дипломатическую службу он начал еще при Николае I, а закончил при его правнуке Николае II. Долгое время жил в Париже, затем, в 1879-1882 гг., был послом в Лондоне, а впоследствии, до 1895 г., — российским послом в Вене.

Наверняка у Шимона Ашкенази было рекомендательное письмо к князю Лобанову-Ростовскому от какого-нибудь польского аристократа, имевшего определенное влияние при дворе Франца Иосифа, — иначе министр иностранных дел Российской империи вряд ли бы его принял. Но помимо этого у Ашкенази, должно быть, было непреодолимое стремление к разгадке тайны Лукасинского, огонь в глазах, железная воля к достижению цели, раз уж перед неизвестным молодым историком-поляком, причем еврейского происхождения, открылись двери кабинета царского министра и раз он получил от этого министра разрешение на работу в архивах российского министерства иностранных дел.

И с тех пор, как пишет Ашкенази, «каждый год надлежало бывать в Петербурге. Везде, в величественных правительственных зданиях, на Дворцовой, Мариинской, Сенатской площади, на Миллионной улице, даже рядом с Петропавловской крепостью, велся поиск погребенных там следов страданий и усилий народа и учиненного над ним преступления. Сколько довелось ходить в тихие архивные залы

через кишащие сановниками и мелкими служащими апартаменты и канцелярии министерства иностранных дел, министерства внутренних дел, Комитета министров, Сената, Государственного совета. Сколько бродить по ведущим в научно-военный архив нескончаемым этажам и кабинетам Главного штаба, набитым генералами и офицерами. И попутно наблюдать в действии ужасную машину, которая держала в узде и страхе Россию и раздавила Польшу».



Записки Валериана Лукасинского

Но для того, чтобы заполучить скрытые за семью замками записки Лукасинского, пришлось приложить еще немало труда и усилий. Три раза менялись министры иностранных дел России. Умер старый князь Лобанов-Ростовский, как и преемник его, Владимир Николаевич фон Ламсдорф, пост министра иностранных дел перешел к Александру Петровичу Извольскому, одному из создателей Антанты, — лишь тогда, в конце 1907 г., Ашкенази получил позволение царя на работу с записками Лукасинского. Оригинал переслали в архив Государственного совета, где, сломав печать, по приказу царя сняли с записок копию, которую дирекция архива вручила польскому ученому.

Ашкенази не раскрыл обстоятельств поисков записок Лукасинского. Правда, он упоминает о своих отношениях с представителями польской аристократии в Петербурге — графом Адамом Красинским, который познакомил его с престарелым генерал-адъютантом Отто фон Рихтером, с 1883 г. занимавшим должность начальника Канцелярии прошений, на высочайшее имя приносимых, а также с графом Сигизмундом Велёпольским, который направил его к двоюродному брату царя по отцовской линии, историку, великому князю Николаю Михайловичу. Но кто облегчил ему доступ к царю и кто убедил Николая II, что следует сломать печати, наложенные на оригинал его дедом Александром II, — этого Ашкенази не рассказал ни в царское время, что понятно, ни в межвоенный период.

Таким посредником, конечно же, должна была быть особа, обладающая большим влиянием при Петербургском дворе или связанная с царской семьей родственными узами. Особа, с чьим мнением Николай II и его правительство считались настолько, чтобы ее письмо помогло преодолеть все неизбежные в данном случае препятствия.

Ни граф Сигизмунд Велёпольский, ни граф Адам Красинский здесь не рассматриваются: они не пользовались особым влиянием при дворе, оба дослужились лишь до самого низкого звания — были всего-навсего камер-юнкерами. Генерал Отто фон Рихтер имел при дворе больший вес, был награжден высшим знаком отличия Российской империи — орденом св. Андрея Первозванного — и состоял в звании генерал-адъютанта. Он, конечно, мог, как глава Канцелярии прошений, снабдить прошение Ашкенази положительным отзывом, и все же, скорее всего, тут не обошлось без кого-то, чье мнение царь и его окружение высоко ценили. Самым простым было бы предположить, что доступ к дневнику обеспечил Ашкенази великий князь Николай Михайлович, однако Ашкенази ясно пишет, что познакомился с великим князем в Петербурге в декабре 1911 г., а следовательно, уже после получения копии записок и выхода в свет монографии о Лукасинском.

Поскольку Ашкенази не оставил никаких свидетельств по этому вопросу, остается строить лишь приблизительные предположения. Очень возможно, что он воспользовался своими английскими зна-

комствами. Примерно тогда же в Кембридже, в ценной серии «Cambridge Modern History», вышла его работа «Россия — Польша. 1815-1830». Можно предположить, что благодаря своим связям с английскими масонами и их протекции он смог заручиться поддержкой короля Эдуарда VII, который, будучи принцем Уэльским, на продолжении 27 лет был великим мастером Объединенной британской ложи. В 1907 г. в преддверии подписания русско-английского соглашения и создания «Entente cordiale» [«Сердечного согласия» — Антанты] голос Эдуарда VII или кого-то из его ближайшего окружения значил в Петербурге чрезвычайно много. Отметим при случае, что первым секретарем русского посольства в Лондоне был поляк Станислав Козелл-Поклевский, камергер, сын Альфонса — сибирского промышленника и мультимиллионера. Станислав Поклевский был приятелем и ближайшим соратником министра Извольского, которому неоднократно одалживал значительные суммы. Он участвовал в составлении русско-английского соглашения 1907 г., был посредником между королем Эдуардом и петербургским кабинетом министров, с английским королем его связывали очень близкие и дружественные отношения. Быть может, Ашкенази прибегнул к его помощи? Все это, конечно, лишь допущения — никакими конкретными материалами мы не располагаем.

Героем, которому Ашкенази посвятил больше всего труда и которым он так глубоко интересовался, был Валериан Лукасинский, однако героем, интерес к которому ученый активно афишировал, был князь Юзеф Понятовский. Для консервативно-либерального историка, каковым и был Ашкенази, слабость, которую он питал к Лукасинскому, можно назвать предательством своих убеждений, неким adultère, увлечением простой девушкой из народа, изменой законной исторической супруге. Ведь то не был ни князь, ни герой в стиле prince de Saxe [Морица Саксонского, маршала Франции], принца [Евгения] Савойского или князя Пепи [Юзефа Понятовского], в котором сочетались обаяние, душевное спокойствие, барственность и преданность идеям независимой Польши. Сказал: «Умереть, как подобает мужчине!» — бросился вперед и погиб. Такими притягательными чертами представителей «удельной и шляхетской» Польши Лукасинский, конечно, не обладал. Обычный майор обычного полка линейной пехоты, заговорщик и революционер, он не блистал, как метеор, и смерть его не вписывается в романтические условности, как, например, смерть Ораса Верне, и не подходит для сюжетов изысканных гравюр, подобных тем, что увековечили легенду о геройской смерти князя Юзефа в водах Эльстера.

Слабость к Лукасинскому, овладевшая Ашкенази, временами вызывает у этого либерально-консервативного историка приступы раздражения, заметные на страницах его замечательной исторической монографии, которая может служить образцом научного труда такого рода. Начинает он ее со слов: «Лукасинский сам по себе был человеком незначительным», — с тем, чтобы на последующих девятистах страницах монографии это свое утверждение опровергнуть.

О записках, из которых он много почерпнул, Ашкенази говорит, что их писал восьмидесятилетний, наполовину потерявший рассудок старик. Имея на руках копию записок, он не опубликовал их, хотя об этом его и просили (Болеслав Лимановский и другие) и даже представился случай в 1937 г., к 150-летию со дня рождения Лукасинского. Здесь, скорее всего, вступали в силу какие-то подсознательные комплексы. Фрейдистские комплексы порой обнаруживаются и у великих историков по отношению к их любимым героям.

Через сорок лет после Ашкенази вторым поляком, державшим в руках оригинал записок Лукасинского, стал ученик Вацлава Токажа историк Рафал Гербер, которого судьба во время войны забросила в Советский Союз. Огромная заслуга Гербера в том, что он познакомил с этими записками польскую общественность. И хотя ему и издательству можно предъявить кое-какие упреки (отсутствие указателя, примечания могли бы быть подробнее, до смешного мал тираж — 2000 экземпляров), следует искренне поблагодарить проф. Гербера за то, что почти через сто лет после написания записок Лукасинским мы наконец получили полный их текст.

1961

twórczość

Юзеф Чапский **Перевод Святослава Свяцкого**

КАК ЖИТЬ?

Отрывок из статьи

Все мы знаем Валериана Лукасинского, основавшего в 1821 году тайное Патриотическое общество. Ни одна публикация по истории Польши XIX века без его судьбы обойтись не может, но, как это обычно происходит, факты и слова, чересчур часто повторяемые, понемногу мертвеют. Мы знаем факты, но наше воображение за ними не поспевает.

Лукасинский как преступник из преступников провел сорок лет в тюрьме, из которых тридцать — в подземных казематах Шлиссельбургской крепости, под нависающими гранитными сводами, полностью отрезанный от мира и людей, ибо даже охранявшим его солдатам было строжайше запрещено с ним разговаривать. Пищу подавали ему в молчании. В духовнике, о котором он многократно просил, ему отказали. Со временем все даже забыли, кто он, этот опасный преступник. Много лет спустя после его ареста сестра Лукасинского обратилась с прошением к царю, не пожелает ли он сообщить ей, жив ли ее брат, молиться ли ей за него как за живого или как за умершего. На прошении написано: «Оставить без ответа». Лишь в марте 1862 г. к Лукасинскому допустили исповедника. В сентябре 1863 г. старец начал писать свои записки. Он умер 17 февраля 1868 года.

В книге, о которой я пишу («Любите врагов своих»), помещено его завещание, которое сегодня каждый может легко прочитать. Вот его фрагмент:

«С 1815 до 1863 года минуло уже сорок восемь лет, то есть почти полвека. Три поколения прошли, а четвертое начало свой путь. Каждое поколение передавало последующему страдание, слезы и скорбь, а вместе с ними проклятия, ненависть и жажду мести. (...) Я не жилец уже на этом свете. Свободный от страха и надежды, а заодно и от предрассудков, предубеждений и страсти, почти не связанный с действительностью, я живу лишь в прошлом. Прошлое — мой рубеж, с которого я готовлюсь уйти в далекий путь к неведомым краям будущего. В таком настроении я надеюсь вскоре предстать перед престолом Всевышнего и предъявить обвинительный акт против несправедливости и тирании, а просить буду не кары, не мести и даже не суровой справедливости, лишь только отеческого наставления виновным, утешения и облегчения страждущим и, наконец, согласия, мира и благословения обоим народам, ибо они соседи и не будет им дано насладиться благополучием, если сохранят прежнюю ненависть и станут взаимно вредить друг другу.

Мой голос слабее гласа вопиющего в пустыне, его не услышит ни одно живое существо».

Лукасинский после борьбы за Польшу, после десятилетий неволи, тюрем и подземелий достиг вершины «любви к врагам своим». Но как сегодня, вчитываясь в его завещание, жить в стране, где попраны свобода и право, где правит ненавистная партия, а маленький человек в черных очках сумел развернуть целую армию полиции, которая душит и топчет страну, избивает и убивает в тюрьмах и на улицах мужчин, женщин, даже детей?

Как приблизиться, как дорасти до такого всепрощения? Пассивным подчинением или борьбой? И в этой борьбе в защиту свободы не забывать ни на мгновение о тех лучших, кто полностью отдался сражению, возродил в нас надежду, свободное дыхание и свободную мысль, сотворил новую национальную солидарность, помнить о тех, кто сегодня за это брошен за решетку как преступник, о тех, кто уже ныне принадлежит к золотой легенде нашей истории.

Как мы, как каждый из нас может достичь того высочайшего уровня всепрощения, которое стало содержанием и сущностью этой великой книги? Как жить?

Да будет мне позволено вспомнить тут мое давнее прошлое. Мне было около двадцати лет, когда, будучи в России, я открыл для себя Толстого и его теорию непротивления злу насилием, ставшую для меня тогда открытием и Евангелием. Для меня и нескольких самых близких мне людей это было больше,

чем грезы юности, это было откровением, как следует двигаться дальше. Война близилась к концу, и горы трупов отделяли фронты от фронтов. В России разразилась революция. Может быть, эта война в самом деле последняя? Может, наступит братство?

Возникла Польша. Еще без границ, возникла в едином порыве к свободе, от Восточного корпуса в России, от войны за Львов до восстания в Силезии. Трудно себе сегодня представить, чем был тот всеобщий порыв.

Можно только сравнить его с порывом «Солидарности». Сам я пребывал тогда в полном душевном разладе. Моя толстовская вера не позволяла мне участвовать в этом порыве, куда тянуло меня всем сердцем. Обратился я тогда с просьбой к мудрому христианину, чтобы он просветил меня в моем разладе с самим собой, — это был Дмитрий Мережковский. Выслушав меня, он рассказал мне русскую притчу, которую я так хорошо помню, будто сегодня ее услышал.

«Шел к небу странник широким трактом, полным густой грязи. Шел по обочине дороги, чтобы своего белоснежного одеяния не запачкать. В это же время по середине дороги мужик вез в телеге убогий свой скарб, пока в глубокой грязи не сломалось у него колесо. Позвал он странника, попросил помощи, но тот ответил, что помочь ему не сможет, потому что не должен пачкать в грязи свое белоснежное одеяние. За ним шел другой странник, который, увидев разбитую телегу и мужика в беде, забыл о своих белоснежных одеждах, вошел в грязь по пояс и мужика с телегой спас. Оба странника добрались до ворот рая. Святой Петр-ключник первого странника без труда впустил, ведь его одеяние было белоснежным, но второго, выпачканного по пояс, как же ему впустить?

Проводил его на суд к Богу. Господь взглянул на обоих странников и обоих велел пустить на небо; первого он впустил потому, что у него было белоснежные одежды, сказав: «Пусть почитается имя его раз в четыре года в високосный день». Потом глянул Бог на странника в забрызганной грязью одежде и рек: «Ты также попадешь на небо, потому что, увидев человека в нужде, ты забыл о своих белых одеждах. Так вот за это станешь ты святым, и Церковь моя станет величать тебя три раза в год»».

Эта притча изменила мою жизнь. Итак, не пассивность будет отныне моим уделом, а борьба?

Едва возвратившись в Польшу, я тут же вернулся в армию и имел честь принять активное участие во всеобщем движении Польши к свободе.

С большой робостью пересказываю я здесь эту легенду, которая повлияла на всю мою жизнь и помогла мне найти себя в минуты тяжких сомнений.

Возможно, любовь всечеловеческая труднодоступна, но и она может стать защитой от злобы, лишь одной своей мыслью, вытканной из мечты. Реальная любовь есть всегда любовь активная и действенная, ее-то в нашем жестоком мире и должны мы взращивать. И через эту неустанную борьбу сможем мы достичь всечеловеческой любви, которая объемлет и врагов. Спасая этим и себя, и тех, кого, возможно, сможем спасти от них самих.

1983

KULTURA

Янина Кац

Перевод
Анатолия Ройтмана

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЛОД

Цвета темного апельсина небольшой этот плод
неумело чищу, как яблоко.
А голова кругом идет от любви.
С пальцев стекает сок.
Этот плод неделим. Весь в себе,
как переросшая слива. Без косточки.
Родом он откуда-то из Турции.
Не утоляет жажду.

Моя любовь носит краткое имя.
Два сладко-черных слога
с библейской родословной.
Обнажает в улыбке острые белые зубы
и грешную невинность. Нас заливает волна
нежности племенной.
Мать вожделения.

IN MEMORIAM

В годовщину смерти И.Г.

Уходит наше время,
Прах развеянный над Гангом
пролетает через Париж.
Родина исполняет обряд.
Наш великий сын.
Родом был из провинции.

Невинный волшебник
из Лаборатории обмана.
В пробирке
дьявол гордыни.

Помнишь наш смех?
Прежде чем ты стал собой?
Прежде чем врос в себя?

На щеке капля слезинки.
Выпиваю ее
за нашу молодость.
За твое
малое
величие.

Rys. Paulina Zielona

* * *

Чего не пережила,
до того не хочу дожить.
Должны вы меня простить,
возлюбленные воздуха,
несостоявшиеся друзья,
неузнанные родные,
непогребенные останки
молоденьких отцов
неродившихся детей.

Какой длинный список
лиц не приглашенных
на мое невеселье.

* * *

Мы умираем вдали друг от друга.
Ты первый.
Я медлю.

Кто написал мне эту жизнь
полную восклицательных
и вопросительных знаков?
Куда делся
шепот многоточий?
Рассудительность тире?
Сослагательное наклонение
как затянувшийся грипп?

И кто подавал мне
доносы на Бога?

В вековых картотеках
существую под девизом:
Я так сожалею.

* * *

После большой любви
— малая жалость

После большого предательства
— тишина.

В чужом городе
спрашиваю прохожего
про дорогу к твоей могиле.

ДЛЯ ТОГО ЛИ ОНА УМЕРЛА?..

Беседа с Яниной Кац, автором книги «Моя жизнь варвара»

— Вы начали писать поздно, притом по-датски, хотя в Данию приехали, когда вам уже было 30 лет. Как это произошло?

— Я была уже большая, мне было 52 года. Это свалилось на меня внезапно, в автобусе, в Копенгагене. Я ехала на работу в Королевскую библиотеку, автобус трясся, а я достала лист бумаги и написала три стишка по-датски. Вышла, пришла на работу и сказала своему приятелю-поляку, с которым сидела в одной комнате: «Слушай, со мной происходит что-то неладное».

— Неладное?

— Я думала, что сошла с ума.

Он прочитал то, что я написала, и сказал: «Знаешь, давай закроем дверь, а ты пиши дальше».

Так и случилось. Я сидела в состоянии какого-то амока. Потом то же самое дома. Помню, была пятница, а в субботу вечером нам предстояло идти на премьеру «Сапожников» Виткация в постановке Влодзимежа Хермана. К этому времени у меня уже был готов целый сборник.

Проснувшись утром, я мечтала только об одном — чтобы этих стихов не было, а все это оказалось дурным сном. Я перешла из спальни в комнату — но они там были.

Это называется poeticus raptus. Почему по-датски? Не знаю. К таким вещам следует относиться уважительно.

Янина Кац

— О чем были эти первые стихи в автобусе?

— О матери. Весь сборник называется «Дочь моей матери». Это было четыре с половиной года спустя после ее смерти от сердечного приступа, здесь, на улице в Копенгагене. Первое стихотворение в сборнике называется «Пришла пешком».

Моя мама Лёля прошла через четыре лагеря, англичане освободили ее в апреле 1945 г. в Берген-Бельзене, откуда она вернулась пешком, так как Польша не отправила транспортных средств за своими заключенными.

Она организовала группу женщин, возвращавшихся в Краков. В Чехословакии им удалось часть пути проехать поездом. Проводник сказал им, что в Кракове был погром, но они все равно вернулись.

Меня тогда укрывала польская супружеская чета в Добчицах.

— Не расскажете ли вы о родителях?

— О военных?

— Может, сначала о настоящих.

— Отца я не помню. Знаю о нем лишь то, что рассказывали уцелевшие друзья родителей. И мать. Спортсмен, один из первых горнолыжных инструкторов, байдарочник, по образованию юрист, а родом из бедной набожной семьи в Кракове.

Мой единственный двоюродный брат, девятью годами старше меня, называет моих родителей «дядюшка Томек» и «тетушка Лёля», что для меня всегда звучит экзотически. Ему случалось видеть отца на байдарке с собакой.

Отца застрелили в Плашовском лагере. Есть две версии — почему.

Мать рассказывала, что у отца была группа рабочих — лагерь тогда был еще открытым, выходили на работу. Однажды, когда не все оказались на месте, на поверке стали вычитывать фамилии, от отца потребовали назвать фамилии, он отказывался...

Вы знаете, я столького не знаю, это ужасно, теряюсь в деталях. У меня есть друзья, которые занимаются Катастрофой, они всё знают — выкликали по фамилиям или как-то иначе. Во всяком случае рабочие удрали, и отца застрелили.

— А вторая версия?

— У нее такой же финал.

Быть может, отец был Ordnungdienst, по-нашему капо, в Плашове, — тогда рядом было еще гетто и можно было получать пропуска к семьям. Отец был слишком щедрым в их выдаче, и за это его застрелили.

Правду говоря, мне все равно, я этого мифического отца — которого не знаю, но у меня есть его фотография — обожаю. Люблю его до безумия. Думаю, что жизнь моей матери и моя сложились бы совершенно иначе, если бы он был жив.

— А мама?

— Лёля была родом из богатой семьи. В родном доме, а потом в замужестве ее избаловали. У нее были друзья, с которыми она вела приятную жизнь, играли в теннис, занимались греблей. И вдруг все рухнуло. Она отличалась необыкновенной энергией. Вернулась из лагеря, принялась за работу, воспитывала меня так хорошо, как умела, хотя я сопротивлялась. Я была отвратительным ребенком.

— Уж прямо так?

— Да. Наверное потому, что мне было три года, когда меня отдали укрываться.

— Вы что-то помните?

— Мое первое воспоминание — как я сижу в автобусе с моим военным отцом Стефаном Капланским после выхода из Плашовского лагеря и что этот автобус красный.

Я знаю, что перед этим мы с матерью были в Бежановском лагере и однажды пришел знакомый матери, еврей Якубович, который укрывался, как тогда говорили, в бункере. Я представляла себе какое-то большое бетонное помещение, а это была яма в земле, прикрытая травой, в лесу неподалеку от Добчиц, на берегу Рабы.

Однажды, придя в лагерь, он сказал, что есть семья, которая охотно взяла бы меня. И прибавил, что мужчину партизаны приговорили к смерти.

— Странно.

— Как многое другое. Может, укрывая меня, он сам рассчитывал уберечься.

Мать согласилась, так как альтернатива для ребенка в лагере была ясной.

Капланский по профессии был кондитером. Потом я узнала также, что он был силачом, владел в Добчицах магазином скобяных изделий; у него были штанги, и он показывал цирковые номера, например умел гнуть руками железо, — кажется, когда-то он был циркачом.

— Я помню сцену из вашей книги, когда девочка выходит с иконой Богоматери к мужчинам, которые пришли за отцом.

— Это случилось на самом деле, когда за ним пришли впервые. Я была уверена, что икона отпугнет их, кем бы они ни были. И она действительно подействовала, на какое-то время они ушли. С этого момента, однако, начался великий страх.

Раньше мне было там очень хорошо, я жила в роскошных условиях, прекрасно одетая, причесанная, накормленная, даже слишком толстая — конечно, до смерти Капланского, когда начался голод и я превратилась в скелет.

— В чем там было дело с этим приговором?

Здесь тоже есть две версии. По одной, он помогал, а по второй — выдавал. То ли переправлял евреев через Словакию в Венгрию, то ли брал у них деньги, а потом выдавал. Как в голову придет.

АК приговорила его.

Поскольку появилась я, приговор должны были привести в исполнение, только когда я буду в безопасности.

Неизвестно, АК его убила или так называемые дикие партизаны, молодежь из окрестных деревень, выдававшая себя за аковцев и грабившая дома. Факт, что убили его в конце войны: помню, нельзя было уснуть от грохота приближающейся советской армии, небо ночью было красное. После его смерти они вернулись и подчистую нас ограбили.

Когда я после 21 года отсутствия впервые приехала в Польшу, я отправилась в Добчице. Там встретила двух крестьян, сказала им, кто я, упомянула фамилию Капланский — что он, кажется, был коллаборационистом. На что эти двое ответили приступом смеха: «Коллаборационистом? Помилуйте, да он был еврей. Какой Капланский? Его звали Каплан, типично еврейская фамилия».

Я не слишком в это верю.

Мать говорила мне, что если бы после войны его судили за коллаборационизм, то она бы его защищала.

— А вы?

— А я бы на таком процессе сошла с ума. Мария, Стефан — мои военные родители — и мой настоящий отец стоят для меня на самом высоком пьедестале. Я могу на них молиться, независимо от того, что они делали и кем были.

— В книге вы размышляете о своем статусе. Фотографии, которые вы описываете в книге, а теперь мне показываете, выглядят как картинки нормального детства: днем, перед домом, на лошади, в купальнике, с родителями, с куклой — улыбающаяся, ухоженная девочка. Скрывали ли вас вообще?

— Помню, что мне следовало сидеть дома. Лишь однажды меня отлупили — когда я вышла в сад и стала звать других детей, хотела им показать ангелов, которых увидела на дереве.

Ксендз меня крестил, меня научили всем молитвам, что было обязанностью всех, кто укрывал еврейских детей.

В саду стояла фигура Фатимской Матери Божией, я увешала ее цветочками. Я была в нее влюблена.

— Вы знали, что Мария и Стефан — не настоящие ваши родители?

— Кажется, когда меня привезли в Добчице, на меня нападали приступы ярости и плача, я кричала, что хочу к Леле. Потом я успокоилась, забылась. Мария и Стефан стали для меня родителями.

В какой-то момент Мария сказала мне, что у меня другая мать. Кроме того крестьяне, жившие по соседству, пугали меня, что приедет ужасная еврейка, которая меня украдет, заберет с собой.

Приезд Лёли на самом деле оказался шоком и трагедией. Я так удачно спряталась в капусте, что она уехала ни с чем. Во второй раз меня забрали силой. Это я как раз помню — я била ногами, плевалась, орала.

Мария потом целый год была с нами в Кракове. Не помню, жила она с нами или где-то ютилась, но была. Она не могла расстаться со мной. И я с ней тоже.

— Отцы убиты, живут две матери и маленькая девочка. В чем состояла такая конфигурация, как она функционировала?

— Маленькая разъяренная девочка, которая Марии говорила «мама», а к Лёле, настоящей матери, обращалась — «пани».

Это вообще не функционировало. Через год Лёля попросила Марию уехать, потому что ситуация была невыносимая. Понятия не имею, когда она уехала, помню только, что сначала она была, а потом не было.

— Вы тосковали?

— Спрашиваете! Я мстила Лёле, издевалась над ней самыми разными коварными способами. Кроме того, я все время ходила в костел, мать ожидала меня перед костелом порой по нескольку часов.

— Что вы там делали?

— Как что? Молилась.

Я устроила матери маленький концлагерь, и это продолжалось, пока она меня не поколотила, причем так, что я потеряла сознание. У меня и в самом деле, должно быть, был отвратительный характер: стоило мне прийти в себя, как я стала называть ее «мамуся».

— Почему это произошло?

— Продавец на рынке увидел ее лагерный номер из Освенцима, подвернул рукав рубашки и показал свой, они обнялись, стали плакать, мать получила от него огромный букет цветов.

Я сказала матери, что совершенно не понимаю, почему этот пан вас обнял и вручил вам эти цветы. Тогда она взорвалась. Жаль, что не раньше.

— Я помню ваши слова о том, что можно не состояться в роли дочери. Обычно думают наоборот, обвиняют родителей.

— Я в роли дочери провалилась.

— О чем вы сожалеете?

— Обо всем.

— А что с Марией, военной матерью?

— Ее я никогда уже больше не видела. Началась школа, подружки, вещи хорошие и плохие. Я занималась спортом: бегала, плавала, играла в волейбол, гандбол, занималась почти всем, кроме — стыдно признаться — лыж.

Я рано стала играть в политику, была пионеркой, потом вступила в Союз польской молодежи [польский комсомол], и все время ходила в костел — у меня была интенсивная жизнь.

На самом деле я стала напряженно думать о Марии, когда решилась уезжать из Польши. Тогда я решила поехать в Добчице. Мне надо было сделать пересадку в Гдове, я вышла, застряла в грязи и вдруг осознала, что уже слишком поздно. Приеду, выходит, и скажу: не было меня там столько лет, а вот теперь я уезжаю, до свиданья. И я вернулась в Краков.

Добралась я туда только 21 год спустя, когда впервые приехала из Дании в Польшу, — Марии уже не было в живых. Мать, кажется, с ней общалась.

Не будем все время говорить о грустном?

— Католичка, еврейка, пионерка, как это все не перемешалось? В стихотворении «Что знал ребенок» вы пишете о двух ореолах, о многих богах. Кем вы, собственно, были?

— Страстной еврейской девочкой, которую всё интересовало. Евангелие, социализм, то, что я еврейка, принимая во внимание, что Иисус тоже еврей, — всё это укладывалось у меня в одно гармоническое целое.

Во второй раз меня крестили, потому что документ пропал, а я обязательно хотела принять первое причастие, приняла и миропомазание.

Моя подруга в Париже напомнила мне — подруги существуют для того, чтобы помнить, — что мы опоздали тогда в костел францисканцев. Обряд миропомазания совершал Кароль Войтыла, который так на нас рассердился и так крепко рисовал знак креста, что у нас даже оставались следы на лбу. Ханя говорит, что чуть ли не кровь из нас лилась.

Моя вера продержалась до 14-го года жизни, тогда я в последний раз была на исповеди.

Спустя годы я была недовольна Лелей за то, что она разрешила мне этот религиозный цирк.

— Мать была религиозна?

— Нет. Но помню, как она сказала: «Можешь верить во что хочешь и просиживать в костеле сколько хочешь, лишь бы помнила, что ты еврейка». И я помнила. Это было вне всякого сомнения.

— В каких категориях вы видите и объясняете мир?

— Причины, следствия и случайности. Случайность — на первом месте.

— Вы уехали в 1969 году. Коснулся ли антисемитизм вас лично?

— Он не коснулся меня со стороны близких друзей, но со стороны более далеких хороших знакомых — уже да, со мной просто перестали здороваться на улице.

Я помню антисемитские настроения сразу после войны. Мой любимый Краков, который пережил войну целехоньким — разве что два дома по случайности подверглись бомбардировке, — оказался вредным. Помню неприязненные вопросы типа: «А как же ты, девка, выжила? Как тебе удалось?»

Но потом я не чувствовала антисемитизма. Я изучала польскую филологию и социологию, ездила по деревням, заколоченным досками, и там тоже этого не чувствовалось. Это внезапно пришло сверху и стало распространяться в массах. И это было ужасно. Словно какой-то шприц, отвратительный, огромный укол. Это вызвало у меня наибольшее омерзение.

В университете на дверь кабинета профессора Генрика Маркевича кто-то постоянно наклеивал листок с надписью «Маркевич — еврей». В «Жиче литерацком», с которым я сотрудничала, появлялись статьи о том, что евреи — и называли фамилии друзей моей мамы — сотрудничали с гестапо. А ежедневная пресса — это был просто «Штюрмер».

Потом был март 68-го со всеми этими лозунгами типа «Сионисты — в Сиам». Я была аспиранткой в университете, вела группу студентов, однажды они спросили, что такое «сионист», это был вопрос в самую точку. Недоброе было время. Да еще органы меня постоянно шантажировали.

Я уезжала с большой неохотой, в том числе и по личным причинам, покидала друзей, Краков.

Я бежала от польского антисемитизма, от социализма — моя политическая активность закончилась, когда мне было 16 лет, — и от общей с матерью комнаты.

— Почему вы выбрали Данию?

— Тут мне придется кое-что украсть у Мрожека. Датский журналист поехал к Мрожеку в Париж, когда он там жил, и спросил: «Почему вы в Париже?». Мрожек ответил еврейской шуткой: «Приходит Ицик домой, Сара открывает дверь слегка растрепанная, Ицик идет в спальню, открывает шкаф, а там стоит его лучший друг Давид. — Давид, что ты делаешь в моем шкафу? — спрашивает Ицик. А друг отвечает: — Видишь ли, Ицик, где-то же надо человеку быть».

Вначале я жила на пособие, потом получила аспирантскую стипендию, начала писать для «Свободной Европы», для парижской «Культуры». Гонорары были такие маленькие, что я стыдилась носить чеки в банк. Я стала переводить польскую поэзию. Это были мучительные годы — билась, чтобы иметь здесь что делать.

Я получила место в Королевской библиотеке, где провела 13 лет. Это был самый трудный период моей жизни.

— Ваши книги получили в Дании много премий. Каков психический контакт датчан с Катастрофой, с эмиграцией, которая сюда приехала, ощущают ли они это вообще своей темой? Дания сотрудничала с Германией.

— Дания спасла своих евреев. В октябре 1943 г. шесть тысяч евреев были отправлены на катерах в Швецию. Это не было особо опасным предприятием, так как немцы смотрели на это сквозь пальцы, но все-таки несколько лодок с людьми — и с рыбаками, которые их перевозили, — затонули.

— В том, что я могла прочитать благодаря вашей переводчице Богуславе Соханской, не чувствуется горечи, обиды на Польшу, нет зацикливания на антисемитизме.

— Меня спасла польская семья. Не только меня.

Я считаю, что в Польше следовало бы поставить памятник польской прислуге. Она лучше всех знала евреев, жила в еврейских семьях, обладала любовью, теплом, привязанностью и потом спасала еврейских детей. Это были простые женщины из бедных деревень и фанатичные католички.

Кухарка моих дедушки и бабушки спасла Басю Корнгольд, девочку моего возраста. Мой дядя пригласил потом эту женщину в Израиль, у нее есть теперь деревце, посаженное в «Яд-Вашем», она получила орден.

— В стихотворении «Предательство» вы пишете: «Именно совокуплялась с чем-то совсем чужим. С варварскими звуками». Пронзительны и ваши «Добрые советы бездетным».

— Скорее циничны.

Стихотворение говорит о том, как следует устраиваться в жизни тем, у кого нет детей. Как мобилизовать окружающих людей, чтобы они заменили детей, которым полагалось заботиться о нас в старости.

Сама я очень поздно стала жалеть, что у меня нет детей, причем по причинам историческим, оттого, что столько нас погибло.

Почему у меня не было детей? Потому что слишком долго сама я была ребенком. Плохим, но ребенком. Пока не перерезана пуповина, человек боится, что ею зарастет всё, вместе с собственными детьми, и не будет этому конца.

Я, однако, настолько практична, что у меня в собственности частично есть ребенок: у меня есть маленький Давид — «крестник», а скорее «обрезанец».

Я ничего не могу ему дать, поэтому обещала, что буду его любить и научу плавать. Ну и завещала ему мою квартиру. Поэтому я уже не могу из Дании уехать, ибо это был единственный мой капитал.

Впрочем, уезжать уже слишком поздно.

— Поздно куда? В Польшу? В Израиль?

— Израиль появился в моей жизни только в 1972 г., когда я поехала туда впервые, к моему будущему мужу, новозеландцу, который тогда еще не был мужем. Он влюбился в меня, потому что, как он сказал, я была одной из немногих, кто знал, что Новая Зеландия — это не Австралия.

В течение года он работал в кибуце, выучил иврит, не был евреем.

Мы были в Тель-Авиве или в Иерусалиме, и вдруг в туалете на автобусной станции я увидела, как тамошняя уборщица нарезает бумагу на куски. И внезапно я страшно затосковала по Польше: так было в Польше в лучших кофейнях. Внезапно я почувствовала себя дома. И впервые подумала, что Израиль мог бы быть моим домом.

— Почему слишком поздно для перемен?

— В Дании у меня устойчивая жизнь, я начала писать, печататься. Кроме того, Дания на самом деле много мне дала. И что? Вдруг я собираю манатки и сматываюсь, потому что там теплей и сердце тянет. Я испытываю постоянное чувство неоплатного долга по отношению к Дании.

Впрочем, по отношению к Польше тоже. Там я получила образование, там начала жить взрослой жизнью, работать. Когда в Дании я стала переводить, тоже резала купоны от жизни в Польше.

Здесь неоплатный долг, там неоплатный долг, и что — ехать под видом более или менее богатой пенсионерки?

Я уже ничего не могла бы дать этой стране. Просто ничего.

Единственное, что в данный момент я могу дать Израилю или Польше, — собрать немного денег и потратить их там. Я же не стану солдатом в Израиле.

У меня избыток богатства — целых три страны: Польша, Дания, Израиль. Порой это становится довольно обременительным. Когда в Польше трудно — я страдаю; когда датский флаг сжигают в арабских странах, потому что кто-то нарисовал пророка с бомбой в тюрбане, — меня это оскорбляет; а в Израиле все время что-то происходит — и мое сердце обливается кровью.

— В чем проявляется ваше еврейство, в религии?

— У Франца Кафки есть определение «набожная атеистка». Оно ко мне подходит. Я верю в обряды, в форму.

Моя жизнь была бы куда легче, будь я верующей. Человек приближается к концу, и приятно было бы иметь уверенность в том, что там еще что-то есть. К сожалению, в иудаизме этого нет. Говорится, что когда-то там мы предстанем перед лицом Господа, но предстанем — и что дальше? Сядем? Не знаю. Это не описано.

Приятно было бы знать, что встретишь тех, кого ты обидел, что попросишь у них прощения.

Моя мама, с которой мы раз в год ходили в синагогу на молитву за умерших и постились, наверно представляла себе небо как кафе.

— Почему?

— Потому что любила ходить в кафе. Она была очень компанейской.

В Кракове мы всегда украшали елку, праздновали Рождественский сочельник, еврейские знакомые убегали от своих родителей и приходили к нам, на столе всегда была вкусная еда.

Потом она приезжала ко мне в Копенгаген на праздники, и тоже всегда была елка. Пока я не решила, что хватит, мне исполнилось 40 лет, и, может, не обязательно двум еврейкам всю жизнь праздновать Рождество Христово.

Мама приехала и спрашивает: «А где елка?» Отвечаю, что нет и не будет. А она: «Как это? Но сочельник будет?»

Пришлось пообещать ей, что будут другие приемы и встречи.

— Но Бог есть во многих ваших стихах. Помню «Размышления» о Христе на кресте... «Почему я согласился? Я же их не люблю (...) Может, мог бы выкреститься. Пусть другой меня спасет».

— Отец причинил Ему ужасную боль. Как можно так относиться к ребенку, еврейскому ребенку? Ужасно.

Нет, не всем можно пренебречь. По-моему, религию придумал человек, и неважно, были у него в генах какие-то метафизические склонности или нет. А все, что придумано, существует. Уже не так важно, существует ли Бог, но можно ли найти лучшего собеседника? Лучшего, чем кто-то, столь мощно придуманный в стольких религиях?

Поэтому я часто позволяю себе диалоги — я за Него пишу и ответы. Разумеется, если Он захочет что-то сказать.

— «Молитва», стихотворение о смерти матери, заканчивается так: «Что за способ отомстить: на улице умереть!»

— Я дала себе обещание, что, пока мать будет здорова, мы будем жить вдалеке друг от друга — только в случае болезни я ее сюда привезу, но при одной этой мысли разверзалась пропасть.

Когда она упала здесь, на улице, она было здоровей меня, рядом проходила санитарка, но ничего сделать не удалось, сердце, стояла тяжелая зима 1987 года.

— Как заканчивается сборник «Дочь моей матери»?

— Размышлением над тем, что чувствовала мать в последний момент, о чем она думала.

Перед тем как она вышла, мы препирались, купить ей одну или две бутылки вина, — я хотела одну. Помнила ли она об этом? Что увидела перед самой смертью?

Я перевожу это сейчас для вас с датского, вживую.

Еще три предложения:

Теперь я пишу стихи. На датском. Для того ли она умерла?

Беседу вела Катажина Беляс

Богуслав Бакула

КИЕВ — ГОРОД МАСТЕРОВ

Предисловие к польскому изданию книги Мирона Петровского «Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова»

Киев как источник самосознания

В этой книге два героя: Михаил Булгаков и Мирон Петровский — писатель и его комментатор. Оба родом из Киева, города магического и в то же время метафизического, погруженного в историю и остро современного, при том меняющегося в молниеносном темпе. Знаменитый писатель Михаил Булгаков, родившись в Киеве и проведя в этом городе детство и юность, покинул его в результате неблагоприятного стечения исторических обстоятельств. В 1921 г., после странствий по охваченной революционным бурлением России, он оказался в своего рода изгнании в Москве, где и умер в 1940 году. В Москве написаны главные литературные произведения Булгакова. Однако киевский этап жизни не был изглажен из творчества мастера Михаила. Наоборот, он оказался периодом основополагающим, обретавшим вес каждый раз, когда писателю приходилось делать духовный, литературный, культурный выбор, — источником его художественного самосознания. Тем не менее среди огромного множества комментариев, посвященных творчеству Булгакова, значение Киева не было до сих пор оценено по достоинству. Сделал это только Мирон Петровский.

Михаил Булгаков — гимназист

Автор книги «Мастер и Город» родился в 1932 г. в Одессе, откуда через два года его семья переехала в Киев. Здесь он кончил школу и учился на русском отделении филфака Киевского университета. Во время учебы работал маляром, библиотекарем, журналистом. В текущей общественно-культурной жизни не участвовал. Как литературовед и науковед сотрудничал с Корнеем Чуковским. В 1966 г. вышли в свет его «Книга о Корнее Чуковском» (по-русски) и киноведческий труд «Музыкант экрана» (по-украински). После доноса о том, что он работает над «антисоветской книгой» о советской детской литературе, Мирон Петровский двадцать лет не мог печататься. Его труд «Книги нашего детства», предмет доноса, был напечатан только в 1986 г. на волне перестройки. В 1990 г. он выпустил «Городу и миру. Киевские очерки», а в 1997-м — «Русский романс на рубеже столетий». Однако в последние двадцать лет самым главным занятием Мирона Петровского стало творчество Булгакова. Он изучил его как мало кто, прошел вслед за писателем по всем его жизненным стезям, реконструировал состав его библиотеки, перелопатил прессу. Он погружался в биографию Булгакова, изучал ее исторические и духовные пространства. Результат этого увлечения «Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова», книга, выпущенная в 2001 г. в Киеве издательством «Дух и литера», которое известно изданием трудов видных европейских и украинских мыслителей. Научную деятельность Петровского характеризует отстраненность от модных направлений и течений. Ученый живет в стороне от повседневных литературных и политических споров. Мирон Петровский — независимый мыслитель, философ, глубоко преданный литературе, истории и своему городу, о духе которого он дает в том, что пишет, интереснейшее свидетельство.

Булгаков и мир

Книга «Мастер и Город» выходит [по-польски] в такой момент, когда на полках польских книжных магазинов трудно найти произведения Михаила Булгакова, за исключением его вершинного романа «Мастер и Маргарита». Эту книгу впервые издали у нас в 1969 г., еще покалеченную советской цезурой. Роман сразу завоевал сердца читателей, а по прошествии лет подлинной популярности вошел в школьные программы, что означает массовые тиражи и укоренение в польской культуре. Другие произведения, печатавшиеся меньшими тиражами, тоже нашли своих горячих поклонников. Несомненно, автор «Мастера и Маргариты», а до того — эпического романа «Белая гвардия» (впервые вышел по-польски в 1928 г. в переводе А.Лана) [далее автор статьи перечисляет ряд прозаических и драматических произведений Булгакова], стал у нас одним из самых читаемых прозаиков, предметом поклонения нескольких поколений читателей. И все-таки не всё, что написано Булгаковым, вышло в свет в Польше, а значит, еще есть возможность расширить круг преданных читателей Булгакова.

Зато трудно понять причины скудного состояния научных работ о таком популярном в нашей стране писателе. В принципе мы располагаем двумя монографиями: трудом «Проза Михаила Булгакова. К вопросам поэтики» Юстины Карась (Вроцлав—Варшава, 1981) и книгой Анджея Дравича «Мастер и дьявол. О Михаиле Булгакове» (1-е изд. Краков, 1987), по политическим причинам вышедшей с опозданием, о которой сам автор сказал, что не старался исчерпывающе описать сложные биографические вопросы, а также не дал полного анализа и истолкования наследия Булгакова. На фоне скудных достижений нашего отечественного литературоведения отлично документированная книга Мирона Петровского станет ценным дополнением к нашему состоянию булгаковедения.

Между тем во всем мире булгаковедение мощно разрастается. Начало серьезному изучению Булгакова положила Мариэтта Чудакова, биограф писателя, автор целого ряда книг и статей (...)*. Ценна также работа Лидии Яновской «Творческий путь Михаила Булгакова» (М., 1983). Вышло немало западноевропейских и американских биографий (...). В 2000 г. Нижнесилезское издательство выпустило во Вроцлаве книгу В.Ф.Шеллера «Михаил Булгаков» (Берлин, 2000) в переводе Барбары Коцовской. В том же году в Чехии издана работа Алены Моравковой «Крестный путь Михаила Булгакова». В принципе воображение литературоведов больше всего поразил апокрифический роман о московском Мастере и пророке Иешуа Га-Ноцри, но писали также об утопии у Булгакова, о его эстетике гротеска (...). Если к этому прибавить книгу Бориса Соколова «Три жизни Михаила Булгакова» (М., 1977), а также его спорную, но популярную «Булгаковскую энциклопедию» (М., 1996), вышедшую в Польше под заглавием «Михаил Булгаков. Лексикон жизни и творчества» (перевод коллективный), а также написанную Виктором Пелевиным биографию «Дописать раньше, чем умереть» (М., 2001), то окажется, что с этой стороны любителя Булгакова ждет основательное чтение. Состояние булгаковедения само по себе постепенно становится научной проблемой. В целом все-таки кажется, что большинство литературоведческих трудов сосредотачивается на отдельных вопросах творчества Булгакова или изолирует эстетические вопросы от биографии писателя. Толкователям, по-видимому, не хватает одного ключа к сложному, многожанровому и многообразному творчеству, где в особенности проза как будто не составляет единого целого. Как стремится показать автор книги «Мастер и Город», это отсутствие целостности мнимо.

* Здесь и далее мы опускаем большинство приводимых автором статьи библиографических данных. — *Пер.*

Булгаков и Украина

Михаила Булгакова, писателя всемирного значения, не рассматривают как предмет особой привлекательности в его родном городе — Киеве. Там его считают московским писателем. Киев, столица Украины, политический, экономический и культурный центр нововозникшего государства, нуждается сегодня в символе независимости, украинского патриотизма. Ни самого Булгакова лично, ни его творчество (особенно раннее) никак не зачислишь в то, что к этому близко. В романе «Белая гвардия» и особенно в его сценической переделке, «Днях Турбиных», откровенно обнаруживается неприязнь автора к украинским движениям за независимость 1917-1920 гг. Поэтому трудно удивляться, что сегодняшняя элита украинской культуры относится к Булгакову по меньшей мере прохладно. Однако его не забыл любящий хорошую литературу украинский читатель. Вот парадокс, и не единственный, в запутанном мире культур, освобождающихся из-под груза русификации и совковости. Могло ли появиться другое решение? Чтобы провести довольно отдаленную аналогию, вспомним личность и творчество Франца Кафки и глубокую связь этого писателя с Прагой как миром культуры, формой особого мифа. Кафка не знал хорошо чешского, к чехословацкой независимости относился с недоверием, новые границы ему мешали, так как у него было множество родных и друзей в Германии и Австрии. Однако публично по этим вопросам Кафка не высказывался, поэтому и сегодня он остается почти эмблемой Праги, особым предметом ее привлекательности. Портрет писателя стал частью культурного и торгового облика современной столицы Чехии. А мог бы Булгаков сыграть ту же роль в сегодняшнем Киеве? Стать киевским символом, по крайней мере в европейском масштабе? Теоретически — да, при условии, что хозяева-киевляне простили бы писателю отчужденность от украинской идеи в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных», обратив внимание на непростые проблемы жителей Киева и всей Украины того времени, и пожелали увидеть в нем величайшего по сей день творца киевского мифа. Творчество Булгакова не относится к украинской литературе sensu stricto, но принадлежит к богатой культуре Украины, к историческому и духовному миру ее столицы. Мирон Петровский пишет об этом в своей книге в высшей степени ясно. Мастерски.

Город — основополагающий миф Булгакова

Прослеживая творчество Булгакова в контексте биографии и окружающих ее исторических и культурных событий, Петровский выдвигает на первый план образ города, который преображается в миф. По мнению Петровского, Киев — это матрица, миф, клише, образец, путеводитель по творчеству Булгакова. Киев — повсюду. Заметим, не Украина, как у Шевченко и его литературных наследников, не Россия, как у другого киевлянина Виктора Некрасова, — но Киев, город с его традициями, локальной мифологией, градостроительной структурой, прежде же всего — культурой, бурно развивавшейся на глазах у молодого Булгакова. Петровский не определяет эту культуру как русскую или украинскую. Говоря о культуре города, он стремится извлечь творчество писателя из бездны споров о происхождении, патриотизме, о литературе на национально-политической подкладке. Он показывает универсальность творчества Булгакова, вытекающую из универсальности киевского исторического опыта.

Самое, следовательно, важное для писателя место с характерной для него сложностью мифологизированного мира — Город: «Тот культурный идеал, на который ориентированы «Грядущие перспективы», представлен главным образом или даже исключительно как идеал городской культуры, то есть, строго говоря, если вспомнить исконные значения слов, цивилизационный, урбанистический идеал». Булгаковский Киев-город не принимает участия в традиционном споре русской литературы: Достоевский, Гоголь, Белый, Маяковский против Тургенева, Чехова, Толстого, Бунина, — то есть в споре о литературной важности топоса города или деревни. Он выступает не как соперник в отношении деревни, как сила, ее исключающая, а как посредник между центром и провинцией. Киев-город становится новым качеством: он одновременно и центр, и периферия, мир, видимый горизонтально (предместья, окраины), и мир, наблюдаемый вертикально (город, центр), он — улица и храм, поле битвы и театр.

Литературоведческая и культуроведческая «урбаномия» — сейчас одно из самых бурно расцветающих научных направлений. Своей книгой М.Петровский внес в нее ценный вклад. Но не он один. Следует вспомнить труды В.Н.Топорова о «петербургском тексте» (собранные теперь в книгу «Петербургский текст русской литературы», СПб, 2003), работы о «московском тексте», «пражском тексте». Кстати, киевский и московский «тексты» ведут между собой в творчестве Булгакова необычайно интересный диалог, выявляя любопытные аспекты культуры империи.

Киев как «гнездо культуры»

Ценность книги Петровского состоит в том, что автор глубоко показал взаимоотношения, связывающие воедино три элемента: биографию — творчество — город. Культура Киева, важные исторические акценты, образы, запомнившиеся с детства и молодости, религиозные переживания, культурные события, наконец, ужасающий опыт падения города под ударами накатывающих волн войны и революции — всё это неустанно пробивается в творчестве автора «Белой гвардии». «Родной город Булгакова был онтологической столицей его мира и творчества», — утверждает Петровский. Тем самым ученый отодвигает на второй план Москву, до сих пор считавшуюся самым важным городом у Булгакова. Как Париж у Бальзака, Петербург у Андрея Белого и Прага у Кафки, в творчестве которых эти города становятся моделями мира, содержащими в себе типологию их творчества, — так у Булгакова Киев оказывается таким первообразом, почти исходной точкой и моделью творчества.

«Киев у Булгакова не в изображениях родного города, не в названиях киевских реалий, вообще не в «теме», — он в самой структуре мышления писателя, в типологии его творчества. Предстоит ли художнику-живописцу нарисовать портрет, написать пейзаж или построить жанровое полотно — он все равно окунает кисти в свою палитру, — так Булгаков окунает свои кисти в Киев, что бы ни предстояло ему изобразить. Его модель мира была киевоцентричной. Он, если можно так выразиться, мыслил Киевом. Киев был для него своего рода матрицей, на основе которой воссоздавались другие булгаковские Города. Брался отвлеченный от Киева образ Города и на него накладывались дополнительные цвета и оттенки Иерусалима, Рима, Москвы, Константинополя, извлеченные из Киева же», — пишет Петровский.

Чтобы упрочить свой анализ, автор обращается к теории «гнезда культуры» Николая Пиксанова. Некогда к ней обращались тартуские семиотики в работах о городе (Семиология города и городской культуры. «Труды по знаковым системам», XVIII. Тарту, 1984). Киев — это просто образцовый пример молниеносного развития локальной градостроительной структуры на рубеже XIX-XX веков. Этот необычайно быстрый, вызванный растущей зажиточностью и эманирующей вовне культурой переход от статуса периферийного города к статусу центрального города, соперничающего с традиционными центрами — Москвой и Петербургом, — сильно повлиял на формирование специфического типа киевской культуры, представителем которой следует считать Михаила Булгакова. Из этого периода «родом» многие выдающиеся киевляне: Н.Бердяев, Л.Шестов, А.Куприн, В.Некрасов. Многонациональная культура этого города театров, кабаре, журналов, замечательного университета, связанная с культурными и политическими движениями, в том числе освободительными украинскими, польскими, еврейскими, — эта культура рухнула под напором большевистской революции. Булгаков, по мнению Петровского, — один из ностальгических певцов добольшевистской культуры, чего не заслоняет попытка вступить в диалог с тираном в пьесе «Батум», вдобавок неудачная.

Для московских литераторов Булгаков в период своего «изгнания» всегда был «литератором из Киева». В приводимой Петровским формулировке превосходства по отношению к пришельцу из провинции таилась глубокая, хотя заведомо не предвиденная столичными писателями мысль: «идея Киева» в личности и творчестве Михаила Булгакова содержала неразрывное противоречие между универсальным значением города и его провинциальным статусом, и это определило новаторский характер творчества писателя.

Булгаковские темы

Анализируя творчество Булгакова, Петровский указывает на вопросы поэтики его произведений в связи с опытным познанием культуры Города и опытным познанием истории. В системе явных и скрытых знаков видно, как формируются определенные линии деятельности и мышления, которым писатель будет верен на протяжении всего своего творческого пути. Итак, в мире булгаковского Города, по Петровскому: 1) развивается повествование о мастере и дьяволе, о создателе мифа и разоблачителе ложных мифов, об изобретателе, идеи которого не поняты и искажены; 2) мир явлен как театр, ибо писателю близки эстетические категории спектакля; 3) изображаемая действительность организуется вокруг топоса дома и пространства родимых окрестностей; 4) острие гротеска направлено против различных проявлений авторитаризма и тоталитаризма; 5) в сфере высших духовных ценностей у Булгакова обнаруживается августиновская модель христианской эсхатологии. И все это замкнуто в рамки структуры мира Киева, Киев — конец и начало, семиотическая рамка и экзистенциальный субстрат творчества Булгакова.

Следовательно, прежде всего — Мастер. Творчество Булгакова содержит различные типы и портреты мастеров. Это художники, ученые, изобретатели, фантасты, которые платят высокую цену за то, что стремятся к истине:

«...булгаковские мастера, каким бы частным ни было их приближение, как бы держат в руках будущее. Они, эти мастера, — обыкновенные люди, такие же, как все, со всеми человеческими слабостями, порой очень смешными или даже непростительными, и только талант, заставляющий их трудолюбиво устремляться к истине, отличает их от иных прочих, возвышает над окружением. Открытая ими истина превращает их в пророков — будет ли это истина о «лучах жизни», найденная профессором Персиковым, или истина о событиях двухтысячелетней давности, открывшаяся Мастеру, автору романа о Пилате».

Мастер-пророк борется со светским государством во имя ценности духа. Мастер полон милосердия и в то же время он повсюду чужой. Он прибывает, чтобы поведать истину — это его миссия. И как бы вопреки себе ему помогает в этом оппонент — Мефистофель.

«В каждом романе Булгакова есть свой Мефистофель». Дьявол, мудрец, шут-посредник: «...для понимания всего творчества Булгакова важно другое: типологически заданная в структуре произведения необходимость персонажа, творящего зло, которое порождает благо».

Следовательно, зло в чистом виде, лишенном милосердия, сострадания, понимания, у Булгакова не появляется. Его разоружает Мефистофелева самоирония, которая приводит к тому, что оно становится составным элементом сознательной теодицеи, основанной на попытке понять мудрость, признающей необходимость опытного познания зла и добра, а также понимания вытекающих отсюда сложностей в человеческом плане.

В литературном мире Булгакова, по мнению Петровского, важную типологическую роль играет театр. Киев — это город, влюбленный в сцены, садики, эстрады, кабаре. Как специфический мир-театр он оказывал немалое влияние на умы киевской интеллигенции разных вероисповеданий и национальностей. И на местную литературу. Сценичность многих произведений Булгакова, до глубины проникнутых киевской театральной культурой, быстро была подхвачена читателями и большим числом режиссеров. По всему миру давно уже катится волна постановок как пьес Булгакова, так и инсценировок его прозы. Петровский пишет: «Замечено, с какой легкостью проза Булгакова транспонируется для сцены. Так бывает легко «перевести обратно» на язык подлинника переводной текст. Эта легкость — свойство структуры: проза Булгакова осуществлена на грани драмы. Она словно уже была драмой в некоем своем предсуществовании».

Автор показывает, каким важным компонентом творчества Булгакова была европейская традиция. Связь с ней развивается в основном по двум главным путям: мысль творца идет путем литературных и исторических интертекстуальных отсылок и в то же время обнаруживает сильную связь с христианской идеей, в особенности с богословием Бл. Августина. Петровский приводит весьма убедительные доказательства того, что «Булгаков был воистину гениальным интерпретатором «чужих» и «общих» мест предшествовавшей ему литературы (...) Для Булгакова — художника «консервативного» типа, влюбленного в культуру и крайне озабоченного ее сохранностью, — пользование источниками как раз и было важной формой этой сохранности, продленности, передачи культурного наследия».

Эти источники, по мнению ученого, обладают двумя чертами: одни из них — общераспространенные и поэтому принадлежат почти к явлениям массовой литературы; другие так или иначе связаны с Киевом. В истолковании Петровского на первый план, разумеется, выходят киевские литературные традиции: творчество Александра Куприна, певца Киева, особенно рассказы «Каждое желание» («Звезда Соломона») и «Яма»; «Записки хромого Мефистофеля» Владимира Винниченко. Но без специфического обращения к творчеству Мольера, Шекспира, Гете, Пушкина, Сенкевича, утопистов и многих других европейских писателей Булгаков наверняка не был бы тем Булгаковым, которого так легко узнать.

Петровский идет по следам важного у Булгакова вдохновения Евангелием. Он приходит к выводу, что, кроме Евангелия, необычайно существенным источником взглядов писателя был трактат Бл. Августина «О граде Божием». Ученый доказательно показывает, что в творчестве Булгакова существует глубоко продуманный августиновский мотив борьбы царства духа с земным царством. Не следует упрощать эту проблему до известного вопроса отношений писателя со Сталиным, хотя драма «Батум» направляет внимание именно в эту сторону. Проблема шире. В рамках художественного

творения Булгаков стремился диагностировать суть тоталитаризма и место художника, Мастера, в системе, подавляющей любые свободы, навязывающей насилие, произвол, низкие инстинкты и отвергающей традиционные ценности культуры и нравственные критерии. Киев с его бурной жизнью, чувством артистической свободы был для Булгакова моделью мира, где эти традиционные ценности больше всего укоренялись, и к ним следовало постоянно возвращаться.

Заложенные в творчестве Булгакова глубокие христианские корни не приводят к религиозному обращению писателя. Как пишет Петровский, «булгаковский Бог стоит не только над церквами различных христианских исповеданий (что показано с сарказмом в «Киев-городе»), но даже над различием между верующими и безбожниками». Однако именно глубокое убеждение в неотторжимой ценности европейской культуры позволяет Булгакову отразить психологическую и художественную атаку революционного нигилизма, заложенного в творчестве большевистских писателей. Успешная художественная борьба писателя с лжемастерами, пророками большевистской культуры, тоже не была бы возможна без глубокого влияния духовности Европы, особенно духовности, вытекающей из христианских традиций.

Мистерия у Булгакова

Петровский подчеркивает в творчестве Булгакова значение зрелищ круга Страстной недели, прежде всего мистерии Страстей Господних. Он считает, что эти события Булгаков вписал во многие свои произведения, в частности в пьесу «Пушкин (Последние дни)», которая, по мнению Петровского, представляет собой мирской вариант мистической истории, основанной на евангельских мотивах. Находясь под влиянием глубоко переживаемой христианской культуры, писатель отвергал большевистскую культуру. В художественном плане Булгаков вел полемику с Маяковским, которая дополнительно разжигалась взаимной неприязнью обоих писателей.

«...богоборческой мистерии-буфф Маяковского противостоит богоискательская мистерия-буфф Булгакова. Разрушительному пародированию западноевропейской мистерии у Маяковского (...) противостоит наследование барочной мистериально-буффонадной «священной пародии» у Булгакова».

Полемика с Маяковским, лжепророком, в какой-то момент становится у писателя важным элементом художественного самосознания, и не только. Но типологически, подчеркивает Петровский, их творчество, опирающееся на противоположные ценности, сближено. Внешне это выглядело как борьба традиционалиста с большевиком. Между тем, утверждает Петровский, структурный тип «мистерии-буфф» Маяковского (кощунственной по существу, если вспомнить, что жанр мистерии относится к Страстям Господним) очень близок и Булгакову. Петровский говорит не о культурной ориентации и нравственных ценностях, а показывает взаимодействие элементов serio и buffo, sacrum и profanum, серьезности и гротеска в творчестве Булгакова: «Все булгаковские вещи — и прозаические, и собственно драматические, располагаются между двумя крайними точками — между мистерией и буффонадой — и поэтому легко поглощают все промежуточные виды выразительности».

У Булгакова это не означает приятия нигилистической точки зрения большевизма. Поэтому не Москва и не Петербург-Петроград-Ленинград составляли духовное пространство булгаковской мистерии-буфф:

«Главным текстом, сформировавшим мистериально-буффонадное жанровое мышление Булгакова, был его родной город. Причудливое сочетание в культуре города светского с церковным, мелко-бытового и вознесенно-бытийственного, повседневной суеты и духа вечности с детства пропитало будущего художника этого города. (...) Между сценой и алтарем, между театром и церковью, между духовной академией и ярмарочной площадью у ее стен, где родился и процвел «школьный» театр, между святой Печерской лаврой и проклятой Лысой горой, местом сборищ киевских ведьм».

Киев в христианской перспективе Булгакова — это одновременно Иерусалим и Рим, но с расположением киевских церквей и формой территории, с необычайно важным присутствием Андреевского спуска, места детства Булгакова. Иерусалим — утраченный город и город, куда идет пророк, хотя знает, что будет там распят. Петровский обращает внимание на булгаковскую эсхатологию. Это он, Булгаков, — пророк, это его осудят и распнут. И тогда Киев принимает топографию Иерусалима. Киевский текст становится по меньшей мере текстом метафизическим.

Польский след

Интересны показанные Петровским связи «Мастера и Маргариты» с «Камо грядеши?» Генрика Сенкевича. По его мнению, через Сенкевича Булгаков приходит к Петронию и его «Сатирикону», а также «сатириконской» традиции в русской культуре рубежа XIX-XX века. Автор доказывает, что киевляне читали роман Сенкевича одновременно с его польскими читателями. Роман печатался по-русски с продолжением в журнале «Жизнь и искусство». Петровский указывает на спор Булгакова с «Камо грядеши?» и в то же время на оказанное романом Сенкевича влияние: «Роман Сенкевича серьезно повлиял на формирование «римского» — составной части киевского — городского мифа Михаила Булгакова». Петровский доказал, что позднейший создатель «Мастера и Маргариты» не только хорошо знал «Камо грядеши?», но и что книга оказалась среди важнейших литературных произведений, формировавших представления Булгакова о временах первых христиан. Общий универсальный момент в обоих романах, момент духовного бунта и в то же время страдания, означающий торжество мира идей над действительностью тиранов, не только вписан в христианскую эсхатологию, но принадлежит к важнейшему опыту всех людей, столкнувшихся с насилием и тиранией. В каком-то смысле проза Булгакова освобождает из оков этой тирании, по крайней мере духовной. Именно в глубоко христианском духе этой прозы, далеком от гладких формулировок, корысти, ханжества или идеологии, тоже можно усматривать причину популярности «Мастера и Маргариты» у нас. Это мнение любопытным образом подсказывает и обосновывает книга М.Петровского.

Зато может удивить следующее замечание ученого: «Роман «Камо грядеши?» принес Сенкевичу мировую славу и был отмечен Нобелевской премией (1905), хотя сейчас уже нелегко понять причину столь громоносного успеха, сравнимого с триумфом «Мастера и Маргариты» количественно и, так сказать, «качественно»». Стоит заметить, что наверное не Сенкевич стал для Булгакова препятствием к Нобелевской премии. Количество и размах распространения — на стороне польского писателя, художественное качество — несомненно, на стороне Булгакова, но оба произведения отделяют сорок лет сложной всемирной истории и развития прозы в XX веке. Роман Сенкевича принадлежит к литературе XIX века, роман Булгакова, вышедший в Москве в 1966 г., через 26 лет после смерти писателя и через 70 лет после выхода «Камо грядеши?», — бесспорно важное достижение европейского романа нашего времени.

Тем не мене связь обоих произведений повлияла на интерес к Булгакову в Польше. Живое присутствие «Мастера и Маргариты» выходит за рамки литературы, захватывая театр и кино. Вспомним знаменитую в свое время картину Анджея Вайды «Пилат и другие» (1975), основанную на отдельных мотивах романа и снятую в Западной Германии, а также ряд театральных инсценировок начиная с известного спектакля Кшиштофа Ясинского «Пациенты» (1976) в краковском «Театре Сту». В 1988 г. роман был поставлен Мацеем Войтышко на телевидении.

* * *

Книга Мирона Петровского — первый труд этого ученого, переведенный на польский язык. Его эрудированность, богатство литературной, исторической, культурологической, философской мысли представляли нелегкую задачу для перевода. Автор книги не все цитаты снабдил сносками, он употребляет метафорические определения, трудные для недвусмысленного перевода, ссылается на великое множество нелегко доступных исторических материалов. Задача трудная даже для опытного специалиста по русской литературе. Между тем «виновники» — переводчицы и редактор — дебютировали в этой области.

Ирина Кузьмина и Александра Езерская продолжают прекрасную традицию булгаковских переводческих дуэтов, начатую Ириной Левандовской и Витольдом Домбровским. Обе прошли, казалось бы, совершенно разные жизненные пути, да и сами очень разные, но в работе оказались взаимно дополняющими друг друга. Ирина Кузьмина провела детство в Киеве, школьные годы в Ленинграде/Санкт-Петербурге, а диплом по польской филологии получила в Познанском университете имени Адама Мицкевича. Сейчас готовит диссертацию по прозе современных русских писательниц. Занимается также проблематикой художественного перевода. Александра Езерская родом из Познани, здесь же окончила юридический факультет университета. Сейчас работает судьей в Варшаве и учится в Институте русской филологии Познанского университета им. А.Мицкевича.

Книга «Мастер и Город» выходит в серии «Библиотека сравнений», издаваемой при научном журнале лаборатории компаративистики Института польской филологии Познанского университета «Сравнения». Публикация стала возможна благодаря средствам, полученным от Фонда им. Стефана Батория, которому здесь приносим искреннюю благодарность.

Редакция благодарит Ирину Кузьмину за помощь в розыске цитат из оригинала книги Мирона Петровского.

Ярослав Ивашкевич

Перевод Ксении Старосельской

КИЕВ

Отрывки из «Книги моих воспоминаний»

Ярослав Ивашкевич (первый справа) с товарищами по гимназии

В 1909 году в моей жизни произошло новое большое событие, а именно: перевод в киевскую гимназию. (...)

Самой поразительной личностью и притом человеком, с которым меня связывала теснейшая, хотя и недолгая дружба, был русский — Юрий Миклухо-Маклай.

Сразу же, как только я вошел в класс — а было это уже в ноябре, в разгар научной работы (в каковую я был вовлечен любимцем всех учителей и учеников, notabene племянником школьного инспектора, Стефаном Кнабе), — мое внимание привлекла незаурядная фигура Маклая. Он принадлежал к российской полуаристократии среднего достатка с большими культурными традициями. Дядя его был известным путешественником и исследователем субтропических областей, впоследствии получившим широкое признание: он был одним из первых европейцев, изучавших природу Новой Гвинеи, — одно из побережий этого острова даже названо берегом Миклухо-Маклая.

Ничего не осталось от этой дружбы! Мои письма к Юре — а было их немало — пропали, его немногочисленные ответы (письма он всегда посылал заказные, а по железной дороге ездил первым классом) я оставил в Киеве. И сам человек, и следы от него сгинули. Вся семья его была перебита, и не знаю, живет ли еще на свете хоть кто-нибудь, кто, кроме меня, помнит этого неординарного юношу. Я иногда размышляю над тем, какое множество мыслей и чувств бесследно исчезают в небытии. Они опадают, точно листья с деревьев, однако не всегда превращаются в благотворный фермент, на котором взрастают новые мысли и новые чувства. Но если всё, что вправду продумано и вправду пережито, обретает какое-то дальнейшее существование и, точно морская волна, катится и вдаль, и вглубь, тогда я — единственный проводник, сохранивший часть жизненной энергии своего друга. Он оказывал на меня огромное влияние — хотя сегодня я уже затрудняюсь сказать, что от него есть во мне и что — в моей литературе. Одно лишь не вызывает сомнений: его фигура время от времени всплывает в моих сочинениях и воплощается в таких персонажах, как князь Маврицкий в «Зенобии Пальмуре» или Кнабе в «Луна восходит».

Всё, чем был Миклухо-Маклай, кануло в прошлое, и сейчас мне даже трудно определить суть этого явления. Воскрешать иных моих друзей (о чем пойдет речь в следующих главах) помогают, как волшебная палочка Твардовского*, давние письма и стихи. А чтобы вызвать из небытия фигуру Миклухо-Маклая, у меня почти ничего нет — сохранились лишь обрывочные личные воспоминания да одна поблекшая фотография, — однако этот юноша был столь типичен для своего времени и своей среды, что стоит мне только о нем подумать, и я тотчас ощущаю особую ауру, которая окружала его и его дом.

Я не раз замечал, что люди, которым суждена короткая жизнь, вероятно в предчувствии скорой кончины, не верят в иллюзии повседневности, перестают заниматься наукой, делами, карьерой и, будучи твердо уверены, что ничего начинать не стоит, пребывают в полупассивном состоянии, оказывая парализующее воздействие на любые начинания своих близких. Такое «не стоит» лежало в основе духовной сути Маклая. В седьмом классе он бросил школу, хотя прекрасно учился, сидел у себя в деревне вместе с так же настроенным младшим братом, либо,

* Пан Твардовский — герой польских народных легенд и основанных на них литературных произведений.

приезжая в Киев, глупо развлекался, направо и налево соря деньгами, покупая автомобили, меняя любовниц. На этом этапе жизни его любимым товарищем был другой мой приятель, моложе меня на год и на класс, — Чеслав Пешинский, которому тоже суждено было прожить недолго.

Но, кажется, настоящего Маклая знал только я, и наши долгие беседы на спортплощадке, где Пешинский играл в футбол, или в квартире Маклая, или у него в деревне, в странном доме в Малино, открывали мне его угрюмую душу. Сейчас я вижу, что этот человек исповедовал некие, сегодня (1942 год) доминирующие доктрины, презрение к людям, восхищение силой, культ войны — и все это было замешано как на философии Ницше и империализме Киплинга, так и на родимом российском нигилизме. Мне это казалось совершенно чуждым, хотя и сильно завораживало. В ту эпоху, когда мне встретился Маклай, я был пылким мечтателем и готовился скорее к музыкантской, нежели поэтической карьере, и уж во всяком случае искусство — с большой буквы И, — понимаемое весьма наивно, было в моей жизни самым важным. Но то была еще и эпоха духовного голода, пожирания книг, пожирания мыслей и желания щегольнуть своими «открытиями» в области духа. Оттого наша дружба выливалась в один большой конфликт, хотя одновременно нас явно тянуло друг к другу. Так уж сложилось: он не понимал моей жизни, я — его.

Все, что он ни делал, было мне непонятно — начиная от этих заказных писем, билетов в первом классе, автомобилей и развлечений. И в то же время все это мне импонировало. Юрий вел жизнь совершенно взрослого человека. Он очень рано потерял обоих родителей, жил в деревне с братьями, самостоятельно вел хозяйство и с юных лет распоряжался крупными суммами. Единственная его сестра Майя была революционеркой и большую часть жизни проводила в тюрьмах. Их дом в Малино, куда я любил заглядывать и где проводил зимние и осенние праздники, представлял собой просторный пустой домище с громадными комнатами, большими окнами — жилище без ковров и занавесок, голое, холодное, заваленное сверху донизу английскими, французскими и русскими книгами. Старший брат Юры был военным, младший, с больной ногой, почти не покидал Малино. Деревенская, холостяцкая атмосфера царила в этом доме, полном ружей, револьверов, собак и табачного дыма. Лишь в глубине, в единственной не очень большой комнате проживала огромная суровая могучая няня родом из Новгорода, которая воспитала всех трех мальчиков и не только продолжала управлять их судьбами, но и занималась делами материальными — не без немалой для себя корысти.

Непонятны мне были и те авантюры, дебоши и скандалы, в которых принимал участие Юра. В обществе двоюродного брата Саши, своего конфидента, или Пешинского он без разбору посещал места, где можно было развлечься. Забавы их частенько оканчивались печально или даже трагически. Никогда не забуду истории, о которой я узнал из пространных сообщений в прогрессивных киевских газетах: Миклухо-Маклай, в пьяном виде ввязавшись в какой-то дебош в родном Малино, вступил вдвоем с братом в форменное сражение с толпой, был (неизвестно кем) опасно ранен и попал в малинскую больницу. Я, разумеется, поспешил к нему и оказался свидетелем его фантастического выздоровления. Человек с простреленной печенью через несколько дней на моих глазах перебрался из больницы домой, где пролежал еще сутки, а спустя два дня отправился вместе со мной в Киев. Очень странные дни провел я тогда с едва ли не погромщиком евреев, стараясь обратить его в свою «гуманную» веру и выслушивая его философские бредни о ницшеанской безнравственности, подкрепляемой весьма неблаговидными поступками. Но на самом деле в душевном распаде этого человека, в его стараниях заслоняться громкими лозунгами крылась какая-то трагическая беспомощность в сочетании с глубокой аморальностью, которая, возможно, и во мне оставила кое-какие следы.

Проглядывая старый дневник, который я вел в ту эпоху, я обнаружил, что регулярно наделял своего друга эпитетами «бедный», «одинокий», «несчастный». Юра возбуждал во мне сочувствие. Разумеется, я старался не показывать этого чувства, считая его недостойным. Помню, как издевательски отзывался Маклай о моем «христианском милосердии», источником которого полагал слабость и эгоизм. Преодоление этого эгоизма в коллективном воодушевлении, в войне он считал вершиной человеческих переживаний.

Пожалуй, столкнувшись с «одиночеством» Юры, я вообще впервые понял, что такое вечное одиночество человека и боль, сопутствующая principium individuationis**. Ощущение этого одиночества, осознание бессмысленности существования, непонимание сути бытия — «метафизический страх», охватывающий начинающую размышлять личность, — сильнейшее переживание молодости. С этого ужасного момента, подобного тому, когда человек приходит в себя на утлом плотике посреди бурного океана, молодость становится тяжким бременем, а старания выбраться из ее опасного водоворота — наилучшим испытанием характера. Для меня такое сплетение переживаний навсегда связалось с фигурой Миклухо-Маклая. Разговоры с ним, а быть может, всего лишь столкновение с его индивидуальностью, потрясли меня до глубины души; исходящие из его уст слова смерти позволили понять, что такое жизнь.

** Принцип индивидуализации (по Аристотелю) (*лат.*).

Конфликт, которым оборачивались наши отношения, был острым и трудно преодолимым. Испуганный, я мечтал положить конец дружбе с Юрой — как будто это могло помочь. Однажды я пришел к нему ночью после страшного дня, чтобы попрощаться и сказать, что прекращаю наше тягостное знакомство, поскольку для меня слишком мучительно всё, что нас с ним разделяет и что связывает. В тот день (25 апреля 1911 года) я был ближе, чем когда-либо еще, к самоубийству.

Соблазн добровольного ухода из жизни коснулся меня, будто крыло пролетевшего рядом нетопыря. Тогда я понял, что такое самоубийство молодости, не решающейся переступить порог зрелости, самоубийство из одного лишь страха перед существованием. Думаю, что и Юре — которого я убил таким образом в «Луне» — был знаком и понятен подобный соблазн, желание совершить то, что он называл «маленьким самоуничтожением», однако, слегка испугавшись силы моего аффекта, он попытался объяснить мне бессмысленность любых патетических жестов. «Не стоит» — поминутно звучало из его уст, — «не стоит» умирать добровольно, «не стоит» рвать запутанные узлы, нужно принимать жизнь такой, какая она есть, и людей такими, какие они есть, всё произойдет самопроизвольно, на ход событий влиять нельзя. Мы долго разговаривали в тот вечер. Назавтра, явно обеспокоенный моими идеями, он примчался ко мне — что с ним редко случалось, — и мы вместе провели целый вечер в садике нашего дома, где он втолковывал мне, как нужно относиться ко всему в жизни и главным образом — «не думать, не думать, не думать...» «А сам, кажется, думает — притом много», — прокомментировал я его слова в своем дневнике.

Меня примирило с жизнью и помогло переступить трудный порог не то, что говорил Юра, но сам факт его страха, тревога за меня и за нашу дружбу — это мне доказало, что, несмотря на духовное одиночество каждого из нас, существуют какие-то способы достичь взаимопонимания, какой-то беспроволочный телеграф, который — без слов, даже без смысла — соединяет людей никогда не высказываемым до конца чувством, помогающим в нелегком деле завоевания жизни. Война 1914 года разделила нас. Конечно, едва начались военные действия, Юра сразу же поспешил в свой полк, чтобы отведать той войны, о которой всегда мечтал и апологетом которой был. Думаю, он испытал немалое разочарование: война, которая — как он утверждал — очищает воздух и заставляет человека забыть про личный эгоизм и таким образом пройти проверку на человечность, вблизи, скорее всего, оказалась совсем иной. Я видел его еще один только раз, уже после февральской революции, когда он, бросив свой полк и возвращаясь в Малино, по дороге заехал в Киев. Он застал меня сидящим над «Октостихами» — первой реализацией того, что я хотел сделать в жизни и к чему он относился с нарочитым презрением. Нам почти не о чем было говорить. Юрий вернулся в Малино и осенью следующего года был убит на пороге своего дома толпой местных жителей, которые издавна его ненавидели. Я тогда уже жил в Варшаве, и только Пешинский успел приехать на его похороны.

Помню, однажды майским днем Юра уезжал в Малино, а мы с Чесем Пешинским провожали его на вокзал. В последнюю минуту мы решили поехать с ним до ближайшей железнодорожной стации в Святошине, откуда можно было вернуться в Киев трамваем. Мы сидели втроем в пустом купе первого класса, я — на столике у окна, они — на скамейке. Разговаривали о наших судьбах, причем я по своей подлинной или притворной скромности утверждал, что их ждет долгая прекрасная жизнь, а меня — серенькое продолжение тогдашнего моего существования, которое — если говорить о внешних приметах — было убогим и чрезвычайно обременительным. Юра на это ответил: «Пустая болтовня... Посмотри, как он сидит, — обратился он к Чесю, — над нами, выше нас, он и всегда будет нас превосходить». Было, видимо, в этих словах что-то особенное, необычное, недаром я запомнил их и помню по сей день. Пророчество сбылось, я превзошел своих друзей, потому что жив: это один из пресловутых легких «триумфов жизни над смертью».

КРАКОВ — ГОРОД ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Беседа с Габриэлой Матушек

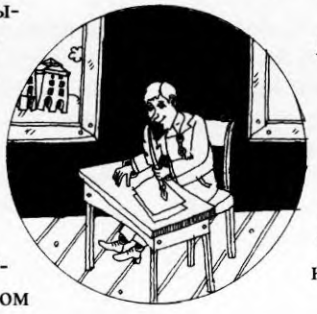
Ягеллонский университет в Кракове — одно из самых старых высших учебных заведений в Европе. Но это и вуз, который откликается на требования времени. 12 лет назад здесь появилась Школа писательского мастерства. Таких школ в Европе всего несколько. Об истории и деятельности этой школы мы беседуем с ее директором Габриэлой Матушек

— Для кого предназначена эта школа?

— Школа писательского мастерства — официально она называется Литературно-художественная студия — была создана в 1994 году. Согласно первоначальному замыслу, мы ориентируемся на тех, кто обладает определенным писательским дарованием, но хотел бы больше узнать о нюансах писательского мастерства. Наши студенты, как правило, уже получили высшее образование. Программа школы включает в себя анализ шедевров мировой литературы, представление современных литературных течений, изучение мирового культурного наследия. Эта программа одобрена Институтом польского языка и литературы Ягеллонского университета. С нами сотрудничают многие известные поэты, писатели и литературные критики. Среди них я могла бы назвать такие имена, как Вислава Шимборская, Адам Загаевский, Эва Липская. Поддерживали нас Чеслав Милош и Станислав Лем.

— У вас уже есть поводы гордиться своими студентами?

— Мы гордимся всеми. Наши выпускники поддерживают с нами постоянный контакт, часто участвуют в наших литературных проектах. Несколько человек стало у нас преподавать. В нашей школе учатся студенты не только со всей Польши, но и из-за границы. В прошлом году у нас появилась талантливая студентка из Брюсселя, а в этом учебном году — молодой литератор из Вены. Наши студенты относятся к разным поколениям, и это придает особый смысл нашим дискуссиям о литературе. Разные взгляды на развитие литературы придают этим обсуждениям особую остроту. Учатся у нас также люди разных профессий — врачи, инженеры, актеры, музыканты.



— А можно ли научить писать?

— Научить — нет, но отшлифовать мастерство — да. Для человека пишущего важно не замыкаться только на своем творчестве, а уметь отстраняться от написанного и, анализируя произведения других, подходить критически к своим работам. Кроме того, не всем удается открыть в себе писательский талант в молодости и получить признание своего окружения. Одна из задач нашей школы — создание творческой атмосферы, условий, в которых наши студенты могут максимально проявить свое дарование. Многие наши занятия проходят вне стен университета — в горах, в известных литературных кафе...

— Каковы ваши критерии отбора студентов?

— Наша школа считается элитарной. У нас существует строгий отбор. Обучение в школе платное, но мы подбираем людей, у которых действительно есть ярко выраженные литературные способности. Одно из важных условий поступления к

нам — отличное знание польского языка. Поэтому учатся у нас поляки, но мы уже думаем о том, чтобы принимать слушателей из Восточной Европы, которые хорошо владеют польским. Это был бы интересный и полезный эксперимент.

— Какие достижения своей школы вам хотелось бы отметить ?

— Мы участвовали во многих международных проектах. В 2000 г. нам удалось организовать вместе с нашими немецкими коллегами Форум молодых поэтов, он был очень удачным, обратил на себя внимание и литературных критиков, и прессы. Наша школа была представлена на I Международном конгрессе школ писательского мастерства, который состоялся в прошлом году в Лейпциге. Деятельность нашей школы на этом конгрессе также вызвала большой интерес. Безусловно, важное достижение нашей школы — публикация журнала «Студиум». Первый его номер вышел 11 лет назад по инициативе наших студентов. Сегодня это уже солидное издание, в котором печатаются литературные произведения, критика, рецензии, практическая информация. Есть у нас и своя книжная серия, в которой издано уже около сорока сборников прозы и поэзии. В этих сборниках мы публикуем работы не только наших выпускников и студентов, но и обращаемся ко всей современной польской литературе. Большим событием для нас было празднование 10-летия нашей школы. Это было два года назад. Мы пригласили около 60 известных писателей и литературных критиков, провели научный симпозиум, посвященный новым явлениям в современной литературе. Результатом этого симпозиума стало издание сборника «Литература в новой действительности». Для нас ценна каждая публикация нашей школы.

— Обращаетесь ли вы к русской литературе?

— Конечно. В русской литературе есть такие писатели, без которых нельзя обойтись, говоря о мировом культурном наследии. Я, к примеру, на своих занятиях, посвященных такому жанру, как пьеса, часто обращаюсь к творчеству Чехова. Мы стараемся следить и за современной русской литературой. Я очень ценю творчество Татьяны Толстой, которую знаю лично. К сожалению, в стенах нашей школы еще не было встреч с современными русскими писателями. Мы бы очень хотели наладить сотрудничество с нашими коллегами из Восточной Европы и планируем уже в ближайшим будущем начать приглашать к себе писателей, поэтов, критиков.

Беседу вела Виктория Дунаева

Rys. Ignacy Czwartos

Катажина Валь

РУССКИЙ ЯЗЫК — ДОРОГА К КАРЬЕРЕ

Школьники, студенты, бизнесмены — все учат язык наших восточных соседей

В Польше язык Пушкина снова в чести. Сегодня на владении им можно хорошо заработать.

Языковые курсы нынче подвергаются осаде. Группы переполнены, не хватает преподавателей и даже помещений, которые могли бы вместить всех, кто жаждет знаний. Причина подобной сумятицы — русский язык. Что это — кратковременная мода или же отклик на требования времени?

— Я закончил учебу по специальности «менеджмент и маркетинг». Хорошо знаю русский. И если мои коллеги по занятиям искали, где бы им как-нибудь зацепиться, я привередничал, перебирая варианты, — рассказывает 28-летний Яцек Макарчук, служащий крупного концерна, сотрудничающего с Россией. И радуется. — Поначалу я зарабатывал три тысячи злотых, а сейчас втрое больше.

Не только он нашел работу благодаря знанию русского. В газетах, в Интернете все больше и больше предложений для людей со знанием русского языка. Нужны переводчики, торговые представители, инженеры, водители. Щецинская фирма «Arvato Service» ищет лиц, которым предстоит давать консультации по телефону. Требование: беглое владение разговорным русским языком. Доминика Кусьмежик, специалистка по кадровым вопросам, завлекает: «Мы предлагаем конкурентоспособный заработок — значительно выше среднего по стране».

А происходит так по той причине, что язык Пушкина активно вторгается в бизнес. «Далеко не все удается решить через переводчика, — говорит Адам Яжембский, глава фирмы, экспортирующей в Россию овощи и фрукты. — Мои работники умеют договариваться по-русски. Но обходится мне это недешево». И добавляет: «Водитель зарабатывает свыше 5 тыс. злотых. А для тех, кто занимается заключением договоров с россиянами, ставки начинаются где-то с 8-9 тыс. злотых».

Это явление разъясняет Петр Михаловский, преподаватель Варшавского университета: «Русские в торговых контактах с поляками не хотят пользоваться английским. С одной стороны, они поступают так из духа противоречия, а с другой — имеют в виду еще и наши общие славянские корни, которые даже при слабом знакомстве с языком дают возможность общаться».

И рынок немедленно почувствовал конъюнктуру. «В нынешнем году заинтересованность русским языком превзошла наши самые смелые ожидания. Его учат бизнесмены, те, кто совсем недавно завершил образование и ищет хорошо оплачиваемую работу», — объясняет Бригида Дущик с варшавских курсов русского языка «Rosyjski.com». Аналогично обстоят дела и на языковых курсах «Tower» («Башня») — русский бьет там рекорды популярности.

К учебе стали тянуться даже совсем юные. В сводной школе №4 в Пултуске количество желающих изучать русский язык выросло за этот год в целых три раза. «Сегодня молодежь не помнит того, что было. Стереотипы по поводу России укоренены в них уже не столь глубоко. Кроме того, русский, будучи славянским языком, дается полякам легче, — высказывает догадку Кшиштоф Лахманский, директор школы. И добавляет: — Зря мы когда-то от него отказались». Это мнение подтверждает и Тереса Громницкая из Гданьска, бывшая учительница русского. Несколько лет назад, когда этот язык выпал из школьных программ, ей пришлось переквалифицироваться. «Я начала преподавать немецкий. Но умные люди говорили, что русский язык вернется. И были правы», — радуется она. Теперь пани Тереса на пенсии, но недавно стала снова давать уроки русского. «Ко мне приходит изрядное число желающих. Возраст у них самый разный. А учатся они, потому что этого требует их начальство».

УЧИТЕ РУССКИЙ ЯЗЫК — ИНАЧЕ РАБОТУ ВАМ НЕ НАЙТИ

Беседа с Алексеем Авдеевым, певцом и преподавателем русского языка

— Легко ли выучить русский язык?

— Поляку легче выучить китайский, нежели по-настоящему хорошо овладеть русским. Освоение этого языка — подлинный вызов. Русский только на первый взгляд кажется легким.

— Невзирая на это, интерес к русскому огромен. Молодежь выбирает его даже за счет западных языков.

— Меня это весьма радует. Однако и ничуть не удивляет. Изменилось сознание поляков; помимо того, теперь уже никто не заставляет учить русский. Да и Россия воспринимается не как враг Польши, а как партнер, наш сосед и страна, предоставляющая огромные возможности. В Институте России и Восточной Европы, где я преподаю, в нынешнем году оказалось пять кандидатов на одно место.

— А люди, получившие такое образование, находят работу без труда?

— Разумеется. Я уже на первом курсе не устаю повторять им: учите русский язык — иначе работу вам не найти. Они востребованы прежде всего теми фирмами, которые хотят расширять свои рынки на восток. Многие находят работу и в средствах массовой информации — как специалисты по России.

Беседу вела Катажина Сверчинская

Алексей (Алеша) Авдеев — профессор Института России и Восточной Европы в составе Ягеллонского университета, известен широкой публике своей творческой деятельностью. Родился на Северном Кавказе, в Польше живет с 1967 года.

DZIENNIK

ПОЛЬСКИЕ СТУДЕНТЫ ПОЛЮБИЛИ ЯЗЫК ПУШКИНА

Беседа с Тадеушем Пахольчиком, преподавателем кафедры русской филологии в Познанском университете им. Адама Мицкевича

— Скажите, поляки и впрямь всё больше интересуются русским языком?

— Да, и это находит отражение хотя бы в конкурсах при поступлении в вузы. На отделениях русской филологии в среднем на одно место приходится пятеро желающих. А случаются и такие годы, когда таковых оказывается семь или даже 15. У школьной молодежи русский язык стоит всего лишь на третьем месте, но зато в высших учебных заведениях молодые люди бесспорно проявляют к нему значительно бóльший интерес. В последние годы он более или менее сопоставим с интересом к английской филологии.

— А как обстояли дела в 1990 году?

В среднем на одно место имелось два претендента. Мы даже начали побаиваться за будущее русской филологии. И именно тогда было принято решение создать такую специальность, как русско-английская филология. Были у нас опасения и по поводу трудоустройства.

— Когда же ситуация переменилась?

— В середине 90-х проявилась отчетливая тенденция к росту. Возникло много акционерных обществ с участием иностранного капитала, которые были нацелены на Восток. Сегодня у нас есть и русско-английская филология, и русско-немецкая, и чисто русская.

— Поразил ли вас такой рост заинтересованности?

— Не слишком. Мы рассчитывали на то, что рано или поздно Польша сделается связующим звеном между Востоком и Западом.

— Почему поляки внезапно начали изучать язык, к которому 20 лет назад питали столь сильную антипатию?

— Решающую роль здесь сыграли чисто прагматические соображения. В знании русского языка молодежь видит для себя дополнительный профессиональный шанс.

Беседу вела Катажина Зухович

RZECZPOSPOLITA

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Первый за этот год номер краковского **«Тыгодника повшехного»** оказался вдобавок юбилейным: с 1945 г., когда еженедельник начал выходить, он дожил до 3000-го номера (напомним нашим читателям, что «Тыгодник повшехный» значит «Всеобщий еженедельник»). Разумеется, здесь было напечатано немало материалов, посвященных этому юбилею и в особенности Ежи Туровичу, создателю «Тыгодника», который редактировал его до самой смерти. И действительно есть что праздновать: на протяжении всего периода коммунизма «Тыгодник» был единственным таким явлением между Эльбой и Камчаткой — католический, независимый (насколько это было возможно при коммунистической цензуре) и открытый, настроенный на диалог. После 1989 г. он остался единственным такого рода изданием, где не приняли решения превратить традиционную газету в иллюстрированный журнал, как это произошло, например, с «Политикой». «Тыгодник повшехный» сохранил достойную форму издания с «полосами-простынями», с преобладанием текста над фотографией, не замусоренного до неприличия рекламой. Не знаю, каким чудом он до сих пор прочно держится на рынке. Зато знаю, что без «Тыгодника» я не могу вообразить себе польское пространство периодической печати, — но, может быть, у меня просто слишком убогое воображение. В конце концов известно, что и на рынке прессы действует железный закон, сформулированный чуть ли не Коперником и гласящий, что деньги похуже вытесняют те, что получше.

В истории «Тыгодника повшехного» было несколько занимательных эпизодов, из которых особенно стоит напомнить тот, который случился после смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. «Солнце человечества» закатилось, а редакция не возложила на его гроб дань словесных почестей. Нет, разумеется, о смерти она сообщила, но никак этого события не комментировала и заслуг покойника не воспевала. В результате редакторов вызвали к высшим партийным властям, но, несмотря на просьбы и угрозы, от Туровича так и не добились положенного поклона перед Сталиным. «Тыгодник» закрыли, но весьма хитрым манером: его передали другому составу редакции — группе католиков, сотрудничавших с властями и связанных с коллаборационистским объединением «Пакс», — и на протяжении трех с лишним лет еженедельник выходил под тем же названием, с тем же шрифтом заголовка, в том же графическом оформлении и с сохранением прежней нумерации. Это продолжалось до конца 1956 г., когда Гомулка, придя к власти, вернул «Тыгодник» его законной редакции.

Просматривая №3000, я натолкнулся в постоянной рубрике «Комментарии» на заметку Анджея Луковского «Газовое дыхание медведя». Привожу ее полностью:

«Опять, как год назад, тема снабжения Европы российским газом выходит на первые страницы СМИ. Главный герой триллера этого года — Белоруссия, которая защищает, как защищают независимость, доступ к «Белтрансгазу» и не соглашается на повышение цен на голубое горючее, идущее с востока. Обе стороны обвиняют друг друга в шантаже, обе применяют в переговорах резкие методы. Никто уже не помнит, что Россия и Белоруссия, две сестры, связанные шарфом союзного договора, находятся (во всяком случае на уровне деклараций) на пороге создания общего государства. Минск рискует довести страну до энергетического, а потом и экономического кризиса, а сам президент Лукашенко — потерять свой пост. Московское закручивание крана может в свою очередь подорвать и так уже расшатанный имидж России как надежного поставщика газа европейским потребителям. Еще раз всё ограничилось угрозами — российско-белорусское соглашение было подписано в последний момент. Год назад Москва объявила, что прекращает субсидировать бывшие советские республики и резко повела переговоры о повышении цен на поставляемый ею — и до тех пор дешевый — газ. Дубинку газовой трубы клали на стол переговоров во время обсуждения вопроса с Молдавией, Украиной, Арменией, Азербайджаном и Грузией — всегда стремясь достичь одновременно политических и экономических целей. Российский бизнес-план состоит в снижении затрат, связанных с сохранением зависимости названных стран, а сверх того — в получении доступа к их стратегическим отраслям. Что касается Белоруссии, то речь идет не только о системе транспортировки газа, но и о нефтехимических предприятиях; помимо того, одним из самых мощных инструментов принуждения, использованным в переговорах с Белоруссией, было обещанное с 1 января введение экспортных цен на нефть. Одним словом: зачем доплачивать за дружбу на постсоветском пространстве, когда на ней можно заработать, а при случае держать партнера мертвой хваткой и диктовать ему политические шаги? Это один из аспектов превра-

щения Российской Федерации командой президента Путина в корпорацию родных и знакомых стоящего у власти. Другой состоит просто в захвате корпоративной кассы — и не нужно приписывать этому шагу слишком глубокую философию».

Действительно ли это так? Так могло бы быть, если бы Россия не стремилась, достигнув соглашения с Германией, строить альтернативные линии передачи газа, которые не только обходят стороной прибалтийские государства и Польшу, но явно обойдут и Белоруссию, а она, в отличие от Польши и Прибалтики, оказавшись в опасности остаться без притока газа, не может воспользоваться помощью Евросоюза. Так ли уж этот метод потенциальной изоляции Белоруссии лишен «глубокой философии»? Я лично не рискнул бы это утверждать. Газопроводы, как доказывает опыт двух последних лет, — это довольно эффективное, по крайней мере пока, орудие нажима на государства, рожденные в бывших советских республиках. И я предостерег бы против сведения шагов такого рода исключительно к корпоративно-экономическому аспекту, хотя он, разумеется, тоже существен.

Более широкую точку зрения, затрагивающую и этот аспект российской политики, можно извлечь из статьи Мариана Броды «Склад ума, традиции и большевистский опыт России» в последнем номере гданьского либерального журнала (ежеквартальника) **«Пшеглёнд политичный»** (№79-80, 2006). Автор пишет:

«Вопрос о связях большевизма с российским складом ума и культурно-политическими традициями по-прежнему остается важным не только для понимания генезиса, основ и результатов коммунистического опыта России, но и для размышлений о ее сегодняшнем дне».

Брода как бы обращается к мыслям таких польских авторов, как Кухажевский или Здеховский, и усматривает принципиальную непрерывность российского имперского склада ума, на который как фактор усиления подействовал советский опыт:

«Марксистские схемы и содержание, однако, маскировали — следовательно, нередко усиливая его влияние — момент непрерывности между дореволюционной и большевистской Россией, между царской и советской империей. Дело обстояло так хотя бы потому, что роль антикультуры в коммунистический период там была отведена не столько русскому прошлому, сколько капитализму и Западу. Кроме того, в рамках марксистско-ленинской идеологической матрицы (экономический базис — идеологическая надстройка) значение и влияние духовно-культурных и государственных традиций России (с культом самодержавной центральной власти, включавшим преданность и повиновение ей) были принципиально маргинализованы, почти убраны из поля зрения. Ускользал от внимания и тот факт, что большевистская идеология позволила сохранить традиционное, порожденное византийским влиянием отношение к Западу, по-прежнему рассматриваемому как по сути «еретический», «гнилой» и «упадочный» (ибо он обладает «ложным классовым сознанием»), «реакционный», «реваншистский», «буржуазный», «империалистический» и т.п. Не обращали внимания — или рассматривали их всего лишь как исчезающие реликты прошлого — и на проявления очевидного возрождения в новых идеологических одеждах целого ряда ранее сформировавшихся позиций, мифов, чаяний и убеждений, включая восприятие своего государства как «души мира», «Третьего Рима» или же, и это прежде всего, страны, располагающей привилегией особой свободы. Их суррогатами стала, в частности, идея Москвы — столицы III Интернационала, отечества и ростка грядущей всечеловеческой коммунистической общности и связанная с ней вера в возможность скорого «скачка в царство свободы»».

Читая эти слова, я вспомнил два случая. Один — давний, 70-х годов, когда Рышарду Пшибыльскому за публикацию его статьи «Ставрогин», где было показано византийское упрощение ценности Третьего Рима, после вмешательства советского посольства надолго запретили печататься. А другой — совсем свежий: в Екатеринбурге, пойдя в недавно построенную церковь «на Крови», я слушал проповедь православного монаха против «западных новшеств» с одновременным восхвалением самодержавия как сути русского самосознания.

Вернемся, однако, к статье Броды. Говоря о возрождении более ранних мифов, он говорит:

«Если ближе приглядеться к наличию подобных феноменов в царской России и различных их суррогатов и метаморфоз в Советском Союзе, то обнаруживаешь — до известной степени общие — архаические истоки тех и других, а также консервирующее и в то же время модифицирующее влияние православия, а затем большевистской идеологии на их поведение и поддержание. Это позволяет опознать ряд религиозных, культурных, социальных, политических и прочих элементов, способствующих устойчивости и жизнеспособности подобных явлений — таких как особая харизма власти, идея «государства правды», отождествление ростков Царства Божия на земле с русской и российской землей, стремление России, русской Церкви и центральной власти играть роль единственного хранителя и носителя «высшей истины», идеал «целостного знания», соединяющего сакральное и мирское, мощный эсхатологизм, мистический реализм, соборность и общинность, космизм и онтологизм, мессианство и миссионерство, культ личности, убеждение в том, что Россия занимает «центральное» место в мире, вера во

всечеловеческий характер «русской души» и т.п. Любопытным кажется опознавать нередко парадоксальные последствия обстоятельств, в которые вплетено русское самосознание в послепетровские времена, а в особенности идентифицировать ряд факторов, способствующих поддержанию, возрождению, иногда даже усилению традиционных культурно-психологических архетипов, подвергающихся одновременно той или иной мистификации, модификации и спецификации. Тогда в поле зрения появляется — относящийся как к послепетровской России вообще, так и к большевистскому эксперименту — феномен «негативного синтеза» российских и западных социальных и культурных ценностей, который, кажется, настолько же определяет «трагический алгоритм русской судьбы», насколько и тот исторический вызов, на который в России по-прежнему не могут полностью ответить. Указывая многообразные проявления соразмерности некоторых — часто основополагающих и существенных — типов содержания, формы и психологической, культурной, идеологической и политической структуры дореволюционной России, с одной стороны, а с другой — марксизма и большевистской идеологии, не следует ставить это на службу, как то временами бывает, слишком одностороннему связыванию коммунизма и России. Одно из проявлений сохраняющейся жизнеспособности такой тенденции состоит в том, что процессы, совершающиеся в сегодняшней России, автоматически рассматриваются как продолжение советской действительности и почти повсюду выискиваются симптомы рекоммунизации или ресоветизации».

Трудно не согласиться с Бродой: целый ряд истолкований нынешних тенденций российской политики почти бездумно отсылает к практике Советского Союза. Между тем большевистский эпизод, хотя важный и не такой уж короткий, не должен заслонять более глубокие корни (а также более «глубокую философию») того, с чем мы имеем дело сегодня. Верными представляются и замечания, которыми завершается статья Мариана Броды:

«Податливость России XX века на процессы большевизации позволяет обнаружить целый ряд более общих факторов, прочно и глубоко вписанных в русскую историю, ее политические и культурные традиции и социально-психологическую действительность. Многие из них — несмотря на все изменения, модификации и преображения — остаются жизнеспособными и сегодня, одушевляя позиции и чаяния, ценности и мифы, которые вовсе не обязательно оказываются простым продолжением и метаморфозой большевистскости или советскости России. Во многих случаях им способствуют факторы, имеющие гораздо более прочную и продолжительную природу. Тут я прежде всего думаю о наследовании определенного типа позиций по отношению к власти и о реакции на внешний, особенно западный, контекст, а также и о связанных с этим вызовах, которые история бросает судьбе России на протяжении по крайней мере нескольких столетий. Можно ожидать, что независимо от темпа и размаха перемен современного мира их влияние на будущий опыт и судьбу родины Достоевского, влияние тревожное и сильное, но вовсе не роковое и всеодолевающее, окажется куда сильней и прочней, чем сила и жизнеспособность уходящего в прошлое коммунистического наследия».

Автор статьи — историк русской политической и общественной мысли. Он опубликовал две серьезных книги: «Народнические амбивалентности» (2003) и (в соавторстве) «Коммунизм в России и его польские истолкования» (2006). Таким образом, это один из тех наших ученых, которые стараются познать Россию. Но если так, то меня слегка удивляет лишь одно (потому что выше цитированный текст меня крайне заинтересовал), а именно то, что Брода использует языковую схему. Называть Россию «родиной Достоевского» хоть и верно, но отсылает к истертому стереотипу. Если уж вообще определять Россию через литературные ассоциации, то я предпочел бы назвать ее «родиной Бабеля» или «родиной Венедикта Ерофеева». Но это мои ассоциации, а мои студенты, вероятно, нашли бы точку отсчета еще ближе к нашему времени и говорили бы о «родине Пелевина».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Асар Эппель стал одним из лауреатов ежегодных литературных премий журнала «Иностранная литература» за 2006 год. Ему присужден почетный диплом критики «зоИЛ» за перевод книги стихов лауреата Нобелевской премии по литературе Вислявы Шимборской «Двоеточие».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

*** Новым президентом Польской Академии наук избран профессор Михал Клейбер, специалист в области механики и информатики. В 2001-2005 гг. М.Клейбер был министром науки и информатизации, сейчас он, в частности, общественный советник президента Качинского. Когда его спросили о задачах, стоящих перед ПАН, он сказал: «Прежде всего проводить исследования на самом высоком мировом уровне. Растить крупных лидеров, учителей, собирающих вокруг себя способных исследователей. Сплачивать сообщество перед лицом серьезных требований. (...) Задач много, но ни одной мы не осуществим, если не найдем, как ускорить карьеру молодых ученых».**

* Важнейшими культурными событиями минувшего года в Польше стали, по признанию критики, следующие. В кинематографии — кинофильмы «Площадь Спасителя» Кшиштофа Краузе и Иоанны Кос-Краузе, «Возврат» Славомира Фабицкого, «Как это делается» Марцеля Лозинского. Лучшие театральные спектакли — «Горные вершины спят...» по произведениям Томаса Бернхарда, режиссер Кристиан Люпа, варшавский Драматический театр; «Тартюф, или Обманщик» Мольера, режиссер Жак Лассаль, варшавский Национальный театр; «Сон в летнюю ночь» Шекспира, режиссер Майя Клечевская, краковский Старый театр. В области серьезной музыки — фестивали: «Шопен и его Европа»; Фестиваль музыки Павла Шиманского — «творчество выдающегося польского композитора среднего поколения получило наконец должную оценку: были исполнены сорок его произведений; мероприятие беспрецедентное и бескомпромиссное»; «Wratislavia Cantans» («Поющий Вроцлав»). И, наконец, в области изобразительного искусства — выставка «Польская живопись XXI века» в галерее «Захента», первая за последние несколько лет широкая панорама современной польской живописи; присутствие польских художников на мировой арене — «участие выставки работ Павла Альтамера в Центре Помпиду, признание журналом «Flash Art» Вильгельма Сасналя самым многообещающим среди художников, значительные достижения Моники Сосновской, Петра Укланского, Артура Жмиевского»; выставка «В Польше, то есть где?» в варшавском Центре современного искусства.

*** Премии для самых многообещающих молодых авторов, называемые «Паспортами», присудил еженедельник «Политика». Их получили: в области литературы — Яцек Дехнель «за роман «Ляля», за оригинальное преображение литературных традиций и за свободное владение как прозаическими, так и поэтическими формами»; в области кинематографии — Славомир Фабицкий «за кинофильм «Возврат», показывающий, как делает нравственный выбор молодой поляк, растущий в современной действительности, за художественную и социальную отзывчивость»; в области театра — Майя Клечевская «за то, что бескомпромиссно и при этом мудро вписывает в классические сюжеты потерянность современного человека, а также за живописное воображение, позволяющее воздвигать на сцене поразительные миры»; в области визуального искусства — группа «Твоживо» («Материал») «за искусство, новаторски соединяющее слово и образ, за смелое вторжение со своими работами туда, куда искусство до сих пор не проникало»; в области музыки — скрипачка Агата Шимчевская «за упорство, отсутствие претенциозности и замечательное мастерство»; в области популярной музыки — Фиш и Эмейд (братья Бартош и Петр Ваглевские) «за творческие поиски, формирование отечественных стандартов исполнения, новое определение хип-хопа и последовательный курс «против течения»». И, наконец, звания творца культуры удостоена отмечающая в эти дни свое 80-летие Мария Янион, великий исследователь польской литературы, обожаемый студентами университетский преподаватель, которая воспитала многие поколения полонистов.**

* «Учитель, всех нас научивший современному прочтению романтизма, она показала нам, как должно выглядеть настоящее ученье», — написал о Марии Янион в связи с ее юбилеем Войцех Орлинский. Торжества были шумными, а настоящим праздником их сделал выход последней книги убеленного сединами автора «Невероятная славян-

щина», где Мария Янион размышляет над тем, откуда берутся наши извечные трудности с собственным самоопределением. «Невозможность идентифицироваться с национальным прошлым, — пишет рецензент Анджей Франашек, — может, таким образом, возникать из-за отрыва от славянской мифологии, которую латинские миссионеры считали чем-то худшим, обреченным на искоренение. Наши предки, в принудительном порядке обращаемые в христианство, взирали на свои свергаемые, уничтожаемые, унижаемые божества. «Отголоски этого языческого отчаяния ощущались на протяжении веков — как историческая травма — и не могли исчезнуть без следа в культуре славянских народов»».

*** 81-летний поэт Тадеуш Ружевич вновь будоражит общественное мнение своими новыми драматическими произведениями. «Вперед, дева, вперед» — саркастический пастиш молодой польской прозы. «Чихи, история о 13-й великой реформе театра» — сценический гротеск; «эти тексты вписываются в сатирическое направление, которое прослеживается в творчестве Ружевича с самого начала», — пишет Ян Столярчик, литературовед и старый друг поэта. «Ружевича, — добавляет знаменитый режиссер Казимеж Куц, — я ценю прежде всего за то, что он сохранил в себе мальчишку-озорника. Он постоянно издевается над миром, который ему противен». И хотя пьесы Ружевича (за исключением, быть может, «Картотеки») не часто попадают сейчас на сцену, его творчество, пишет Роман Павловский «остается важной точкой отсчета для поколения его внуков».**

* Среди бестселлеров первое место на сей раз заняла последняя часть трилогии Анджея Сапковского под названием «Lux perpetua». За ней следует очередной том Богуслава Волошанского «Сеть. Последний бастион СС»: свои обширные познания о II Мировой войне автор теперь использует в романах. А в категории документальной литературы огромным успехом пользуется «Салон 2. Алфавит» Вальдемара Лысяка, который во всём видит зловещие происки темных сил, называемых «салоном», и находит себе читателей, склонных ко всякого рода подозрительности. На следующем месте после книги Лысяка труд Анджея Пачковского «Польско-ярузельская война. Военное положение в Польше. 13/XII 1981—22/VII 1983», «первая достаточно полная монография о военном положении, написанная известным историком. Увлекательное чтение не только для тех, кто все это пережил, — пишет Анждей Ростоцкий. — Я никогда не думал, оценивая военные силы, брошенные против общества, что они были так велики. Из казарм были выведены целых 80 тыс. солдат, танки, БМП и артиллерия. Это надо прочитать!»

*** Выход книги «Упражнения в памяти», последнего тома избранной театральной эссеистики Эрвина Аксера, придал особой праздничности торжествам его 90-летия. «Режиссер, родившийся в 1917 г. в Вене, не верил ни в модные веяния, ни в силу молодости, — пишет Иоанна Деркачев. — Он не примыкал к глашатаям соцреализма, с недоверием присматривался и к движению студенческих театров. (...) его театр — это прежде всего театр, спасающий и сохраняющий утраченное время, отходящие эпохи, уходящие поколения». Что не помешало ему, возглавляя на протяжении почти сорока лет варшавский Современный театр, ставить на польских сценах Славомира Мрожека, а также пьесы Уайлдера, Дюрренматта, Фриша, Беккета, Ионеско.**

* Первым лауреатом московской Мейерхольдовской премии, присуждаемой за выдающийся вклад в театральную режиссуру, стал польский режиссер Кшиштоф Варликовский, который показал в Москве спектакль «Крум» по пьесе израильского драматурга Ханоха Левина. «Варликовский, — пишет из Москвы Томаш Белецкий, — это один из авторов художественной революции, которая произошла у нас около десяти лет тому назад. Тогда зрители убедились, что спектакль может стать не только развлечением, но и терапией, молитвой, травмой или культовым событием». На несколько дней Варликовский стал героем московских СМИ, а на церемонии вручения премии был представлен только что вышедший посвященный ему альбом.

*** Збигнев Яжина, еще один режиссер варшавского театра «Розмаитости» («Всякая всячина»), в котором работает и Варликовский, поставил в венском «Бургтеатре» свой вариант древнего мифа о Медее. «Мне было важно, чтобы венская «Медея» стала современной эманацией мифа. Я хотел показать, — говорит Яжина, — каким предстает он в наши времена».**

* За спиной новаторов из «ТР» возникают новые сцены и новые замыслы. В кофейне «Культурная», пристроенной к варшавскому Драматическому театру, регулярно проходят выступления сламовцев. «Слам — это прежде всего интерактив со зрителями. Комментарий, живая реакция», — пишет журналистка. Способ подать поэзию, который все чаще заменяет все остальные, но в то же время и втискивается в театральные схемы.

*** В Варшаве в возрасте 70 лет скончалась популярная исполнительница песен Данута Ринн.**

* Подводя итоги 2006 г. в области музыки, Роберт Санковский пишет: «Минувший сезон в Польше — это два значительных явления. Первое — целый фейерверк фестивальной жизни. (...) Второе явление — возрастание значения альтернативных каналов пропаганды музыки. Альтернативных сегодня, ибо завтра они могут стать доминирующими. (...) Пока что в польском Интернете лучше всего идут шутки, но уже завтра популярность могут завоевать серьезные мастера. И тогда мы сможем говорить уже не о курьезе, а о революции».

*** В Варшаве завершился фестиваль «Watch Docs. Права человека в кино». Тадеуш Соболевский пишет об этом следующее: «В логотипе фестиваля (...) лающая собака, стерегущая дом. Этот символ прекрасно соответствует тем фильмам, которые были отмечены премиями. Собака не обязана знать, что чем обусловлено, и принимать во внимание исторические обоснования, которыми руководствуется агрессор. Она беспристрастна. Она лишь предостерегает от перехода границы, от нарушения прав человека».**

* Звание «Журналист года» в конкурсе «Гранд-Пресс» получили Томаш Секельский и Анджей Морозовский, авторы программы «Теперь мы» на частном телеканале ТВН. Получая премию, Секельский привел китайский анекдот о разнице между собакой и львом: «Собака бежит за палкой, которую кто-то бросил. А лев следит за рукой того, кто бросил. Такова разница между плохим и хорошим журналистом».

*** Продолжается дискуссия об авторских правах на фильмы и программы, снятые во времена ПНР на государственном телевидении. Тогдашнее беззаботное отношение к собственности мстит сегодня, в том числе и авторам, и в результате неизвестно, кому принадлежат права на самые популярные программы и сериалы. Поэтому, например, невозможно показать самые популярные и по сей день сериалы, снятые в ПНР, такие как «Четыре танкиста и собака», «Ставка больше чем жизнь»: государственное телевидение, принявшее их как «законное наследство», не желает их показывать, так как они фальсифицируют историю, но в то же время не желает даже за деньги предоставлять их тем, кто в подобных ситуациях согласен на некоторые поэтические вольности. Противники Польского ТВ требуют создать наконец общедоступный архив и собрать в него все снятые прежде на бюджетные деньги телепрограммы и фильмы. Рассматриваются и другие возможности, но пока что сохраняется патовая ситуация, а Польское ТВ играет роль собаки на сене: сама не ест и другим не даст.**

* Двадцать пять лет со дня введения военного положения — это также повод отметить четверть века создания расцветших в то время подпольных структур и организаций. Быть может, самым важным событием в тот период стала организация — уже существовавшего, впрочем, и раньше — подпольного издательского движения. В этом смысле следует вспомнить шумно отметивший свой 25-летний юбилей, но сегодня уже, разумеется, не существующий «Тыгодник Мазовше». ««Тыгодник», — пишет Павел Смоленский, — был таким чудом конспирации, какого прежде не случалось даже с нами, знающими толк в кознях поляками, устраивавшими заговоры против царей, Гитлера и отечественных держиморд. Он был (...) кровеносной системой оппозиционной работы. А также символом свободной Польши во времена порабощения».

*** «Только искусство тебя не обманет» [по-польски «искусство» и «обманет» рифмуются: «штука» и «ошука»] — этот текст с плаката Павла Яродского стал своего рода девизом необычайно любопытной выставки — «Польская живопись XXI века» в галерее «Захента». «В этой гигантской экспозиции, — пишет Дорота Ярецкая, — принимают участие 60 художников, представителей нескольких поколений из самых разных мест, живущих и работающих как в Польше, так и за границей. (...) Моравинская, куратор выставки, руководствовалась простым принципом: необходимо показать, что делали польские художники на протяжении последних шести лет. Она отказалась от идеологической или философской постановки вопроса (...) Однако, чтобы все не было чересчур уж просто, она отказалась от чисто технологического определения живописи. Речь идет не об отступлении в эпоху холста, кисти и терпентина, а о том, чтобы увидеть, что сегодня художники думают о живописи. Отсюда несколько растянутые границы жанров на этой выставке. А моменты, когда живопись выходит за свои традиционные рамки, создают на выставке напряжение».**

* В здании Королевского замка в Варшаве открылась выставка «У трона Царицы Польши», на которой экспонируются сокровища из крупнейшего польского места поклонения Пресвятой Деве Марии — монастыря ордена паулинов на Ясной горе в Ченстохове. «Выставка, — пишет Ежи С. Маевский, — это нечто вроде повествования об ис-

тории Ясногорского монастыря через самые ценные предметы, приносимые сюда в дар от средневековья по сей день».

*** На 2007 год известные критики предсказывают: в области литературы это будет «голос новой эмиграции. Польская эмиграция в ЕС — явление впечатляющее, она еще не сыграла в культуре такой роли, как предыдущие волны большой эмиграции. Но такая роль ей безусловно предначертана». Этот год также должен стать «годом польской популярной литературы. Не объемного романа о духовном состоянии нации, а скорее компактных, жанрово многообразных книг, которым теоретически отведены нижние полки». В области театра 2007 год должен стать «годом восстановления интереса к частной жизни. После повышенного интереса к жанру политического театра нас ожидает его постепенная эволюция. (...) Короткие истории, экономность формы, сказочность сообразно духу нашего времени — вот те средства, которые будут использовать артисты». А в области кино — «год первых польских фильмов, снятых за немалые деньги. (...) Новинкой окажется волна исторических картин — это будет первая в свободной Польше столь масштабная попытка кинематографистов померяться с новейшей историей». В области изобразительного искусства нам обещают «год польских художников за границей. Их присутствие на международной сцене станет еще более интенсивным, чем в 2006 году. (...) Не только мы сами продвигаем и показываем в мире наше искусство. Польские художники все чаще получают приглашения от зарубежных кураторов». В области музыки это будет «год Шимановского. Сейм утвердил закон, объявляющий 2007 год «Годом Кароля Шимановского». Следует скоординировать усилия, чтобы Шимановский стал нашей визитной карточкой, подобно тому, как это сделали наши соседи с Яначеком и Дворжаком». Это будет также «год польской музыки в Интернете. (...) Если и можно где-то найти настоящее и полное отражение отечественной музыкальной жизни, то только в Сети». И, наконец, на телевидении предполагается «год тематических каналов. На всех крупнейших телеканалах мира уже давно знают, что продукт, удовлетворяющий сразу всех, не удовлетворяет никого. (...) Среди новых тематических каналов уже работает канал ТВН «Война и мир», предлагающий телезрителям советскую и российскую фильмографию».**

11 декабря 2006 года в посольстве Польши в Москве состоялся вечер, посвященный 15-летию установления дипломатических отношений между Польшей и Литвой. В его рамках прошла презентация изданной на русском языке книги «Беседы с Чеславом Милошем» Александра Фьюта (перевод Анатолия Ройтмана, «Балтрус Новое издательство», Москва, 2006).

Вечер, в котором приняли участие послы Польши и Литвы, вел директор Польского культурного центра в Москве доктор Хиероним Граля, представивший собравшимся автора книги профессора Ягеллонского университета Александра Фьюта. На вечере звучала и поэзия Чеслава Милоша: на разных языках была прочитана поэма «Орфей и Эвридика», русский перевод ее (впервые опубликованный в журнале «Новая Польша», № 11, 2002) озвучил атташе по культуре посольства Литовской Республики в Москве, известный литовский актер Юозас Будрайтис.

Многогранное творчество Чеслава Милоша становится ближе российскому читателю. Порой самым неожиданным образом.

Выходящий в Москве международный научный журнал «Культурно-историческая психология» в № 2 за 2006 год перепечатал эссе Милоша «Счастье» (перевод Анатолия Ройтмана), впервые опубликованное в журнале «Новая Польша», № 7-8, 2005. В предисловии к публикации сказано: «К сожалению, наука часто удаляется от жизни на значительное расстояние, забывает ее запахи, звуки, тепло… Для того, чтобы напомнить о существовании подобного явления, редакция взяла на себя смелость иногда дополнять научные материалы новой рубрикой, в которой будут публиковаться короткие феноменологические нарративы, позволяющие читателю сопережить с автором его личный жизненный опыт».

Яцек Май

ПРИЧЕРНОМОРСКИЕ СОКРОВИЩА В КРАКОВЕ

На краковской выставке было продемонстрировано свыше пятисот произведений доисторического, древнего и средневекового искусства. И хотя экспонаты из одесских музеев уже выставлялись за пределами Украины (в частности, в Италии и Франции), в Польше их было представлено больше, чем где бы то ни было, что еще раз подтверждает особенно интенсивное в последние годы научное сотрудничество двух стран. При этом следует помнить, что участие поляков в причерноморских археологических раскопках имеет свою давнюю традицию. Назовем для примера Яна Потоцкого, автора «Рукописи, найденной в Сарагосе», который, вероятно, первым отождествил остров Змеиный с островом Ахилла Левке (Белым). Как писал поэт Арктин Милетский (середина VII в. до н.э.), «Фетида, придя вместе с музами и сестрами, оплакивает сына, а потом, похитив из костра труп [Ахилла], переносит его на белый остров».

Одним из многих поляков, занимавшихся изучением древней истории северного побережья Черного моря, был Юзеф Игнаций Крашевский. «Уже сама классическая земля, на которой стоит Одесса, — писал он в своих воспоминаниях о путешествии 1843 г. — земля, описанная Геродотом, известная грекам и римлянам, усеянная обломками греческих амфор, изобилующая античными, быть может, единственными у нас памятниками старины, склоняла людей к поискам и исследованиям, к изучению древней истории, давая все новые поводы задуматься, преподнося все новые нерешенные загадки». Интересовавшийся археологией писатель был даже принят в Одесское общество истории и древностей, которое, по словам Крашевского, «весьма усердно [занималось] и местными раскопками, и собиранием памятников старины, и, наконец, обсуждением древней истории этого края».

Начиная с I тысячелетия до н.э. и кончая первыми веками н.э. причерноморские степи населяли кочевые народы, чью историю можно условно разделить на три периода: киммерийский (X-VIII в. до н.э.), скифский (VII-III в. до н.э.) и сарматский (II в. до н.э. — IV в. н.э.). Потом через территорию нынешней Украины с востока на запад прошли многочисленные захватчики: гунны, авары, хазары, булгары, венгры, печенеги, половцы и наконец тараро-монголы. В то же время, начиная с первой половины VII в., первые колонии на северном побережье Черного моря начали основывать греки, чья культура повлияла на скифов. Конфликты городов-государств (например, Тиры, Никония, Ольвии, Херсонеса) с их соседями-варварами продолжались на протяжении всего греко-римского периода. Как видно, «древняя история этого края» была очень непроста.

В Кракове были представлены экспонаты медного и бронзового веков: золотые предметы, монеты, керамические сосуды, лампы, стекло, гипсовые рельефы и скульптуры. «Что до искусства — авторитетно заявлял Крашевский, — то дошедшие до наших дней остатки архитектуры, несколько барельефов и обломанных статуй довольно красивого стиля, а особенно многочисленные глиняные сосуды, осколки которых бывают подчас чудесно обработаны, подтверждают, что в этом отношении ольвийцы не отставали от других греческих колоний в Азии и Европе». Также и монеты отличались высоким художественным уровнем. Отчеканенные на них изображения (например, портреты и животные) позволяют проследить изменения в греческом искусстве начиная с древнего и кончая эллинистическим периодом.

Из золотых предметов своей красотой особенно выделялись ожерелья из сарматских захоронений. Фотография одного из них — медальона в виде ночной бабочки — была использована в афише, рекламировавшей краковскую выставку. Круглая голова насекомого украшена стеклянной вставкой, а его тело представляет собой продолговатую голубую бусину. Тонкое обрамление крылышек, усики и ножки сделаны из золотой проволоки. В другом кургане на территории Одесской области было найдено ожерелье с подвеской в виде пчелы. Похороненная там сарматка была одета в богатое платье, вышитое золотыми нитками и бисером. Кроме того, щеголихе I-II в. н.э. принадлежало зеркало в футляре и деревянная шкатулка для косметики с отделениями для разных красок. Еще одним представленным на выставке женским украшением был созданный приблизительно тысячу лет спустя великолепный серебряный нагрудник — вероятно, работа византийского мастера. Не исключено, что его выменяли на русских невольников. Половцы, которые начиная с IX в. были опасными соседями славян, продавали людей на Восток и в Византию, получая взамен вино, дорогие ткани и ювелирные изделия.

Коллекцию античных ваз, расписанных, в частности, мифологическими сценами (сатиры и танцующе менады, Геракл, сражающийся с амазонками), я смотрел с «Палатинской антологией» в руках. Преследуемой Эротом женщине я прочитал эпиграмму: «Бежать от Эрота? Напрасный труд. Не ускользнуть мне пешему, когда крылатый идет по пятам». Вот почему встреченного на пути спящего Эрота (на выставке это глиняная фигурка I в. н.э.) лучше обходить стороной: «Осторожно там проходи, потихоньку, чтобы случайно не разбудить мальчика, погруженного в мягкий сон». Однако можно ли убежать от судьбы? Рельефная сцена с Эротами, помогающими делать вино, украшает цоколь, на котором стоит фигурка богини Тихе. В «Антологии» о ней написано так: «Игрушка Тихе — вот наша жизнь, бедная скитальческая жизнь, блуждающая между богатством и нуждой. Одних, кого Тихе растоптала, она снова подбрасывает как мяч, а других из просторов, из облаков бросает в подземную тьму»

С миром усопших связаны гипсовые рельефы, прикреплявшиеся к бокам греческих деревянных саркофагов. На выставке мне запомнилась Ехидна — дочь Тартара и Геи, богиня на змеиных ногах. Ее популярность в греческих полисах на северном побережье Черного моря имеет непосредственную связь с мифом о происхождении скифов. «Геракл, гоня быков Гериона, — рассказывает в своей «Истории» Геродот, — прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). (...) Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли. Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и, наконец, прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя — змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной». Одним из их троих сыновей был Скиф — родоначальник скифских царей.

«Сокровища с берегов Черного моря. Золото, скульптура, керамика из Одесского археологического музея», краковский Национальный музей, 18.03. — 04.06.2006. Куратор — Ярослав Бодзек.

Наталья Будзан

ВРОЦЛАВСКИЕ ВСТРЕЧИ ТЕАТРОВ ОДНОГО АКТЕРА

Вроцлавские встречи театров одного актера (ВроВТОА) оставили в стороне дискуссии о девальвации слова в театре. Важнее всего здесь контакт зрителя с актером. Оказалось, что всегда есть публика, которая готова встретиться с авторами спектаклей — актерами и режиссерами — в камерной обстановке, готова поделиться своими впечатлениями и выслушать театральных критиков. Директора ВроВТОА Веслава Гераса, который организовал уже сороковые по счету встречи и стал душой этого, пожалуй, самого старого места встреч и фестивалей театров одного актера, поддерживает Вроцлавское общество любителей театра. Оказывается, даже в эпоху электронных СМИ ценным остается живой контакт с артистами и людьми театра, возможность наблюдать за их актерским мастерством, соприкоснуться с их мироощущением и просто узнать, каков их взгляд на всё, что происходит сегодня в обществе. В этом году было решено, что список премий пополнится премией за сценарий. Но самая главная здесь премия — это зрительская премия им. Лидии Замков и Лешека Хердегена, краковских мастеров монодрамы. В этом году ее получил актер из Болгарии Николай Урумов. Пьеса под названием «Жизнь в картонных коробках» напоминает абсурдный театр Беккета и в то же время покоряет своим современным юмором. Герой пьесы — новый тип лишнего человека, безработный болгарский инженер, история которого могла бы произойти в любой другой европейской стране. Человек этот становится мудрецом, невозмутимо принимает и маску клоуна, и свой конец. Режиссер Невена Митева на основе прозы Ивана Кулекова создала изящную конструкцию спектакля, где зрителя напряженно ведет музыка, словно бы непринужденно и изящно создаваемая самим актером. Николай Урумов получил также «Гран-при Герас» и приглашения на другие фестивали театров одного актера в Европе.

Замечательный актер Бронислав Вроцлавский, игра которого в пьесах Эрика Богосьяна вот уже много лет подряд притягивает к себе неослабевающий интерес публики, в первой монодраме пригласил зрителей в путешествие, на прогулку по улицам столицы и ее предместий. «Секс, травка и рок-н-ролл» — это не просто история с Невского проспекта, где все куда-то спешат; здесь мы наблюдаем сквозь лупу жизнь в толпе, где мечутся бедняки и миллионеры, одинаково потерянные, цепляющиеся за иллюзорные надежды, включенные в поведенческий автоматизм, пытающиеся скрыть свой страх перед экзистенциальной пустотой. Эрик Богосьян разрушает американские сны об успехе и в пьесе-пародии на телевизионную викторину «Лбом забивая гвозди в пол», где возвращаются некоторые персонажи из первой пьесы. Бронислав Вроцлавский мастерски перевоплощается из одного персонажа в другой. Зритель верит ему, когда он предстает то в образе упитанного, грузного бизнесмена, то старика-нищего, то юного хулигана.

Провокацией, подрывающей роль актера и смысл театра, была третья пьеса — «Проснись и почувствуй вкус кофе», на которую зрители реагировали очень живо. В Польше тоже огромное влияние на стиль жизни оказывают телевидение и пресса, работает конкуренция, уничтожая связи между людьми, вводя в их поведение автоматизм, а жажда прибыли не раз угрожает самой природе. Не свободны от законов рынка и театральные артисты. Нью-йоркца Эрика Богосьяна, родом армянина, называют совестью Америки. В Европе его можно назвать еще и европейцем — благодаря его связи с традицией Г.И.Гурджиева, который привез в США свою концепцию разных состояний сознания и идею об экологии природы.

Режиссер всех трех спектаклей Яцек Орловский позаботился и о том, чтобы польский текст пьес живо соотносился с оригиналом, а язык и жанр пьес Богосьяна вызвали оживленные споры. Актер удостоен специальной премии президента города Вроцлава, он получил также «Гран-при Герас».

Любителям прекрасного литературного текста был адресован спектакль «Иуда Искариот» Леонида Андреева; его исполнитель, актер Александр Рубиновас, был награжден премией за лучшую мужскую роль на проходившем в Петербурге фестивале «Балтийский дом» 2006 года.

К сожалению, в Польше творчество «писателя ночи», экспрессионистического символиста малоизвестно. Пьесу можно понять как драму власти. «Я прекрасный», — спокойно заявляет Иуда и до самого конца убеждает, что добро и истина на его стороне. Актер сам освещает сцену, сам несет стол — и крест, и символ власти; актер становится одновременно автором происходящего на сцене. Андреев ненавидел насилие и террор революции, был далек от всяческой узурпации власти над искусством. Режиссер Станисловас Рубиновас отбросил то, что характерно для экспрессионистского стиля Андреева: хаос, спешку, нетерпение, резкость, — и оставил атмосферу страдания и горечи существования, просветленную лишь едва намеченным образом улыбающегося, кроткого Христа.

Несмотря на актуальность в Европе библейского мотива Иуды, хотя бы с точки зрения издательского успеха Дэна Брауна, к пьесе был проявлен весьма умеренный интерес. Спектакль был сыгран для камерной аудитории, зрители откликнулись более живо лишь тогда, когда актер стал играть по-польски. После спектакля режиссер, обращаясь к зрителям, заметил, что язык писателя все же требует понимания определенных языковых тонкостей. Следует отметить, что в зрительном зале присутствовал литовский посол Эгидиюс Мейлунас.

Как и болгарский спектакль, монодрама из Литвы вызвала большой интерес побывавших во Вроцлаве директоров подобных фестивалей за границей. Александр Рубиновас получил премию им. Яна Халадая, нижнесилезского общественно-политического деятеля.

Гораздо проще для восприятия оказался спектакль «История села Горюхина» по повести Пушкина, поставленный Андреем Андреевым. Актер Петербургского молодежного театра Сергей Барковский, используя в спектакле традиции балагана, угощал зрителей «деликатесами из Горюхина». На смену ностальгии по прежним временам приходила ирония по отношению к временам совсем уже новым. Актеру была присуждена премия маршала Нижнесилезского воеводства.

Возвращением к романтическому взгляду на мир стал спектакль из Штутгарта. Пьесой «Одиночество купальщицы. Секрет синевы» молодая актриса смело создала свой собственный театр «Compagnie Vanessa Valk». К вечной теме любви и смерти, страдания, вдохновленной поэзией Жана Кокто и жизнью художницы Фриды Кало, актриса подошла смело и оригинально. Ее форма психологического театра, где поэзия слова сочетается с прекрасными образами, а граница сна и действительности стирается, больше всего очаровала молодых зрителей. Актриса ввела в спектакль кукол, которые как будто разговаривают с ней. Это был, можно сказать, «анатомический театр» со стилизованной «этнической» музыкой, придающей всему спектаклю сильное, эмоциональное настроение. Актриса получила премию Немецкого общественно-культурного общества.

Следует еще сказать о спектакле «Нижинский», в основу которого легли фрагменты «Мемуаров» великого танцовщика; его роль сыграл Камиль Мачковяк, молодой актер, выпускник балетного училища. Единственным замечанием к этому спектаклю может быть то, что по критериям ВроВТОА он оказался слишком длинным.

Директор фестиваля получил благодарность за поддержание оживленных контактов между театральными деятелями Востока и Запада. На научной конференции, после выступлений журналиста Томаша Милковского, профессора Анджея Журовского и прибывшего из Австралии профессора Стефана Мровинского, развернулась оживленная дискуссия, касавшаяся, в частности, и меркантильной стороны постановки монодрам.

В рамках ВроВТОА в конце ноября в Нижнесилезском регионе были показаны также спектакли лауреатов предыдущих фестивалей, в том числе «Где же лучше?» Феликса Камы, лауреата премии зрителей им. Лидии Замков и Лешека Хердегена, в постановке Андрия Кретенко из Киева и поэтическая монодрама Лидии Данильчук «Белые мотыльки, плетеные цепи...» по поэтическим произведениям Василя Стефаника. А в Торуни предполагается выступление Бируте Мар из Вильнюса со спектаклем «Слова на песке» по пьесе С.Беккета «Счастливые дни».

Магдалена Байер

ИЗ СЕДЛА НА КАФЕДРУ

Династия Ахматóвичей

Герб Ахмат

Бергалишки и Тенюковщина лежат на той земле, где, как писал о. Валериан Мейштович*, «все мы были литвинами — во дворцах, хатах и усадьбах, и никому это не мешало быть поляком». На этой земле жили также испокон веков татарские семьи, которые быстро стали изобиловать польскими патриотами.

«Грюнвальд, меч, король Ягелло...»

У князя Витольда служили в полку татарской конницы предки моих собеседников — Ахматовичей, после II Мировой войны поселившихся в Варшаве. Самые древние документы, свидетельствующие о том, что бежавшие из Казанского ханства татары осели в Ошмянском уезде, датируются рубежом XIV-XV веков. Во времена правления Саксонской династии они были солдатами, при короле Станиславе воевали на стороне Барских конфедератов**, но вернулись на службу к последнему монарху, который вознаградил их за это, наделив земельной собственностью. С XVIII века семейным гнездом рода Ахматовичей стали Бергалишки, где появились на свет Осман и Селим. Третий мой гость, Александр Ахматович, их двоюродный брат, родился в другом имении — Тенюковщине, тоже расположенной на Ошмянской земле. Путь, проделанный оттуда до Института электронных материалов, где работает кандидат наук Селим Ахматович, и до истфака университета, который окончил Александр, долог и переплетен с национальной историей, но в то же время типичен для родословных польской интеллигенции. На нем осталось много свидетельств боевой доблести, ибо Ахматовичи, особенно в давние времена, были чаще всего солдатами, а в мирное время возделывали землю в своих имениях.

Когда уже надвигалась угроза войны с большевиками, дед Османа и Селима отправился в Варшаву — прорвавшись через охрану Бельведерского дворца с помощью всего-навсего визитной карточки, он получил от Пилсудского, своего одноклассника, разрешение сформировать полк татарской конницы. Его юношеское знакомство с Юзефом Пилсудским позднее сыграло важную роль в биографии одного из его сыновей.

---

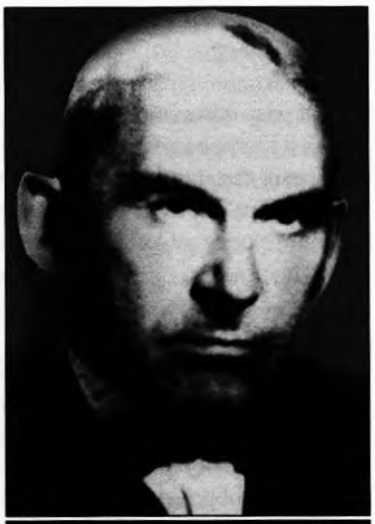
* Профессор и священник Валериан Мейштович (1893-1982), с 1932 — советник польского посольства в Ватикане по церковным вопросам, после войны — один из учредителей и президент Польского исторического института в Риме.

** Барская конфедерация — восстание шляхты (1768-1772) против короля Станислава Августа Понятовского и России за независимость Польши и привилегии шляхты. Ее поражение привело к первому разделу Польши.

Профессии достойные и похуже

Кроме участия в боях, для чего не требовалось образования, шляхтич, как говорит профессор Осман Ахматович, мог стать правоведом, чтобы умничать на сеймиках, или изучать сельское хозяйство, чтобы лучше хозяйствовать на своей земле. Работа «по найму» была не в почете.

Вышеупомянутый дед моих собеседников был как раз правоведом. Из четырех его сыновей наперекор традиции Леон стал врачом, а Осман-старший — химиком. Селим Ахматович безоговорочно утверждает: «Профессия врача была одобрена, так как это была свободная профессия. Химик — это никто. И дед по этой причине постоянно третировал нашего отца». У старшего брата сохранились несколько иные воспоминания: оба помнят, что когда их отец получил премию за научные достижения и отправился в Оксфорд, а там подтвердил свою докторскую степень, полученную в Вильно, то дед в конце концов одобрил выбор жизненного пути, сделанный самым младшим сыном, и пожелал поселиться вместе с ним в Османувке, небольшом родовом имении. До конца жизни их связывала большая дружба.



Проф. Осман Ахматович (старший)

Ближе к науке

Леон Ахматович, дядя моих собеседников, окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге и стал известным хирургом. Мне кажется, с него и можно начинать историю «династии ученых», так как он опубликовал много научных трудов в польской и иностранной периодике. Однако, используя это определение, следует помнить, что все происходившее с ними никогда одной лишь «ученостью» не ограничивалось — как по историческим обстоятельствам, так и по личным склонностям и темпераменту.

Судьба щедро отпустила Леону поразительные жизненные обстоятельства и разнообразные трудные положения. В межвоенные годы он был ординатором университетской клиники в Вильно; два последних года перед войной проработал в больнице в Барановичах. Оттуда уже после начала военных действий он бежал в Центральную Польшу, опасаясь ареста, так как неприязни к большевикам никогда не скрывал. Арест грозил ему и позже, в конце войны, когда он был директором больницы в Ченстохове. 17 января 1945 г. в дверь позвонил старый знакомый, русский по фамилии Демьянов, которого прежде считали белоэмигрантом, и с порога объявил: «Сегодня ночью я вас арестую». Пришлось бежать, сменив фамилию, и какое-то время скрывать свою профессию. Когда Леон Ахматович, он же Маевский, восстанавливал разрушенную больницу где-то под Гданьском, его обнаружила и арестовала военная контрразведка. Тогда за прокурорским столом ему встретился другой большевик, который был обязан известному хирургу жизнью: до войны при аресте он получил тяжелые огнестрельные ранения. Прокурор выпустил врача из тюрьмы, дал немного денег и посоветовал уехать в «Тризонию», то есть в оккупированную тремя западными странами-победительницами часть Германии. Леон расстался с Польшей навсегда, впоследствии поселился в Канаде, где и умер. Его сын Мацей некоторое время был директором фирмы «Дженерал моторс» — пост, на который крайне редко ставят иностранцев.

Самый младший — ученый

Дед моих героев, директор департамента юстиции Центральной Литвы*, сенатор Речи Посполитой, как мы уже знаем, не был в восторге от того, что его младший сын пошел изучать химию. Осман еще во время учебы получил стипендию Фонда Юзефа Пилсудского. Он был одним из любимых учени-

* Центральной Литвой называлось созданное в 1920 на территории Виленщины марионеточное государство, в 1922 г. включено в состав Польши. — *Ред.*

ков выдающегося химика проф. Казимежа Словинского; профессор «толкнул его на научный путь», который он проходил, окончив Виленский университет им. Стефана Батория, в Оксфорде под руководством выдающегося химика сэра Роберта Робинсона, впоследствии лауреата Нобелевской премии.

Осман-младший обращает внимание на атмосферу, пробуждавшую интеллектуальные устремления и интерес к точным наукам, которая царила в Вильно, когда там учился его отец. Это место и это время подарили нам многих выдающихся химиков, физиков, астрономов, работавших после войны главным образом в Торуни, но и в других вузах. Селим вспоминает, что профессор Словинский сказал его отцу: «Осман, пришло тебе время оставить Вильно. Надо идти дальше и научиться большему». Помня, что он в долгу перед своим учителем, Осман платил этот долг... своим ученикам, для которых он успешно добивался поездок за границу, что, например, в 40-е годы требовало прямо-таки героических усилий.

Осман Ахматович-младший обращает сегодня внимание на особую интуицию своего отца, позволявшую ему безошибочно чувствовать, когда ученика следует «отпустить из ученичества» в самостоятельное плавание на научном поприще, а такой момент у разных людей приходится на разные периоды ученичества.

Профессор Ахматович умер в 1988 году. В нескольких научных центрах работают сильные группы химиков — его прямых учеников или уже «внуков».

Осман Ахматович:

— С сожалением вынужден констатировать, что у отца были не слишком благоприятные обстоятельства для собственной научной работы. Самостоятельным он стал незадолго до войны — он был очень молодым, 37-летним профессором. Переехал из Вильно в Варшаву, получив кафедру органической химии фармацевтического факультета Варшавского университета, и успел открыть дорогу к защите диссертации нескольким своим ученикам.

Во время войны профессор Ахматович участвовал в подпольном преподавании, но научной работой не занимался. Организация новой лаборатории требует большого объема работы, прежде чем от большой группы останется меньшая, действительно способная к научной работе. Профессор Ахматович воспитал такие группы в Варшаве — в университете и в Институте органической химии Польской АН, а также в Лодзи, где его ученики организовали Центр молекулярных исследований, разросшийся в крупный институт.

Само собой разумеется

Осман, сын Османа, — сегодня, как и его отец, профессор-химик. Интересовался философией, но идти на философский факультет никогда не думал. Ему представлялось само собой разумеющимся выбрать из естественных наук ту, которой занимался отец. В 1975 г. он стал профессором. Работал в Институте органической химии ПАН, в Высшем сельскохозяйственном училище, в Сельскохозяйственной академии, преподавал за рубежом, участвует в деятельности нескольких научных обществ, опубликовал десятки работ. Его жена Барбара — адъюнкт в Институте органической химии ПАН. Младший брат Селим не стал заниматься чистой наукой, но он тоже химик.

Научная карьера представлялась потомкам Ахматовичей из Бергалишек и Тенюковщины само собой разумеющейся еще и потому, что в семье были и другие ученые, например тесть обоих братьев, Леона и Османа, выдающийся математик профессор Виктор Станевич, преподававший в Санкт-Петербургском высшем артиллерийском училище, где математика была на очень высоком уровне, а позднее — в Виленском университете им. Стефана Батория, где он был ректором. Свадьбы отца и дяди моих собеседников с двумя дочерьми профессора состоялись не в Вильно, потому что невесты были католички, а женихи — мусульмане. В брачном контракте было записано, что потомки мужского пола будут воспитываться в вере татарских предков, и сегодня сыновья проф. Османа Ахматовича вспоминают, что все их (не слишком богатые) знания об исламе они почерпнули от матери-католички, которая отнеслась к этой задаче весьма серьезно. Среди Станевичей в следующей поколении тоже были люди, занимавшиеся наукой. Профессором биологии в Люблинском университете им. Марии Кюри-Скло-

довской был двоюродный брат Богдан Роткевич. Двоюродная сестра Тереса Ахматович-Шмайке, кандидат физических наук, много лет работала в Институте ядерных исследований, из которого ей пришлось уйти из-за активного участия в «Солидарности».

Третий мой собеседник, Александр, будучи историком и человеком, увлеченным историей рода, знающим ее лучше других, начинал свое высшее образование с текстильного дела, точнее со связанной с этим химии, в Лодзинском политехническом институте, где в то время работал его дядя Осман-старший. Александр хотел учиться в киношколе, но поступить туда было трудно, думал он и о правоведении, но против была мать, травмированная воспоминаниями о потере мужа-судьи: его арестовало НКВД в Вильно, и он больше никогда не вернулся домой. Пойти на истфак Александру посоветовал приятель. Закончив университет, он занялся журналистикой, переводами, постоянно занимался историей, не будучи связан ни с какими учреждениями.

Польские интеллигенты

Селим Ахматович:

— Если меня спрашивают, кто я такой, то я — перефразируя сказанное отцом: что он ополячившийся литовский татарин, — отвечаю, что я охристианившийся мусульманский атеист.

Татары, которые на польских землях быстро утратили свой язык, может быть, именно поэтому считались не столь чужими, как другие меньшинства.

— Тот факт, что наша семья — мусульманская, — говорит Осман Ахматович, — в семейной традиции всегда подчеркивался.

Когда я спрашиваю про другие важные аспекты семейной традиции, то слышу в ответ: «Патриотизм. Польский патриотизм». Селим, самый младший, в начале войны был маленьким мальчиком и нередко засыпал под чтение романа Сенкевича «Огнем и мечом» при свечах в Османувке. Все-таки он запомнил, что «тогда-то мы и прониклись духом патриотизма, желанием вернуться в те замечательные времена борьбы за Речь Посполитую». Впрочем, отец в сентябре 1939 г. отправился из далекой Османувки в Варшаву, чтобы записаться в армию, несмотря на то, что был освобожден от мобилизации по здоровью и возрасту. Зато его сыновья знали, что «так надо поступать».

Александр Ахматович со всей тщательностью историка перечисляет тех членов семьи, которые погибли от рук большевиков или в тюрьмах НКВД. Он отмечает, что горячий патриотизм был основой этики «поляков разных национальностей, населявших восточные окраины Польши», этики, перенесенной в новую, послевоенную действительность.

История рода Ахматовичей, представленная тут весьма сжато, прекрасно отражает процесс формирования династий интеллигенции родом из дворянско-помещичьей среды. Дед, помещик, вовлеченный в публичную жизнь как юрист, гораздо больше времени проводил в Петербурге и Варшаве, чем в Бергалишках. Отец и дяди уже принадлежали к профессиональной интеллигенции. С Османа Ахматовича-старшего в роду пошла линия ученых, которая, наверное, будет по-прежнему проявляться в следующих поколениях. Память о родословной — татарской, мусульманской, «кресовой», патриотической, «от князя Витовта», хотя понятие отечества тогда значило не совсем то, что сейчас, — эта память обогащает личность, обеспечивает такому слою преемственность, обещает обществу большую пользу.

ЧИТАТЕЛЬ — АВТОРУ

Дорогие друзья, добрый день! Я давний и благодарный читатель вашего журнала. Спасибо, вы меня даже напечатали в 2004-м. Сегодня моё письмо адресовано Н.Е.Горбаневской. Прошу вашего содействия в доставке его адресату и заранее благодарю. Изданию вашему всяческих успехов. В непростое время вы делаете нужное дело. Мне так хочется, чтобы когда-нибудь наши народы стали ближе, обрели взаимное доверие. Понимаю, как это непросто при противодействии политиканов. Но всё-таки надеюсь и верю.

С уважением Владимир Крюков
Западная Сибирь, город Томск, его пригород Тимирязево

Польша, Горбаневской Наталье Евгеньевне

Наталья Евгеньевна, весной 1967 (или 68-го) студент-геолог Витя Лойша привёз из Москвы в Томск большую подборку стихотворений под названием «Потерянный рай». Так я в числе прочих познакомился с Вашими стихами. Стихи полюбились и запомнились, имя тоже. Потом, вскоре после Чехословакии, меня из университета погнали, потом мы узнали имена вышедших на Красную площадь. Чуть позже сдружился с ребятами, через которых проходил самиздат и тамиздат. И если до середины 70-х мне ещё хотелось напечататься в каком-то журнале, не ссучиваясь при этом, и я не знал, как это возможно, то позже, читая Бродского, Корнилова, Горбаневскую, Кублановского, Коржавина я совершенно успокоился в этом смысле.

На рубеже 90-х в одной дискуссии обиженный лауреат комсомольских премий закричал мне: «Я знаю, откуда твоё раздражение. От зависти. Мы — ровесники, и у меня четыре книжки, а у тебя ни одной». Я, помню, оторопел, не смог сразу ответить, только рассмеялся и помотал головой, и молодые ребята меня поддержали, похлопали.

Потом меня напечатали в некой обойме, потом отдельно. Горжусь, что к одному сборнику написал предисловие А.С.Кушнер. Вообще его письма, как и письма В.Н.Корнилова, очень поддерживали меня в жизни.

Я отступил от главной темы, но теперь уж доскажу о себе. Сегодня мне уже 57. Последние 30 лет живу в посёлке под Томском. Работал учителем словесности в зоне строгого режима, сторожем, во времена перестройки в новой городской газете, в правозащитных организациях. От одной из них перепал простенький компьютер. Сейчас, наезжая в город, беру какие-то заказы, что-то по мелочам на хлеб с маслом, по-прежнему сочиняю стихи, они, понятно, не кормят. Ну, вот так, кратко.

Хотя нас погнали после пражских событий, я знал, что моё (простите патетику) свободомыслие взращено и поляками. Их журналы, редко, но залетавшие в нашу сибирскую глубинку, были окном в большой мир. Даже в «Польше», где страна была повёрнута к нам крашеным фасадом, иногда что-то проскакивало. Что уж говорить о польском кино и польских музыкантах. Впрочем, об этом я рассказал, и моё признание в любви было напечатано в «Новой Польше» в 2004-м. В Томске существует Польский дом и центр «Белый орёл», мне перепадает экземпляр этого интересного журнала.

Вот в нём и стал встречать Ваше имя. А совсем недавно дали на прочтение книгу Ваших переводов «И тогда я влюбилась в чужие стихи». Я давно люблю польскую поэзию (в переводах, понятно). Много ближе старые мастера — Лесьмян, Тувим, Галчинский. Помню, как сильно пробрал Бачинский. Конечно, не прошёл мимо Милоша и Шимборской. Брался переводить Агнешку Осецкую, стихи которой узнал

сначала как тексты песен Северина Краевского. Меня ожидало фиаско. Очень плотный язык, а хотелось не свободного переложения, но адекватного. Как уложить вместо «бо» длинное «потому что» или краткие польские по-русски звучат «другая, синяя». Так поломал зубы да не осилил. Встретил упомянутый ею «седьмой лес», думаю, что бы это значило. Может, вроде нашего заморского «за горами, за лесами, за широкими морями». Но кто бы подсказал?

Прочёл Вашу книгу, значительно расширив горизонты. Но увидел, что где-то и Вам не поддался материал. Ясно, что не мне, как говорят, наводить критику, но согласитесь, что у Рымкевича в «Улице Мандельштама» переводные «кольца ствольные» неточно, неуклюже, слабее оригинала.

Наталья Евгеньевна, у меня большая просьба. Только к Вам ли разумно её обратить? Не могла бы редакция прислать (подарить) мне такую книгу?

И ещё. Мне бы хотелось послать Вам для безжалостной оценки подборку своих стихотворений. Да захочется ли Вам читать? Напишите честно. Пока пристёгиваю один старый стишок «по теме».

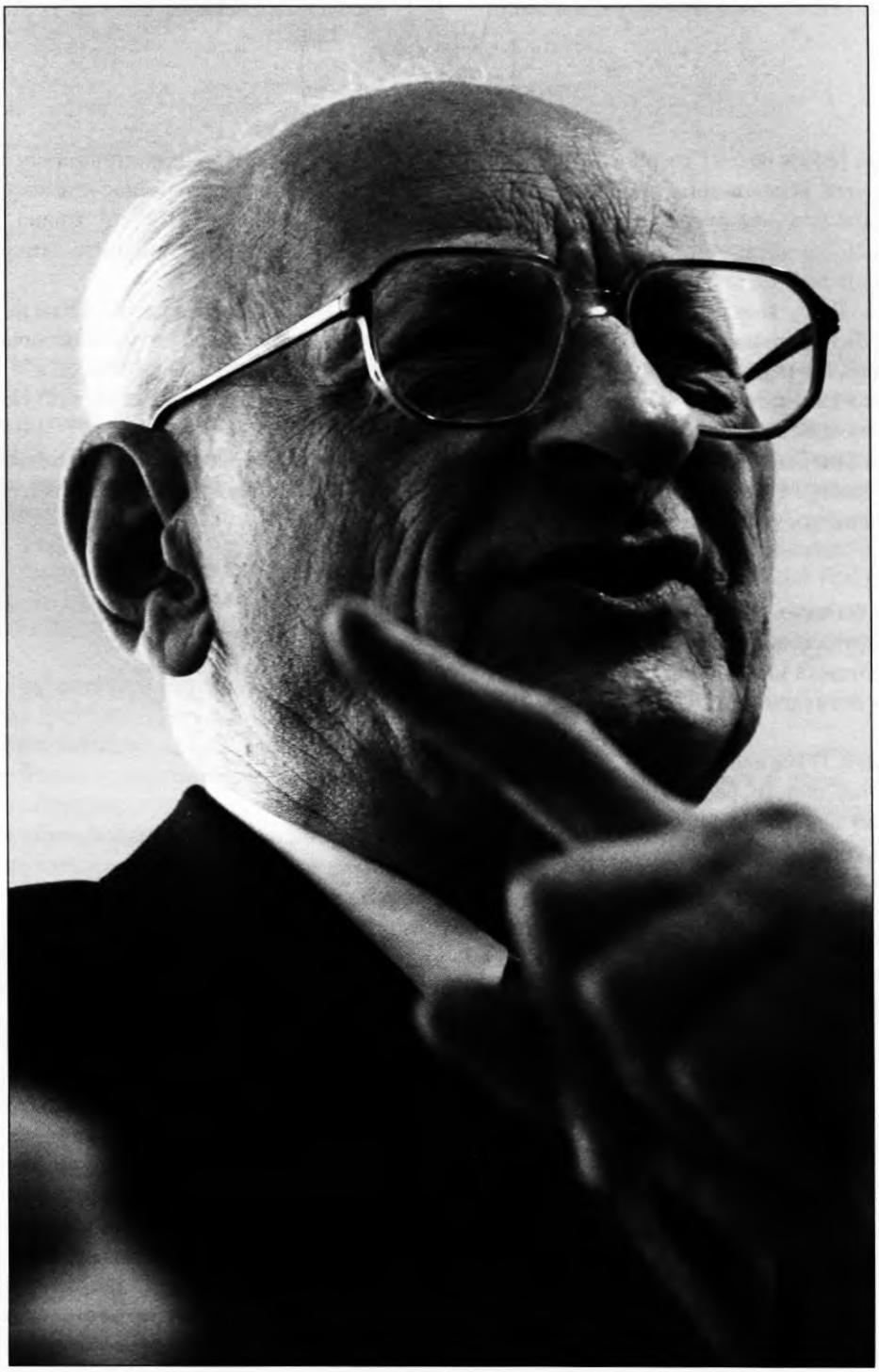
С давнишним уважением Владимир Крюков.

* * *

Спать бы надо, да сон не берет.
Вся округа заходится лаем.
Сна и отдыха знать не желая,
Сотня псов свои глотки дерет.

И ни зги. И все небо в снегу,
Он летит широко, бестолково.
Полюбуюсь с крыльца, право слово.
На роскошную эту пургу.

Ну, собаки! У них решено
Всю вселенную нынче облаять...
Так шумела когда-то облава
В старом, польском, как помню, кино.



19 февраля 2007 года исполняется 85 лет Владиславу Бартошевскому — всемирно известному ученому и государственному мужу в полном смысле этого слова, узнику фашистских концлагерей и коммунистических казематов, защитнику евреев во время оккупации и прав всех граждан в период ПНР, активному поборнику примирения народов, особенно польского и немецкого, а в демократической Польше — дважды министру иностранных дел, к мнению которого прислушиваются дипломаты, особенно российские. Владислав Бартошевский — превосходный публицист, председатель польского ПЕН-Клуба. Редакция «Новой Польши» от всего сердца поздравляет юбиляра и желает ему долгих лет жизни, а также дальнейших плодотворных трудов на благо Польши и всего мира.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

В. Гомбрович, Е. Фицовский, Е. Помяновский о Вруно Шульце
К. Маслонь о польской прозе
О. Закиров: из воспоминаний
А. Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
М. Выка о Станиславе Бжозовском
Г. Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б. Поцей о Ванде Ландовской
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский, А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с В. Зинем, Л. Турским

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

DWUTYGODNIK **ruch muzyczny**

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA *na świecie*

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich
02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 7 zł w tym 0% VAT